
ОГОНЁК
№ 22 МАЙ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Челябинский тракторный завод. Готовые тракторы «Сталинец-80» на заводском дворе.

Фото Я. Берлинера.

На первой странице обложки: «Интересная книжка». В яслях № 21 комбината «Красная Роза». Москва.
Фото Дм. Бальтерманца.

На четвертой странице обложки: В детских яслях нанайского села Кондон.
Фото Л. Аркадьева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 22 (1355) 31 МАЯ 1953

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Отдыхайте хорошо!

Вокзал — будь то московский, ленинградский, любого нашего города... В эти дни повсюду можно видеть одни и те же сцены: оживленные группы людей собираются у вагонов, провожая на отдых родных или друзей.

— Счастливо отдохнуть! — слышатся возгласы. — Загорай! Поправляйся!

Короткие и веселые проводы. Весело и тем, кто уезжает, — впереди недели отдыха — и тем, кто остается, — недалек час, когда они также будут прощаться с площадки вагона.

Создавая наилучшие условия труда, партия и правительство одновременно заботятся и об отдыхе советского человека. В нашей стране существует свыше 350 курортов, более двух с половиной тысяч санаториев, огромная сеть домов отдыха. Пятым пятилетним планом наряду со строительством заводов, фабрик, шахт, жилищ предусмотрено увеличение числа мест в санаториях примерно на 15 процентов, в домах отдыха — на 30 процентов.

Делегаты из капиталистических стран, посещая нашу страну, поражаются грандиозными масштабами организованного отдыха советских людей. В нынешнем году только за счет социального страхования в здравницах страны проведут свой отпуск свыше трех миллионов человек. Пятая часть профсоюзных санаторных путевок и десятая часть путевок в дома отдыха выдается бесплатно, за остальные трудящиеся платят одну треть их стоимости.

Всемирной известностью пользуются курорты Крыма и Кавказа, излюбленные места отдыха наших рабочих, колхозников, интеллигенции. Но из года в год завоевывают все большую популярность санатории и дома отдыха, расположенные во всех концах страны. Не обязательно совершать длинный путь, чтобы подлечиться за время отпуска. Недра советской земли богаты разнообразными минеральными источниками, повсюду целительная сила солнца и воздуха служит человеческому здоровью, а живописных мест в стране неисчислимое множество.

На забайкальских курортах — в Дарасуне, Олентуе, Шиванде и Угдане — отлично отдыхают и лечатся жители Камчатки, Сахалина, сибирских и дальневосточных областей. Близ Ленинграда создан большой курортный район, насчитывающий 47 домов отдыха и 8 санаториев. В донецких здравницах ежегодно проводят отпуск более 70 тысяч шахтеров, металлургов, машиностроителей. В нынешнем году открылись десятки новых санаториев.

Честно потрудившись, многие советские люди уезжают на отдых. Пожелаем каждому отпускнику:

— Счастливо отдохнуть!

Киевский вокзал Москвы. Стахановки завода «Каучук» уезжают в дом отдыха на черноморском побережье. Справа налево: А. Курнышева с племянницей Валей, А. Сурикова, Л. Юлина, О. Сергеева (в окне) и А. Игнатова.

Фото С. Раскина.

ГОРОД СЧАСТЛИВОЙ СУДЬБЫ

Чирчик. На берегу канала Зах.

Н. СОЛОВЬЕВА **Фото А. ГОСТЕВА.**

Пленительна панорама Чирчика, как бы заключенного в сверкающее кольцо снеговых гор, открывающаяся с верхних террас правого берега канала Зах. За мостом поднимаются кварталы нарядных жилых домов с колоннами и арками. Мягкие розовато-палевые тона стен гармонично оттенены нежной, по-весеннему прозрачной зеленью молодых деревьев. А дальше опаловая дымка скрывает волнистые склоны предгорий, плавно переходящие в уступы Чаткальского хребта.

Среди новых городов, появившихся за последние годы на земле Узбекистана, народ первым называет Чирчик — город химии, энергетики, машиностроения.

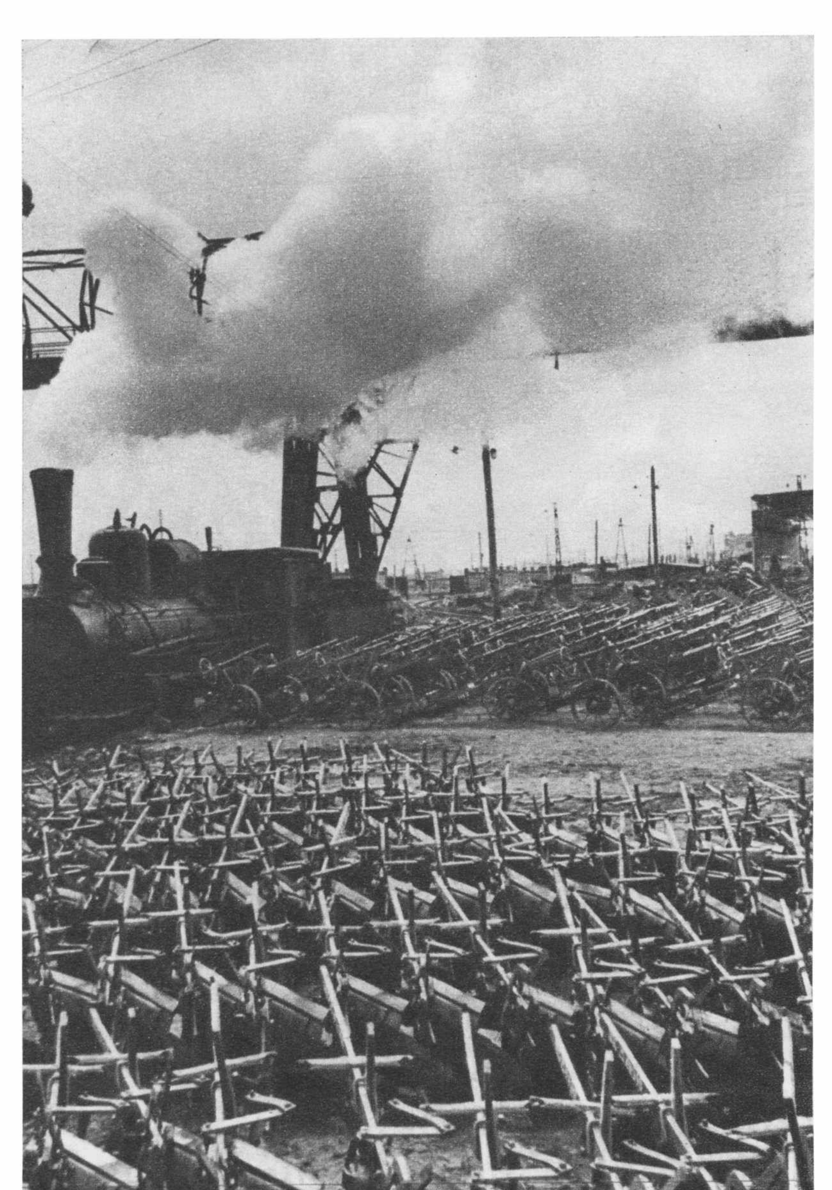
Весь облик Чирчика, встречающего вас красивыми, благоустроенными домами, лесами новостроек, зеленью парков и улиц-аллей, — неопровержимое свидетельство заботы партии и советского правительства о благосостоянии трудящихся.

...Центральная магистраль Чирчика — улица Ленина. Перспективу ее замыкает сверкающая на солнце вершина. Эта улица напоминает широкие проспекты курортных городов кавказского побережья, и только решетчатые башни высоковольтной линии, шагающие от Комсомольской ГЭС вдоль рядов стройных тополей, свидетельствуют: мы находимся в крупном промышленном центре.

Комсомольская ГЭС — гордость чирчикцев — получила свое имя в честь первых строителей города. Глядя на бурливые потоки вод быстрого Чирчика, скатывающиеся в канал, на строгое здание электростанции, трудно поверить, что двадцать лет назад здесь стояли глинобитные кибитки кишлака Кириз-кулак. Неотъемлемой частью горного пейзажа стали и сооружения самой станции и бывший поселок строителей, превратившийся теперь в один из районов города.

Большинство строителей Чирчика так и осталось навсегда в созданном их руками городе.

На заводе Чирчиксельмаш мы встретились с Хакимом Шакировым и его старым товарищем Махкамом Казакбаевым. Махкам остался верен приобретенной на стройке профессии. Каменщику-штукатуру в городе, который не-

Средняя школа № 9. Справа — стройка 40-квартирного жилого дома.

← Чирчиксельмаш. Погрузочная площадка готовой продукции завода.

прерывно растет, работы хватает. В прошлом слесарь, затем комсомольский работник, а на фронте офицер Советской Армии, Хаким Шакиров сейчас руководит одним из отделов заводоуправления.

В свободный час старые друзья любят побродить по городу. Они знают историю рождения каждого дома. Им, старожилам молодого Чирчика, первым его строителям, депутатам городского Совета, совсем небезразлично, как растет их город. А Чирчик расцветает с удивительной быстротой. Задуманный как рабочий поселок, он давно перешагнул предназначенные ему границы.

Подрастают и новые поколения чирчикцев. Вчерашние малыши садятся за парты. Нет и года, как открыла свои двери ребятам новая школа № 9, а уже завершается строительство еще одной — на 400 человек; вслед за ней будут заложены еще два школьных здания. Есть тут три техникума. Сотни рабочих чирчикских промышленных предприятий занимаются на вечерних отделениях техникумов. Второй год идут занятия в вечернем университете марксизма-ленинизма, работают школы мастеров социалистического труда.

Несмотря на молодость, Чирчик играет большую роль в народном хозяйстве республик Средней Азии.

Что ни день, из ворот Чирчикского электрохимического комбината имени Сталина отправляются в Фергану, Самарканд, в Туркмению эшелоны минеральных удобрений. В высоких урожаях, которые собирают хлопкоробы, немалая доля стахановского труда узбекских химиков.

Хорошо знают в колхозах и продукцию завода Чирчиксельмаш. Десятки тысяч различных культиваторов и других сельскохозяйственных машин с маркой этого завода работают на полях Узбекистана и соседних республик.

Территория Чирчиксельмаша больше походит на сквер, чем на заводской двор. Неумолчно звенят струи фонтана, между цехами, перекрещиваясь, тянутся аллеи. Летом ярким ковром цветов расцветают огромные клумбы. Цветы эти выращиваются в собственной заводской оранжерее.

На правом берегу канала Зах, куда будет перемещен центр города, возводятся стены монументального Дворца культуры химиков. Рядом с ним этим летом начнут строить Дворец пионеров и Дом Советов. Все три здания, примыкающие к центральной площади, составят единый архитектурный ансамбль. Уже высаживают чирчикцы деревца будущего парка культуры и отдыха. Скоро откроет свои двери клуб машиностроителей, закладываются кварталы многоэтажных жилых домов.

Овеваемый прохладными горными ветрами, в шелесте молодой листвы скверов живет Чирчик — город счастливой судьбы.

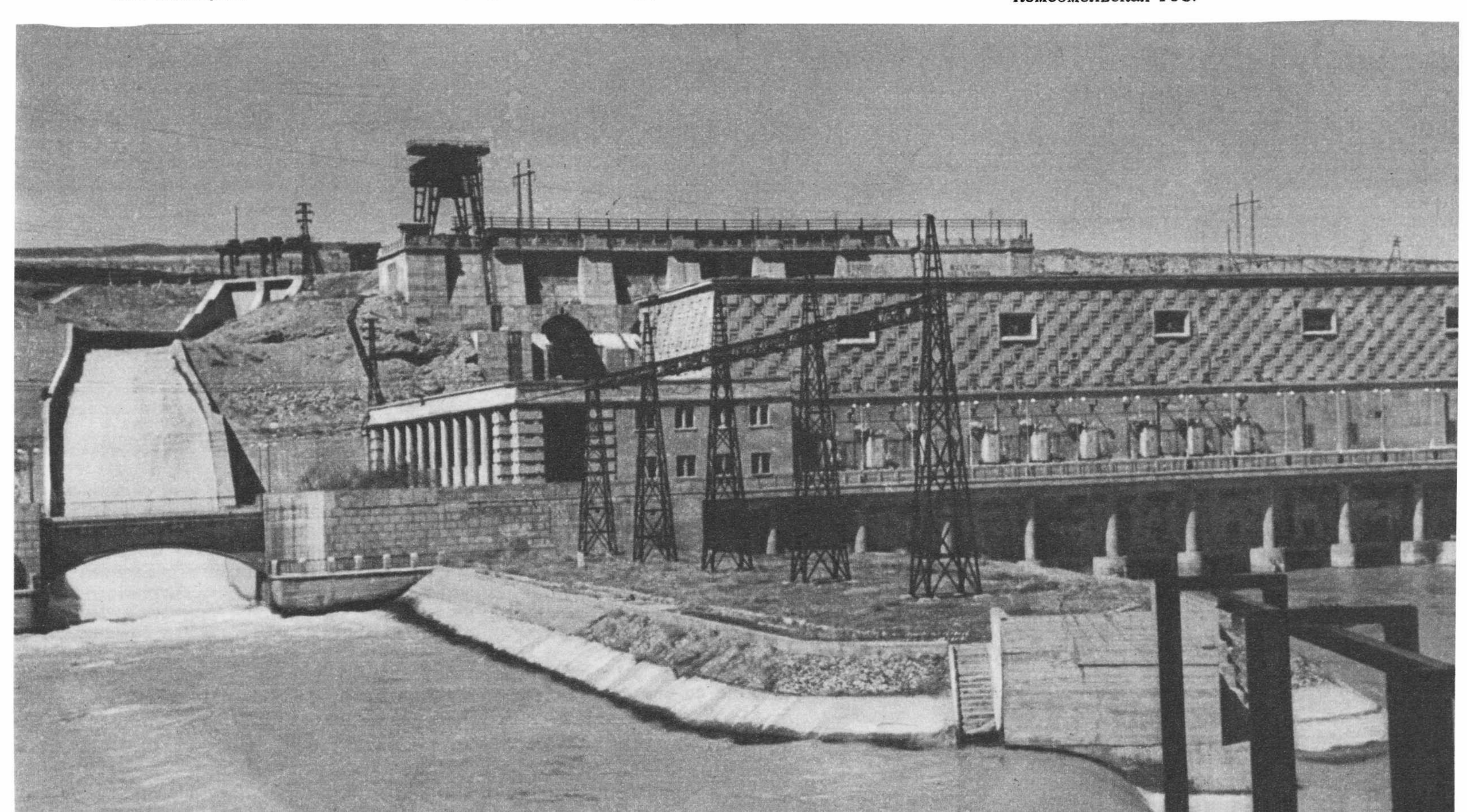
Бывшие строители Чирчика (слева направо): Махкам Казакбаев и Хаким Шакиров.

Детский сад электрохимкомбината.

Чирчиксельмаш. На заводском дворе.

Комсомольская ГЭС.

САД ПОПОВА

С. КАНАНЫКИН

Говорят, что каждый человек, который впервые приезжает в республику Коми, всегда удивляется суровому облику тамошних сел. И это понятно: ни деревца в них, ни единого кустика. Но всего удивительнее при этом то, что на каждом шагу чувствуется близость и обилие леса.

В чем же дело?

Я задал этот вопрос пятнадцать лет назад, едучи на перекладных по старинному почтовому тракту от Мурашей до Сыктывкара.

Угрюмый бородатый ямщик посмотрел на меня тогда, как на чудака, и молча кивнул на нескончаемый придорожный лес. Мне показалось, что он меня не понял, и я повторил вопрос.

Ямщик не проронил ни звука. По тому, как насмешливо сузились его маленькие, глубоко посаженные глаза, я понял, что он откровенно презирает людей, не понимающих простых вещей, и больше уже его не тревожил.

Зато заговорил мой попутчик, худощавый молодой человек в надетом поверх пальто брезентовом плаще. Он пристально на меня посмотрел и сказал:

— Странный вы человек! Едете по тракту третьи сутки и не можете догадаться, почему в наших деревнях зелени нет...

— Не могу.

Мой спутник засмеялся и тронул ямщика за плечо:

— Стой!..

Бубенцы умолкли. На пустынной лесной дороге стало тихо-тихо...

— А теперь прислушайтесь...— сказал мой спутник, понизив голос.

На всю жизнь запомнились мне его лицо, обращенное к вершинам сосен и елей, детски-радостное, полное наивного изумления, и застенчивая улыбка при этом, которую постепенно сменило выражение глубокой сосредоточенности.

— Слышите? — прошептал он.

Был поздний погожий мартовский вечер. Солнце уже зашло, и на бледнозеленом весеннем небе Севера отчетливо вырисовывались пики елей. Деревья были нерушимо спокойны, не ощущалось ни малейшего дуновения ветра, не раздавалось ни звука...

И все же насторожённое ухо уловило какой-то глухой, необъяснимый шум, ровный, непрерывный, похожий на отдаленный морской прибой. Он рождался где-то в вышине и, видимо, шел издалека. И странное дело: то ли от неизвестности или еще почему, только мне стало очень не по себе в этом темнеющем загадочном лесу.

А шум все струился, то набегая, то спадая волнами...

— Неужели вы еще не догадываетесь? — улыбнулся мой спутник.

Я молчал, все прислушиваясь.

— Это же... дыхание леса! — прошептал он.— От малейшего тока воздуха сквозь хвойные кроны песня эта у него получается. А если к тому же и ветер... Ну, тогда держись! Зашумит-запоет на две тысячи верст!

— Так уж и на две!

— Не верите? А знаете, сколько леса у нас? Столько, сколько его у Англии, Франции, Германии, Австрии, Италии, Испании, Бельгии, Голландии и у Дании в придачу.

И от избытка чувств он даже хлопнул нашего ямщика по плечу. Тот стегнул лошадей, сани рвануло, бубенцы заиграли, и мы помчались...

Из всего разговора я понял одно: мой спутник — восторженный человек, и он как-то по-своему хочет растолковать вещь, вполне понятную для него, но все еще неясную мне.

Между тем мы все ехали, ехали, и казалось, что ни звону бубенцов, ни черной, мрачной стене непроходимого леса не будет конца...

Вероятно, почувствовав мое состояние, спутник продолжал:

— Понимаете, эта махинища была врагом человека, давила на него со всех сторон, не давала простора. А у нас очень уважают места просторные, чистые, светлые... Вечная борьба у нас с лесом из-за этого шла. Приходилось отвоевывать землю у леса под каждую пашню, под каждую борозду!.. Ясно теперь? Не до садов и не до палисадников было.

— Век их не было и не будет. Не надо! — басисто поддержал ямщик, впервые за всю дорогу открыв рот.— И без садов тесно!..

— Так рассуждать, папаша, тоже неверно,— неожиданно возразил молодой.— Причину, отчего у нас садов своих нет, понять можно. А совсем от садов отказываться... Это прежняя отсталость голос подает...

Под утро мы въехали в небольшое селение, и, признаюсь, открытая горка, на которой стояла эта голая, без единого кустика деревенька, после ночной жутковатой лесной дороги показалась мне самым уютным местом на земле!

Мой попутчик тепло попрощался и, видимо, не утерпев, сказал ямщику напоследок:

— А таких людей, как ты, медведь, я все равно слушать не стану! Как решил, так и сделаю! Будут у нас сады!

— А я говорю: занимайся делом, а не пустяками! — загремел ямщик басом.— Если ты радист, то им и будь, а в садоводы не лезь! Радио я уважаю, а сады твои нам ни к чему. Захочется мне малины — я за ней в лес схожу!

Попутчик мой махнул на него рукой и ушел.

— Кто он такой? — спросил я у ямщика.

— Так, чудак один сыктывкарский,— процедил тот.— Фруктовый сад завести собрался, а сажать-то и нечего! Вот и рыщет, как волк, по всем углам: саженцы ищет. Курам на смех, честное слово!.. А где их найдешь, эти саженцы, если сроду на нашей земле сады не росли? Климат не тот!

* * *

И вот спустя пятнадцать лет я мчался от новой железнодорожной станции Княжий Погост в Сыктывкар на «Победе». Шофер такси, девушка-коми, очень бойкая, успевшая побывать на всех новостройках Севера, интересно рассказывала о северопечорской магистрали, о новом превосходном театре нефтяников в Ухте, о новом плавательном бассейне, о новой программе национального ансамбля песни и танца и о многом другом.

— Всего и пересчитать невозможно, дорогой товарищ!

— Одно у вас нехорошо. Попрежнему вокруг домов ни садов, ни палисадников нет.

— Как это садов нет?! — возмутилась она.— А взять хотя бы сад Попова? Это, знаете, сад какой! Десять тысяч ваших палисадников одного этого сада не стоят! Побывайте обязательно. Не пожалеете!.. Найдете Первомайскую улицу — и сразу увидите.

Улицу я нашел быстро. Она все еще не оправдывает своего солнечного названия. Молодая зелень сада, увиденная мною из-за нового резного забора, оказалась единственной приметой жилища Попова среди голого однообразия неозелененных домов. Такова сила традиции...

— Дома товарищ Попов?—окликнул я мальчугана на крыльце, который наполнял свежей землей громадный цветочный горшок.

— До-ома! — ясно улыбнулся малыш.

Я перешагнул через высокий порог и очутился в просторной горнице со множеством растений на подоконниках и на полу. Из-за лимонного деревца вышел высокий худощавый человек лет под пятьдесят, с маленькой лейкой в руках, и я сразу узнал в нем своего старого знакомого.

— Вот так встреча!.. Узнаете?

— Еще бы мне вас не узнать! — просто отвечал он, пристально и ласково смотря прямо в глаза.— Помнится, я еще вам рассказывал, как лес дышит!

Спустя десять минут мы уже сидели за кипящим самоваром, гостеприимная хозяйка угощала нас чаем, и давний попутчик мой дружески и увлеченно рассказывал о своем саде.

Нелегок был путь первого северного садовода-практика, Константина Артемьевича Попова. Уйму препятствий пришлось ему преодолеть: морозы губили первые саженцы, глубокие сугробы ломали весной при осадке снега ветви деревьев; садовода преследовали недоверие и насмешки окружающих...

Еще на два сантиметра выросло деревцо. Запишем в дневник...
Фото А. Кузнецова.

— Впрочем, говоря по совести,— улыбнулся Попов,— мне и самому сейчас делается смешно, когда я вспоминаю свои первые шаги. Началось мое увлечение с одной удивительной находки... Был в лесу, увидел куст земляники и ахнул: до чего хороша! Просто чудесный кустик попался: ягода крупная, сочная, яркая...

Разговор наш неожиданно прервался.

— Папа! — радостно ворвался с улицы мальчуган, весь перемазанный землей.— К тебе «грачи» пришли!

И тут же, точно град по крыше, на крыльце раздался дробный топот, дверь распахнулась, и на пороге остановилась шумливая компания школьников.

— Здравствуйте, Константин Артемьевич. Вот и мы! Какое будет задание?

Попов встает, радушно здоровается с ребятами и знакомит меня с ними:

— Мои основные кадры, моя главная опора! Работаем вместе на станции юннатов шестой год. Уж извините, разговор придется отложить. Мы пойдем покопаемся, а вы, если интересуетесь тем, как все у меня росло-развивалось, пока почитайте вот это.

И Константин Артёмьевич, уходя, подал мне с книжной полки объемистую тетрадь — «Дневник сада».

Запись первая: «Осень 1937 года... Сыктывкарская областная сельскохозяйственная выставка. Уже третий час я стою возле стенда, уткнувшись в толстую книгу.

Знакомство с книгой И. В. Мичурина «60-летние итоги и перспективы моих работ» — переломный момент в моей жизни. Я решил стать садоводом».

Следующая запись в дневнике появляется лишь недели три спустя.

«...Легко сказать: «решил». А где для сада саженцы взять? Во всем городе нашел только две старые, обглоданные козами яблони. Купил. Посадил. Но разве это материал? Горе! Люди вокруг смеются: большой, говорят, а чудак... Придется написать в Мичуринск. Скоро зима...»

За зиму только одна запись: «...Все свободное время провожу в библиотеке. Учусь. Иногда берет страх. До чего много книг по садоводству написано!.. Не одолеть мне их все... А надо бы. Надо! Поскорей бы весна!..»

Апрель 1938 года: «...Кругом весна, радость, а у меня горе. Две яблони мои, посаженные осенью, погибли. Замерзли. Соседи поучают: «Мы же тебя, чудачок, предупреждали: сроду в Сыктывкаре яблони не росли!»

Кому смех, а мне хоть в лес беги...»

Спустя месяц: «...Радость у меня! Мичуринск наконец ответил. Пришли письмо и посылка: яблоньки — саженцы в рогожном кулечке. Теперь пойдет у меня дело. Пойдет!..»

...Сад обещал многое, но разразилась война. С солдатским вещевым мешком за плечами Попов покинул дом, так и не попробовав ни одного яблока из своего сада.

Мечта о саде казалась теперь радисту Попову окончательно похороненной.

* * *

Кончилась война. Попов снова дома.

«...Осмотрел я сегодня сад. И радостно и горестно: больше половины сада погибло. Все придется начинать почти сызнова... А тут еще пришла пора решать такую задачу: надо поступать на работу. Что делать?..»

В райкоме партии во всем разобрались и посоветовали Попову поработать на республиканской станции юных натуралистов...

«...Пять лет руководства кружком юных садоводов в содружестве с замечательным педагогом-биологом Валентиной Михайловной Потолицыной дали мне очень много. Обучая детей, я совершенствовался и сам. Я приобрел там то, что другие получают в техникумах и вузах: знания, сведенные в систему. В работе моей появились стройность, порядок; я научился ставить опыты; стал учитывать влияние микроклимата и применяться к десяткам его оттенков; стал побеждать и морозы и весенние заморозки».

Все это плодотворно сказалось и на состоянии сада. Разнообразно и густо заселенный, он буйно пошел в рост. О нем заговорили в газетах. Стало ясно, что сад Попова не только личная удача упорного труженика, но и нечто большее.

А потом настал знаменательный день. Попов понял, что одному, без помощи государства, ему уже не справиться со своим окрепшим детищем. И запросил поддержки. Последняя запись в дневнике написана особенно старательным почерком и даже подчеркнута красным карандашом:

«Свершилось большое дело. Совет Министров Коми АССР постановил организовать на базе моего сада республиканский питомник плодовых деревьев и ягодников на шестнадцать гектаров. Сад мой будет теперь маточным садом этого питомника, а меня назначают его директором... Теперь передо мною новая задача: работать так, чтобы уже в ближайшие годы все колхозы наши имели свои сады».

Я кладу «Дневник» на полку и выхожу во двор. Весеннее солнце ослепляет, и я не сразу замечаю, что в саду, кроме ребят, снующих среди деревьев с мочальными кистями, садовыми ножницами, граблями и носилками, поодаль стоит группа взрослых; они беседуют с Поповым.

— Девочки, кто эти чужие люди? — обращаюсь я за разъяснением к школьницам.

— Да они не чужие. Это экскурсия,— улыбается светловолосая девчурка.—Со всей республики к нам в сад учиться приезжают!

Мы идем по саду. Светловолосая девочка и ее подружки, то и дело останавливаясь возле молодых деревьев, наперебой рассказывают:

— У Константина Артемьевича одних только яблонь пятьдесят сортов! А кроме них...

— А еще груши есть! — перебивает другая. — Записывайте: а еще есть вишни, терн, ирга, маньчжурский орех, малина, смородина, мичуринская черемуха...

— Слива — ренклод терновый. Оч-чень редкое деревцо!.. — говорит девочка, которую зовут Валя. — Знаете, как оно к нам попало?

И Валя шепотом открывает тайну:

— Сливу-ягодку, от которой Константин Артемьевич это деревцо вырастил, он... он потихоньку от экскурсовода в мичуринском саду сорвал!

Через полчаса я уже знаю, что Попов поддерживает связь с двадцатью опытными станциями Севера; что первым среди многочисленных юных садоводов города считается пятнадцатилетний Алик Шишкин, опыливший белый налив пыльцой яблони Ермак Мичурина; что в одном только Сыктывкаре десятки людей разводят деревья и ягодники...

Я замечаю в группе вокруг Попова седобородого рослого деда и спрашиваю о нем.

— Это мой дедушка по прозвищу «Ош»...— шепотом поясняет Валя.— По-русски «ош» — «медведь». Видите, какой он?..

Да, я хорошо вижу эту странно знакомую мне фигуру с большой белой бородой. Строго сдвинув пучки бровей, дед ведет с экскурсантами-колхозниками неторопливую беседу, а те старательно записывают, ловя каждое его слово...

— Теперь мой дедушка экскурсоводом у Попова работает. А раньше он... Раньше он самым главным насмешником был!

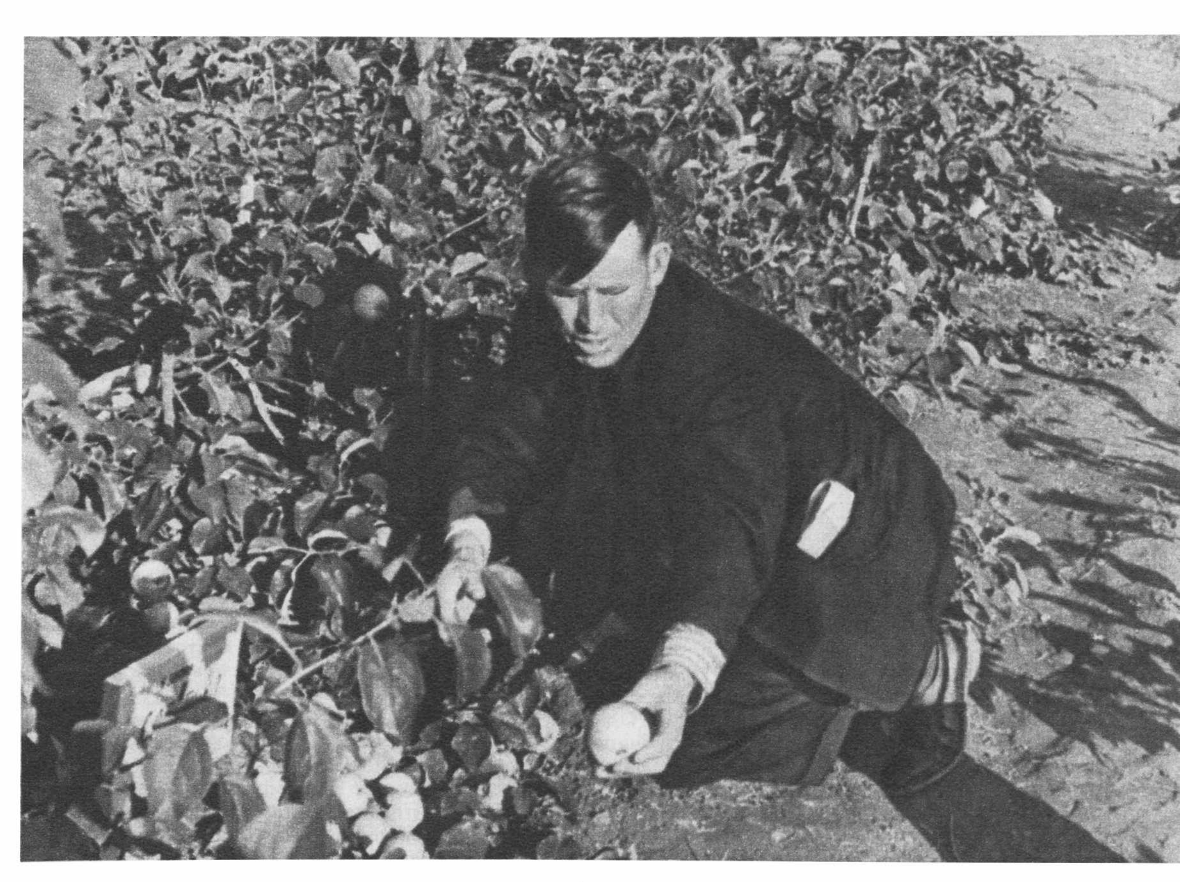
— А кем он, Валя, работал раньше? Уж не ямщиком ли?..

— Так вы его знаете?! — всплескивает руками Валя. — Хотя его многие знают... Из всех ямщиков он самый смелый был!

Я подхожу ближе к экскурсоводу.

— Здравствуйте, дедушка! Можно и мне вас послушать?

Дед неторопливо повернулся, окинул меня долгим, въедливым взглядом и молча кивнул. По тому, как сузились при этом его маленькие глаза, как вспыхнула и тут же погасла острая усмешка, мне показалось, что он меня узнал. А впрочем, кто его знает!.. В следующую минуту лицо его приняло прежнее неприступное выражение, и он продолжал глубоким стариковским басом:

Попался очень интересный экземпляр, и Константин Артемьевич Попов берет его для изучения.

— Главнее всего себя побороть... Как первую пулю в первого медведя всадить трудно, так и этот первый шаг сделать!.. Потом уж дело пойдет... А на неудачи плюйте! Без ошибок не проживешь. Ясно? Даже лесная малина у меня в саду не враз принялась... А тут, какникак, груши, яблоки!.. С ними ладить — все равно что живьем из берлоги медвежат доставать. Легко, а не просто! Понимаючи надо их за шиворот брать — этак мягонько, с лаской...

И, словно устыдясь таких непривычных слов, дед, насупясь, произнес, точно топором отрубил:

— Ну, точка. Обедать пора...

— Обедать так обедать! — отозвался из-за ближних кустов веселый, приветливый голос Попова.

— Осенью приезжайте ко мне и к дедушке Ошу за саженцами!

НЕРВ ИНДУСТРИИ

Главный инженер Экспериментального научно-исследовательского института металлорежущих станков

А. Е. ПРОКОПОВИЧ

Здесь рождаются новые станки. Общий вид экспериментального цеха научно-исследовательского института металлорежущих станков.

Фото Е. Умнова.

Они стояли под высокими сводами огромного зала, вытянувшись ровными линиями. На блестящем металле искрились лучи весеннего солнца, пробивавшегося через стеклянный свод и большие окна. И казалось, что вместе с нами эти безмолвные свидетели торжества разума и труда советского человека радовались его победам. Каких только станков не было на этой выставке, хотя советские станкостроители прислали сюда лишь незначительную часть того, чем они богаты! Организованная для участников проходившего в Москве Международного экономического совещания выставка убедительно демонстрировала высокий взлет советской научно-технической мысли. Для одних — наших друзей в Китае и странах народной демократии — выставка явилась еще одним подтверждением того, что они уже видели у себя на заводах: советские станки многократно испытаны ими в работе. А для других...

Швейцарский промышленник вначале даже не счел нужным остановиться у маленьких станков, предназначенных для идеально точной нарезки тех самых зубчатых колесиков, без которых немыслимы часы, а значит, и процветание основной отрасли промышленности страны, откуда прибыл гость. Швейцарец, в чьем представлении технический прогресс всегда связывался с Америкой и Западной Европой, бросил лишь беглый взгляд на маленькие станки: «Марка «СССР» не может в этой области конкурировать с швейцарской или американской».

— У нас таких станков много, и потому интереса они не представляют,— вежливо заметил гость.

Промышленник пошел дальше. И вдруг он остановился: в углу на постаменте стоял еще один такой же станок, но действующий. Одна за другим стремительно вылетали зубчатые колесики, хотя за станком никто не сидел. Никто не закреплял маленькое металлическое кольцо, чтобы нарезать на нем зубья и затем бережно снять готовую крохотную шестеренку. С таким механизмом швейцарец встретился впервые. Пристально он рассматривал его и внимательно прислушивался к объяснениям инженера.

— Советский Экспериментальный научно-исследовательский институт металлорежущих станков,— говорил инженер,— решил задачу автоматической магазинной загрузки. В магазин вставляется кассета с набранной заготовкой колец. Дальше действует автомат. Рабочий одновременно может легко следить за 10—15 автоматами.

— У меня на заводе сотни станков. Но у каждого из них сидит рабочий. Нашу фирму интересует возможность технической реконструкции...

— Переделка старых станков на автоматы исключается,— ответили ему.— Мы можем предложить вам новые...

Выставка открыла глаза на многое не только швейцарцу. Итальянцы, например, когда им показали токарный многошпиндельный станок с маркой ленинградского завода, заявили:

— О, таких станков у нас много. Это же копия американского «Индекса»!

— Вы заблуждаетесь,— ответил им инженер. И тут же открыл кожух станка.— Обратите внимание на электрический прибор — автомат настройки...

Новинка поразила итальянцев. Автомат, установленный на советском станке, позволяет токарю заранее настроить каждый из шести резцов на требуемый режим работы. Автомат безупречно выполняет все «команды» рабочего. Нажата кнопка с надписью «пуск», затем — «вперед», и огромный гидрофицированный шестишпиндельный станок приходит в движение. Суппорт сам осторожно подводит резец к заготовке, и тот начинает обточку металла по заданной команде. Вот операция закончилась, и теперь резец отодвигается в сторону, уступая место другому инструменту. Так, в точно заданном порядке действуют шесть инструментов, пока наконец специальный резец не отрежет готовую деталь.

Итальянцы долго любовались советским станком, невольно сравнивая его с американским «Индексом», на котором токарь, окончив обработку одним инструментом, должен вручную произвести переключение на другой.

В большом зале, где размещалась выставка, ныне, как и прежде, находится экспериментальный цех нашего института. Если мы сейчас заглянем сюда, то увидим, как здесь завершают длительное испытание станка, который лишил монополии еще одну американскую фирму — «Глиссон». Она много лет была неограниченным поставщиком станков для нарезки конических колец со спиральными зубьями. И вот американской монополии наступил конец. Новый отечественный зуборезный станок далеко превосходит лучшие американские образцы не только по классу точности и диапазону работ, но и по производительности. Скорость резания на «Глиссоне» не превышает 60 метров в минуту, а на советском она достигает трехсот. На американском станке нарезка одного зуба шестерни занимает 25 секунд, а на нашем — двенадцать.

Так в Советской стране люди науки и производства завоевывают мировое первенство на решающем участке борьбы за технический прогресс в машиностроении — в отрасли промышленности, образно названной И. В. Сталиным основным нервом индустрии. Он крепок и неуязвим, этот нерв, против любых попыток монополистов диктовать нам свою волю.

Советские конструкторы, создав лучшие в мире станки, настойчиво продолжают расширять и совершенствовать их парк. За последние годы промышленность СССР освоила сотни высокопроизводительных станков и машин, автоматов и полуавтоматов. Среди них есть и такие, которые принято называть уникумами.

Борьба за мировое первенство в станкостроении осуществляется нами при исключительно жестких требованиях. Мы живем в век высоких и сверхвысоких скоростей, напряжений, давлений, температур, в эпоху выпуска машин, состоящих из сотен тысяч деталей, изготовляемых с точностью до десятитысячных долей миллиметра. Современное машиностроение знает агрегаты весом в тысячи тонн и механизмы, детали которых весят несколько миллиграммов и по размеру не превышают миллиметра. И каждая подобная деталь, как правило, обретает окончательную форму и размер на металлорежущем станке.

Все эти особенности нынешнего этапа развития техники и определили пути творческой деятельности ученых и инженеров. Без преувеличения можно сказать, что мы располагаем сейчас гаммой станков, на которых можно обработать любую деталь, задуманную конструктором. У нас есть теперь токарные станки-гиганты, позволяющие обрабатывать детали диаметром до 3 метров и длиной свыше 30 метров; продольно-строгальные, на которые устанавливают заготовку весом более 40 тонн, длиной до 8 метров и высотой до 3 метров. Сейчас осваивается производство карусельного станка, на столе которого может свободно расположиться до 300 человек. Недавно созданы высокоточные шлифовальные полуавтоматы для обработки деталей диаметром в 1 миллиметр. И хотя каждую минуту такой станок дает несколько деталей, его суточный выпуск изделий легко поместить в спичечную коробку.

Еще на XVIII съезде партии В. М. Молотов говорил, что «...нужно не просто увеличивать производство станков, нам необходимо обеспечить в станкостроении решительное повышение удельного веса высокопроизводительных и специальных станков, особенно автоматов и полуавтоматов».

Борьба за высокую производительность станка — это прежде всего борьба за высокую скорость резания металла, за увеличение мощности электродвигателя.

Битва за скорость! В ней участвуют ученые и инженеры самых различных отраслей науки и техники. Увлекательная, огромной значимости проблема комплексно решается в нашей стране усилиями металлургов и химиков, создателями станков и режущих инструментов, усилиями людей умственного и физического

труда. Задолго до того, как скоростное резание металлов появилось в США, у нас по инициативе стахановцев впервые было положено начало большим скоростям в обработке металла. И сразу же подтвердились предвидения советских ученых: предел скорости резания можно отодвинуть. Резать металл можно гораздо быстрее, чем утверждали старые учебники. Как показали подсчеты, скоростное резание высвобождает почти треть металлообрабатывающих станков, а их у нас более миллиона! Борьба за скорость продиктована не только желанием достичь высокой производительности. Установлено, что если обрабатывать деталь резцом на большой скорости, то поверхность получается более гладкой, чистой. Значит, во многих случаях отпадает надобность в дополнительной шлифовке и полировке детали.

Двадцать — тридцать метров в минуту... Давно ли такая скорость считалась у нас высокой? Лет десять назад. А сейчас так называемыми крейсерскими скоростями, освоенными многими тысячами рабочих, являются скорости в 300—400 и больше метров. Токари высшего класса Бушуев, Быков, Борткевич перевалили за 3 тысячи метров в минуту. Созданный нашими учеными минерало-керамический инструмент позволяет достичь еще более высоких скоростей. Это побуждает нас конструировать станки со все возрастающим числом оборотов и мощностью двигателя. Вот несколько цифр. Всем известный станок «ДИП-200» имел наибольшее число оборотов — 600 и мощность электродвигателя 2,7 киловатта. А сейчас завод «Красный пролетарий» осваивает серийный выпуск станков с числом оборотов до 3 тысяч в минуту и с электродвигателем мощностью до 14 киловатт. Спрос на сверхскоростные станки растет и растет. Уже есть нужда в шлифовальных станках с числом оборотов до 100 тысяч и более в минуту.

Было бы, однако, неверным считать, что высокая скорость резания является единственным средством повышения производительности станка,— ошибка, допускаемая некоторыми товарищами. С этой точки зрения очень поучителен опыт волжского токаря В. Колесова, предложившего метод силового резания. Он доказал: можно работать не только на высокой скорости, но, увеличив подачу, достигнуть значительного роста производительности. В конструкциях советских станков предусмотрены возможности работы на больших подачах.

Подсчет показывает: токари-скоростники на переключение скоростей оборотов и подач, на остановку и пуск станка, установку инструмента иногда затрачивают за смену больше времени, чем на самую обработку детали. Свести к минимуму расход так называемого вспомогательного времени — одна из главных проблем, решением которой занят конструктор, замышляющий новый станок. И проблема решается не без успеха. Недавно нами сдан государственной приемочной комиссии станок «І-П-365». Он примечателен тем, что подготовку к переключению скоростей оборотов шпинделя и подачи суппортов токарь производит, не останавливая мотора. Все эти операции выполняются после легкого нажатия ручки.

Одно из самых знаменательных явлений в нашем станкостроении — широкое использование автоматики и телемеханики. Дело не только в повышении производительности, но и в облегчении труда рабочего.

Машины, работающие сами,— это уже не сказка, это не из фантастических романов, а быль наших дней. Станок-автомат, делающий вместо рабочего все, что требуется для обработки детали, перестал быть диковинкой на заводах СССР. В Краматорске недавно изготовили станок, на котором всеми производственными процессами токарь управляет нажатием кнопок. По его воле автоматизированные приборы изменяют скорость, подводят и отводят работающие резцы, увеличивают или уменьшают подачу. Если случаются неполадки, то о них дает знать световая и звуковая сигнализация.

Станкостроители широко используют новейшие достижения электро- и гидроавтоматики. В современных станках-автоматах «задают команды» электрические аппараты, а «исполняют» — гидроэлектрические и электромеханические устройства. На сравнительно небольшом предприятии — автоматическом заводе поршней — применено свыше тысячи электрических аппаратов. В течение одной минуты здесь подается свыше 5 тысяч разнообразных команд. Легко представить, какая должна быть точность и слаженность в управлении для того, чтобы каждая из этих команд поступила в назначенное время и не вызвала аварии или остановки агрегата или системы машины. Какая должна быть «исполнительность» принимающих механизмов, чтобы мгновенно, четко выполнить заданные «команды»!

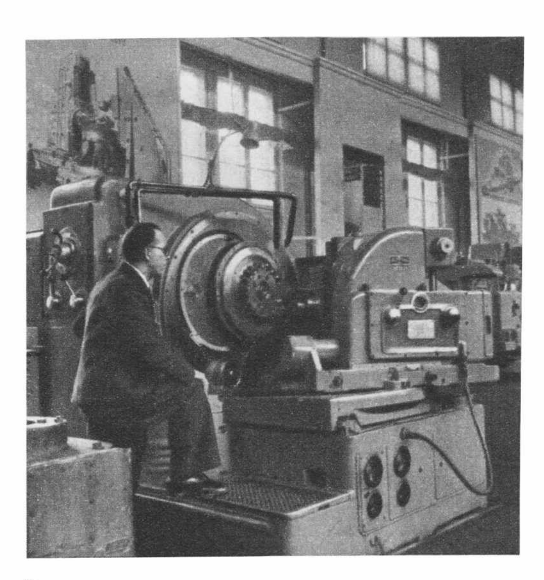
В Советской стране принципиально иное отношение к автоматике. На Сталинградском тракторном заводе побывала канадская профсоюзная делегация. Ей показали установленную здесь автоматическую линию станков. О своих впечатлениях гости написали в книге «Мы были там». Вот несколько строк: «Раньше для того, чтобы выполнить эту работу, нужно было 200 человек, теперь она совершается при помощи 8 рабочих. В нашей стране такие машины, конечно, могли вызвать безработицу. В Советском Союзе, где сами рабочие являются хозяевами предприятий, увеличение выпуска продукции ведет лишь к более зажиточной жизни...»

Автоматические линии станков прочно вошли в арсенал советской индустрии. Функции рабочих здесь сводятся к наблюдению за сложными агрегатами, к управлению ими. Но станкостроители сумели подняться на еще более высокую ступень. В конце послевоенной пятилетки мы построили первый завод-автомат. А в прошлом году появился второй, еще более совершенный. Кстати, по сообщению зарубежной технической печати, фирма Форд только в 1960 году собирается построить автоматический завод по изготовлению поршней.

Мы многое уже сделали для автоматизации как отдельных агрегатов, линии, так и целых производств. В пятой же пятилетке удельный вес автоматических и полуавтоматических станков по сравнению с предыдущим пятилетием возрастет в два раза. Промышленность получит автоматические линии для производства деталей сельскохозяйственных машин (лемехов), различных бытовых изделий (ножей, вилок, топоров, ножниц). Создается завод-автомат, который будет выпускать шариковые и роликовые подшипники.

Успех дальнейшего внедрения автоматики во многом зависит от решения сложной технической задачи: надо создать такие типы станков, из которых можно было бы формировать различные по служебному назначению автоматические линии. Переход от специальных машин-автоматов к типовым конструкциям позволит намного снизить стоимость автоматических линий, сократит сроки их организации.

Советские станки — лучшие в мире — должны стать и самыми дешевыми!

Этот станок предназначен для изготовления конических колес со спиральными зубьями. Он освобождает нашу страну от импортной зависимости. У станка — ведущий конструктор В. Н. Кедринский.

Песни Кубы

Николас ГИЛЬЕН

ЗЕЛЕНАЯ ЯЩЕРИЦА

**В Антильском, Антильском море —
Карибским зовут его также —
исхлестана злыми валами
и легкою пеной украшена,
под солнцем — оно ее гонит,
а ветер назад отгоняет,
а слезы живут только в песне —
качается Куба на карте:
зеленая длинная ящерица
с глазами, как влажные камни.**

**Венец из колючих стеблей
ей плетет тростниковый сахар,
но он не похож на корону,
ведь носит его раба;
царица в плаще — если издали,
с изнанки плаща — служанка,
печальнее всех печальных
качается Куба на карте:
зеленая длинная ящерица
с глазами, как влажные камни.**

**Но ты, у берега моря
стоящий на крепкой страже
морской тюремщик, запомни
высоких копий сверканье,
валов нарастающий грохот,
язык языков пожара
и ящерицу, что проснулась,
чтоб вытащить когти из карты:
зеленая длинная ящерица
с глазами, как влажные камни.**

ОТВЕТ

1

**Ты не скажешь ли мне, приятель,
почему ты идешь воевать!
— Я иду за своим капралом,
он командует: «Ать-два! Ать!»
Впереди трещат барабаны,
жеребец генеральский ржет.
Француз протянул нам руку,
нам руку янки дает.
Смирим мы вместе с французом
смуглолобый Вьетнам огнем,
и крепкую шею Кореи
мы вместе с янки согнем.
— Если пойдешь ты в бой,
не вернешься домой.
Засыплют тебя землей.**

2

**Ты не скажешь ли мне, приятель,
почему ты идешь воевать!
— Отомстить за отца иду я!
Из-под пепла ему не встать...
Убит он солдатами злыми,
но я знаю, где их искать!
Идут, отравляют воду,
отравляют землю мою,
идут, не пропустят и ветра
и хлеб мой жгут на корню,
идут эти злые солдаты,
но я их везде догоню!
— Смело бросайся в бой!
Если смерть придет за тобой,
за тебя отомстит другой.**

**Перевел с испанского
О. САВИЧ.**

Николас Гильен — известный кубинский поэт.

ПУТЬ МИРА И СОЦИАЛИЗМА

Для старого будапештского рабочего или молодого строителя Сталинвароша, для крестьянина или композитора, студента или седого ученого — для каждого венгра, любящего свою родину, день 17 мая останется навсегда великим национальным праздником.

Народ Венгерской республики еще раз подтвердил в этот день свою непреклонную волю идти тем путем, который он избрал для себя раз и навсегда,— путем мира, строительства социализма. 98 процентов избирателей приняли участие в выборах Государственного собрания; 98,2 процента из этого числа отдали свои голоса за кандидатов, выдвинутых Народным фронтом независимости. Тем самым трудящиеся Венгрии выразили полнейшее доверие и поддержку Венгерской партии трудящихся и народному правительству.

На 200-тысячном предвыборном митинге в Будапеште вождь венгерского народа Матиас Ракоши сказал, что одна из важнейших задач Государственного собрания нового состава — это принятие закона о втором пятилетнем плане, плане построения в Венгрии социалистического общества. 17 мая весь венгерский народ единодушно проголосовал за светлое будущее своей страны. На снимке справа: пионеры встречают Матиаса Ракоши на избирательном участке в Будапеште.

Все зажиточнее и культурнее становится жизнь венгерского крестьянина. Почти 340 тысяч крестьянских семей встретили весну этого года дружной работой в производственных кооперативах. На снимках: слева — члены одного из производственных кооперативов комитата (области) Бекеш отправляются на избирательный участок; справа — голосуют Бела Вёрёш и его жена, члены производственного кооператива села Болдог.

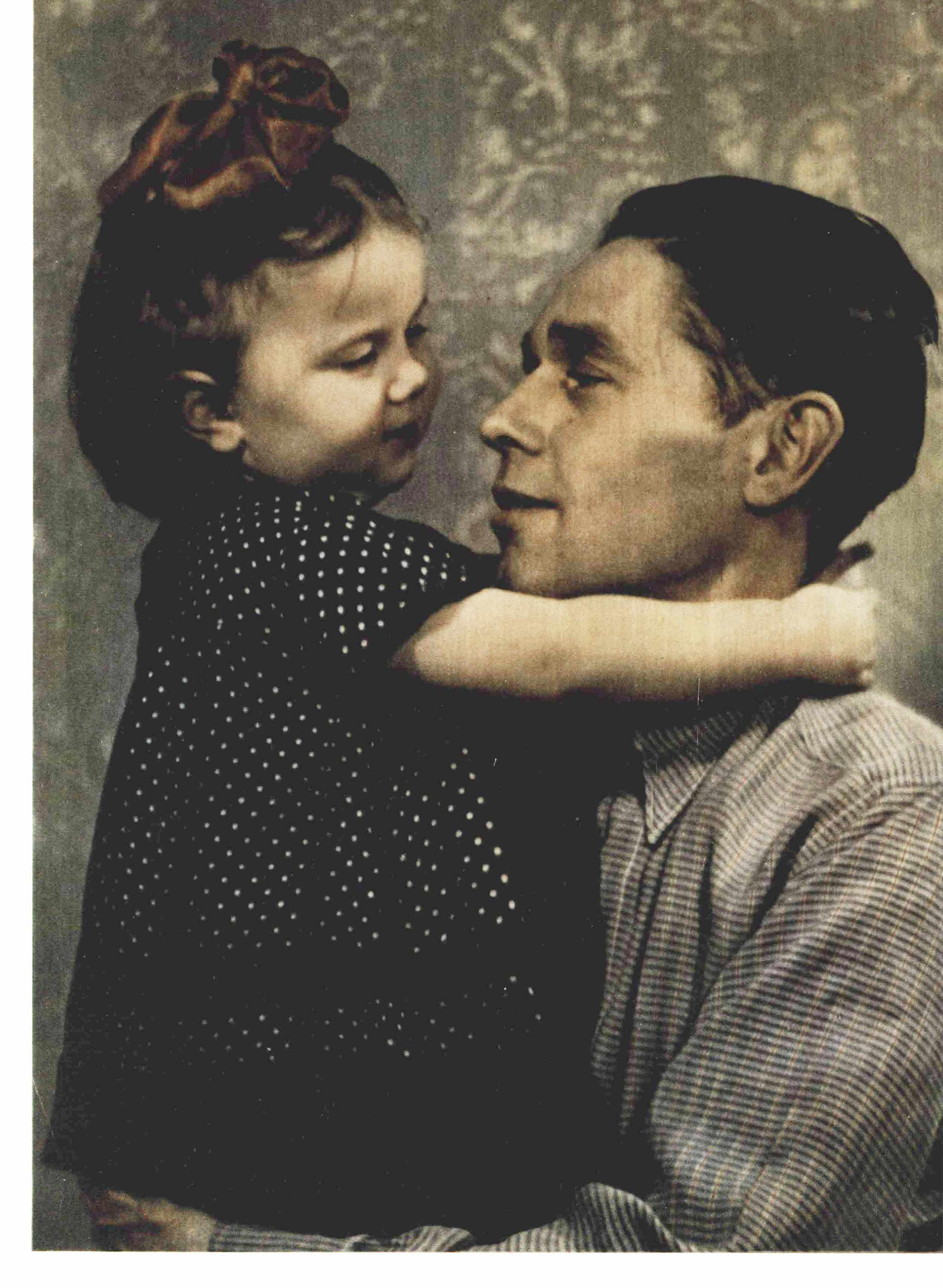

Четыре года назад на этом месте не было ни улицы, ни домов. Первые молодежные бригады строителей, приехавшие сюда, увидели лишь необозримые просторы рыхлой земли, которая под дождем превращалась в грязь. Теперь здесь новый город рабочей молодежи, выросший рядом с гигантским металлургическим комбинатом. Город носит имя Сталина. На снимке внизу — голосуют жители нового города Сталинвароша.

Для Белане Гебьеш, работницы государственного хозяйства в Тапселе, день 17 мая был вдвойне радостным: она голосовала «вместе» со своей новорожденной дочерью.

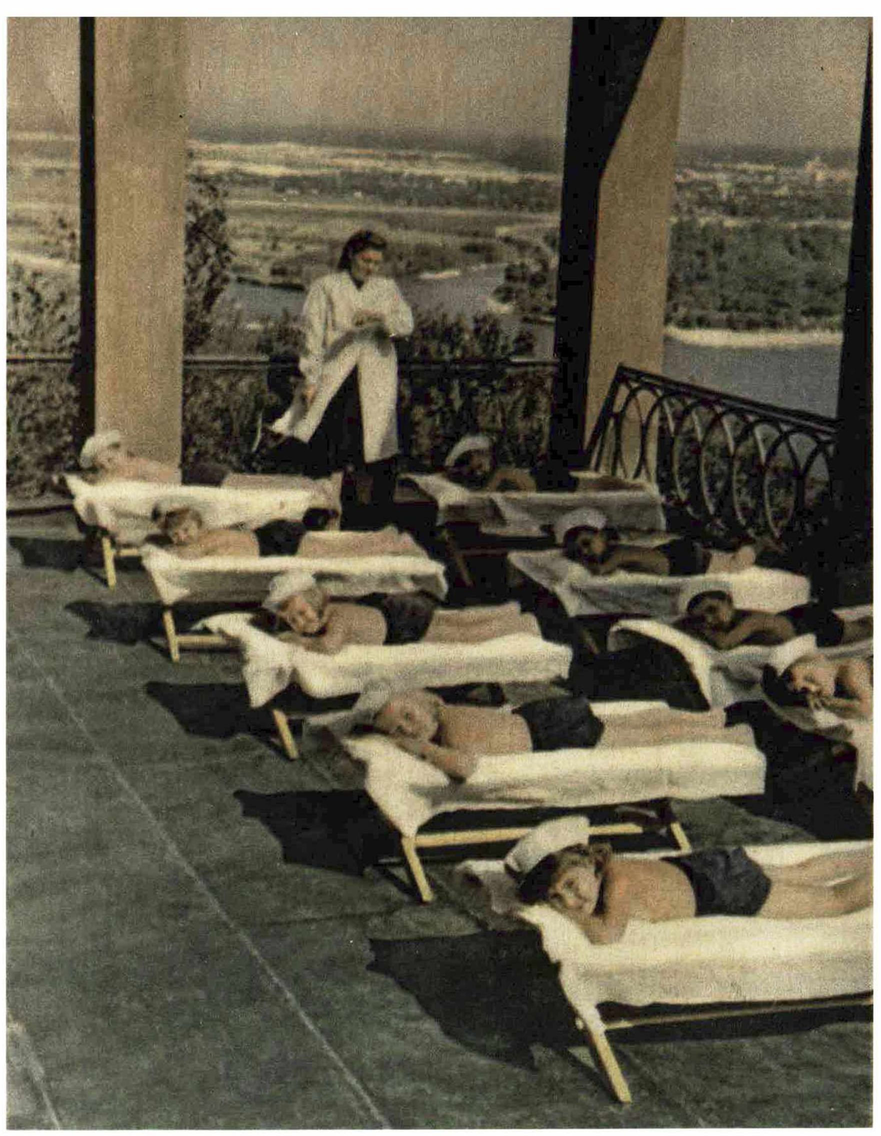
Знатный токарь-новатор Средневолжского станкостроительного завода Василий Александрович Колесов со своей внучкой.

Фото С. Осипова.

ДЕТСКИЙ САД МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА (Киев).

В умывальной комнате

Солнечные ванны.

В уголке игр младшей группы.

Девочки заботливо ухаживают за цветами.

Фото Н. Козловского.

На берегу Днепра

Фото Н. Козловского.

Лиля Заморская и Валя Крицкая сегодня дежурят в уголке живой природы.

— Ну, дети, пошли! Оксана, Галя, не торопитесь... Наташа, не отставай...

Воспитательница Мария Петровна Пархоменко вывела детей на дорожку, и малыши чинно, парами пошли на прогулку.

Вслед за ними из дома вышли средние и старшие группы. Комнаты опустели, в доме стало тихо, как в час послеобеденного сна.

На высоком берегу Днепра, весь обвитый плющом и диким виноградом, стоит этот замечательный дом — детский сад киевского машиностроительного завода. С утра до сумерек тут слышатся голоса двухсот пятидесяти малышей.

Юлия Федоровна Петраковская, директор детского сада, совершает утренний обход. Тридцать лет назад она положила начало этому детскому саду. Сначала он занимал небольшое полуподвальное помещение, потом несколько комнат, а в предвоенные годы завод построил трехэтажное здание, где во всем, в любой мелочи, ощущается трогательная забота о малышах. На каждом этаже свои комнаты для игр, спальни, столовые. В них много света и воздуха. На третьем этаже большой физкультурный зал, которому может позавидовать любое спортивное общество; уголок живой природы.

Утром у родителей, спешащих на завод, воспитательницы принимают малышей и ведут их в гардероб; каждый раздевается у своего шкафчика. Тут не бывает путаницы: вместо номеров к шкафчикам прикреплены изображения котенка, совы, цапли, мячика. Потом дети поднимаются в комнаты. Здесь их поджидает... ложка рыбьего жира. Не всем приятна эта встреча, но не поможет самая изощренная хитрость, бесплодны отважные попытки спрятаться за диван... Но вот эта минутная неприятность осталась позади, и завтрак протекает весело.

После завтрака происходит вторая, теперь уже радостная встреча — с любимыми игрушками. Малыши усаживаются на коврах, и начинается игра.

В средних и старших группах в это время приступают к занятиям. Хор разучивает песню, танцоры готовят новый танец, в рабочей комнате рисуют, лепят, вырезают из бумаги. Саша Саровский старательно раскрашивает вылепленную из пластилина им и Ниной Беловой чайную посуду. В уголке живой природы сегодня дежурят Лиля Заморская и Валя Крицкая; они приступили к исполнению своих обязанностей и кормят рыбок.

Все заняты, у каждого свое дело. Незаметно для детей вся их жизнь умело направляется терпеливыми воспитателями. Они исподволь приучают малышей к дисциплине, прививают им любовь к труду, воспитывают чувство товарищества, взаимопомощи, готовят детей к школе.

В эти же часы врач Тамара Фоминична Орешко вызывает к себе по одному, по два малыша, выслушивает, осматривает их. Это профилактическое врачебное наблюдение ведется изо дня в день. Кроме того в детский сад часто наведываются врачи-специалисты.

В половине одиннадцатого дети уходят на двухчасовую прогулку, до обеда. Возвратившись, все бегут к умывальникам, моют руки, ноги. Все было бы хорошо, но... воспитательницы опять протягивают ложки, полные рыбьего жира...

После обеда сон. Белоснежные постельки стоят в длинных, затененных портьерами комнатах. Укрытые до пояса одеялами, ребятишки, нагулявшись, спят. Кто не успел заснуть сразу, тот лежит, притаившись, «как мышка», и в щелочки прищуренных глаз подсматривает, как быстро шевелятся вязальные спицы в руках дежурной няни. Подсматривает такой хитрец и не замечает, как щелочки закрываются сами собой.

После сна дети принимают воздушные ванны на террасе, с которой открывается чудесный вид на Заднепровье. Обтирание водой, полдник и снова прогулка в саду. Здесь дела с утра осталось еще много: надо дополоть клумбы и грядки, полить на ночь цветы. Занятий хватает до вечера, когда приходят родители и забирают своих малышей домой.

Так течет жизнь в детском саду. Все просто и обыденно. Но сколько труда, педагогического мастерства, родительской любви и заботы вкладывают педагоги, воспитатели, сестры, няни! Их труд ценят родители малышей: рабочие, работницы, инженеры, техники машиностроительного завода. За время существования детского сада тысячи его воспитанников стали учителями, инженерами, учеными, рабочими-стахановцами, врачами, агрономами.

Сюда нередко наведываются гости из-за рубежа. Всех их восхищает забота о детях в Советском Союзе. Американская женская делегация, побывавшая тут в прошлом году, оставила в книге впечатлений такую запись:

«Мы увидели поэзию творческого труда в прекрасных условиях, которыми обеспечен здесь цвет советского народа — дети. И мы увидели также теплые, согласованные, товарищеские отношения между самими детьми и между детьми и педагогами, что помогло нам понять то, что мы видели по всему Советскому Союзу: почему каждый рабочий является художником, поэтом, создателем красоты своего труда, какую бы форму ни имел его труд».

«Вернувшись в свою страну, — обещает рабочая делегация из города Орхуса (Дания), — мы будем рассказывать обо всем, что здесь видели и слышали, и не забудем этих детей, их детский сад и педагогов. Несомненно, что о стране и культуре ее народа можно судить по тому, как воспитываются дети и что для них делается».

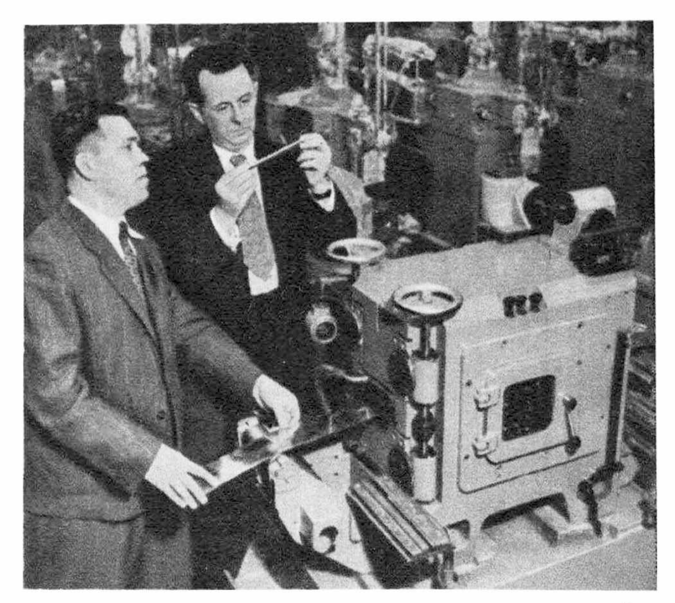
Делегаты польских учителей пишут: «Опыт этой работы мы перенесем в польские детские сады».

А. АЛЕКСЕЕВ

Воспитательница М. П. Пархоменко выводит малышей на прогулку.

Институт — создатель машин

На этом стане прокатывается стальная лента толщиной в папиросную бумагу. На снимке: конструкторы стана инженеры ЦНИИТМАШ П. И. Соловьев (слева) и А. М. Когос осматривают валок после прокатки.

Фото Я. Рюмкина.

«ЦНИИТМАШ. Москва» — эту марку можно встретить в Донбассе и на Урале, в Средней Азии и на Камчатке, в Китайской Народной Республике, в странах народной демократии, в Индии. На сотнях заводов и электростанций, во множестве лабораторий как в СССР, так и за рубежом работают машины, созданные Центральным научно-исследовательским институтом технологии и машиностроения.

Директор института лауреат Сталинской премии Е. П. Унксов рассказал корреспонденту «Огонька»:

— Для земснарядов и нефтепроводов нужны тонкостенные стальные трубы высокой прочности. Обычные продольные швы, которыми сваривают свернутые в трубу стальные листы, не выдерживают высокого давления. Возникла мысль сворачивать стальные листы спирально. Нашим институтом спроектирован оригинальный стан для спиральной сварки труб. Построенный по этому проекту стан работает на одном из металлургических заводов, выпуская за смену более километра стальных труб большого диаметра.

Еще недавно в Советский Союз ввозилась из-за границы стальная лента, необходимая для производства бритвенных лезвий и для многих других отраслей машиностроения. Теперь на двух заводах уже работают отечественные станы, сконструированные и изготовленные в ЦНИИТМАШ, прокатывающие ленту толщиной менее 0,1 миллиметра.

В производстве подшипников одна из самых сложных и трудоемких операций — штамповка шаров. ЦНИИТМАШ разработал новую технологию их изготовления — прокатку. Стан для прокатки шаров, созданный в нашем институте, отлично работает на одном из подшипниковых заводов.

Совместно с заводскими инженерами и Центральным котлотурбинным институтом имени Ползунова сотрудники ЦНИИТМАШ потрудились над созданием новой марки стали для самой мощной в мире паровой турбины в 150 тысяч киловатт.

Выполняя решения XIX съезда Коммунистической партии, наш коллектив настойчиво борется за дальнейший прогресс отечественного машиностроения.

На Мингечауре

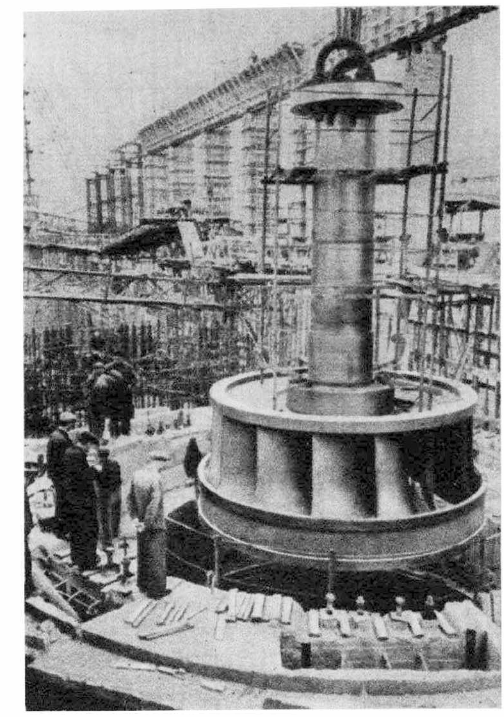
Весна 1953 года ознаменовалась большим событием в жизни строителей Мингечаурской гидроэлектростанции на Куре: впервые за тысячелетия весенние паводковые воды реки не схлынули в Каспий, а, встретив на своем пути мощное препятствие — земляную плотину, возведенную в ущелье у подошвы Боз-Дага,— стали накапливаться в водохранилище. На глазах у строителей происходило образование нового моря, Мингечаурского.

Ныне водохранилище занимает уже огромную площадь, протянувшись на много десятков километров. Поверхность его бороздят катеры и моторные лодки. Но накопление воды еще далеко не закончено. Оно будет продолжаться до тех пор, пока высота земляной плотины не достигнет максимальных проектных отметок.

День и ночь мощные насосы нагнетают смешанную с водой песчано-гравийную массу в пульпопроводы и гонят ее к месту намыва. Сотни тысяч кубометров грунта ложатся каждый месяц в тело плотины.

Напряженная работа кипит и в строящемся здании ГЭС. Здесь уже давно трудятся монтажники, устанавливающие мощные турбины и генераторы. Монтаж первого агрегата заканчивается. Недалек день, когда по проводам побежит первый ток Мингечаурской гидроэлектростанции.

Г. ОГНЕВ

На снимке: установка рабочего колеса с турбинным валом.

Фото М. Фришмана.

БРОНЗОВЫЙ БЮСТ ДВАЖДЫ ГЕРОЯ

Бюст дважды Героя Советского Союза М. П. Одинцова.

Фото Я. Кунина.

Молодой затяжчик свердловской фабрики «Уралобувь» Михаил Петрович Одинцов совмещал работу с учебой в Свердловском аэроклубе. Окончив курс, он решил стать летчиком.

...На четвертый день Великой Отечественной войны летчик Одинцов пошел на выполнение своего первого боевого задания.

Отважно сражался он с фашистскими захватчиками, проявляя мастерство, храбрость, хладнокровие и решительность в боях. Правительство дважды присваивало ему высокое звание Героя Советского Союза, наградив орденами и медалями.

В Свердловске, перед зданием школы № 36, в которой учился М. П. Одинцов, в торжественной обстановке открыт бронзовый бюст дважды Героя Советского Союза М. П. Одинцова. Отважного летчика приветствовали представители партийных и советских организаций, школы № 36 и Суворовского училища.

Выступивший на митинге М. П. Одинцов сказал, что все свои силы, знания и умение он отдаст укреплению социалистической родины.

После митинга состоялась встреча Героя с воспитанниками Суворовского училища, которым он подарил модель самолета.

Н. РОЗИНА

Ленинград — Пушкин — Павловск

Витебский вокзал в Ленинграде — один из старейших в нашей стране. В его здании и сейчас можно увидеть большое художественное панно, запечатлевшее историческое событие: в 1837 году по Царскосельской железной дороге с этого вокзала отправился первый поезд. Ныне отсюда ежедневно уходят десятки поездов в живописные пригороды, на Одессу, Киев, Витебск.

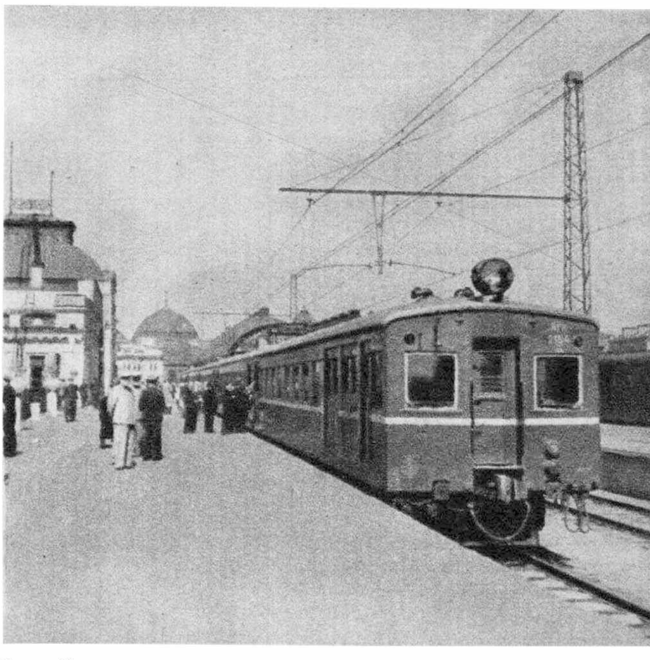
...У перрона, напротив красивого здания летнего павильона, останавливается электропоезд. Людской поток устремляется в новые вагоны. Среди тех, кто уезжает с первым поездом, много строителей. Эту честь они заслужили самоотверженным трудом. Они построили и сдали в эксплуатацию на два с половиной месяца раньше установленного срока новую электрифицированную линию: Ленинград — Пушкин — Павловск.

9 часов 55 минут. Дежурный по станции дает сигнал отправления. Раздаются знакомые звуки сирены. Поезд отходит от перрона и, быстро набирая скорость, скрывается вдали. Пятая по счету электрифицированная линия, идущая из Ленинграда, вступила в строй.

Еще в довоенные годы началась электрификация ленинградских пригородных железнодорожных путей. С Балтийского вокзала идет электричка в Петродворец, Гатчину, Ломоносово. Две электрифицированные дороги от Финляндского вокзала построены в послевоенное время. Удобные пути сообщения соединяют город с поселками курортного района, расположенными вдоль Финского залива, а также со знаменитым Сестрорецким курортом. Теперь электропоезда пошли в излюбленные места отдыха ленинградцев: Пушкин — Павловск.

Электрификация пригородного сообщения продолжается. В пятой пятилетке новые линии будут проложены до Сиверской и Вырицы, где в летнее время отдыхают десятки тысяч трудящихся.

К. ЧЕРЕВКОВ

Первый электропоезд отправляется с Витебского вокзала на Пушкин — Павловск.

Фото Р. Мазелева.

В предместьях Тбилиси

Институт, который сейчас сооружается в предместье Тбилиси, на первых километрах старой Военно-Грузинской дороги, имеет свою давнюю историю.

Сначала это был маленький питомник в селе Сакара. Его создали в конце прошлого столетия, когда вредоносная тля — филлоксера — вторглась в цветущие виноградники Грузии и почти полностью их опустошила. Тогда впервые наука обратила внимание на эту древнейшую отрасль сельского хозяйства Грузии. Филлоксеру уничтожали химическими средствами, с ней боролись путем прививок местных сортов винограда на соответствующий подвой. В Сакаре выращивались филлоксероустойчивые лозы.

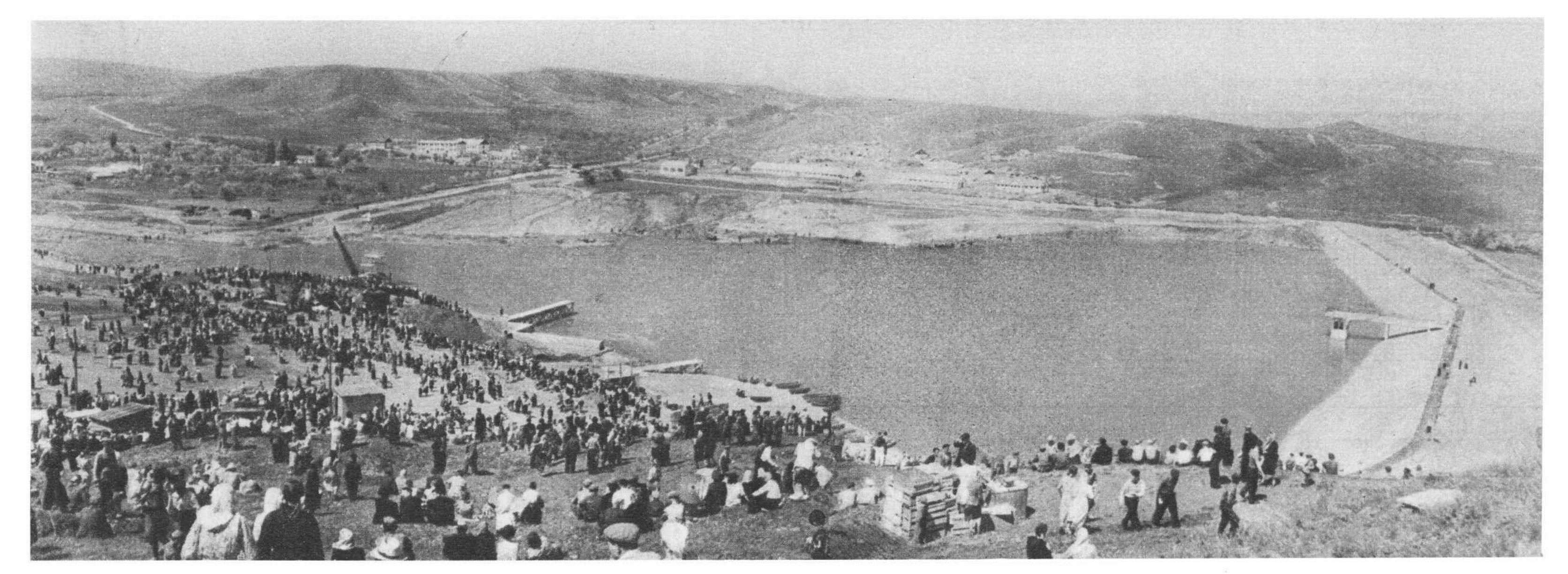
От этой первой попытки поставить виноградарство на научные основы до наших дней пройден большой путь. В Грузии работает крупное научное учреждение — исследовательский институт с опытными станциями и опорными пунктами. Полностью омоложены все старые виноградники, получено много новых ценных сортов винограда. Возрождается былая слава одного из главных мировых очагов виноградной культуры.

При институте создается большая опытная винодельня, которая будет перерабатывать за сезон до 200 тонн винограда. Тут же камера для хранения фруктов и ягод, лаборатория, зал для дегустации, помещение для коллекций вин на 25 тысяч бутылок.

В Телави, где пока еще размещен институт, стоит на корню богатейшая коллекция виноградных лоз — 960 сортов. На новых опытных полях близ Тбилиси будут представлены лишь наилучшие сорта винограда, главным образом те, которые выведены селекционерами института.

И. ИВЛЕВА

Кисловодское озеро. Фото С. Фридлянда.

Кисловодское озеро

Кисловодский курорт — один из старейших в стране — щедро одарен природой, но не имел ни озера, ни реки.

Немногим более года тому назад было решено создать Кисловодское озеро. И сейчас у подножия горных отрогов уже плещутся под легким летним ветерком синие волны обширного водного бассейна.

Почти на полкилометра протянулась дугой озерная плотина. В ее тело вложено 100 тысяч кубометров грунта. Озеро занимает площадь в 12 гектаров. На берегу поставлена десятиметровая вышка для любителей водного спорта. Скоро в воды искусственного озера пустят сотни тысяч мальков,— найдется занятие и для любителей-рыболовов. На днях открываются специализированные лечебные пляжи. Вокруг озера пока еще голо, но осенью начнется сплошное облесение берегов.

Из города к озеру ведет асфальтированная дорога, вдоль которой уже шумят молодые тополи. В короткий срок здесь было высажено более 10 тысяч деревьев и 30 тысяч декоративных кустарников.

Молодые строители Тувы

Из далекого поселка до Кызыла — центра Тувинской автономной области — комсомолец Серээдир Тагба добирался на самолете, затем несколько суток ехал в автобусе через снежные перевалы Саян, и, наконец, в Абакане он и его товарищи из Кызыла впервые за свою жизнь увидели железную дорогу. В пассажирском поезде молодые тувинцы-араты пересекли Хакассию с юга на север и через сутки прибыли в Красноярск.

И вот Серээдир Тагба в синей форменной одежде учащегося ФЗО сидит за партой в школе строителей и внимательно слушает рассказ мастера производственного обучения Ивана Матвеевича Давыдова. Тагба будет каменщиком. Другие его товарищи из Тувы обучаются искусству штукатуров, плотников.

Пройдет несколько месяцев, и первая сотня молодых людей, обученных русскими мастерами, вернется в родную Туву. Они будут участвовать в строительстве многоэтажного здания Дома Советов на улице Чульдума в Кызыле; в сооружении областного национального драматического театра и кинотеатра, рассчитанного на пятьсот мест; в возведении межколхозной электростанции «Элегест» в Тандинском районе и во многих других стройках пятой пятилетки.

Нет еще и десяти лет, как Тува вошла в братскую семью Страны Советов, а уже до неузнаваемости преобразилась жизнь этого маленького, в прошлом кочевого народа. Дети колхозников учатся на родном языке в начальных и средних школах. Тувинскую молодежь сегодня можно встретить в вузах Москвы, Ленинграда, Одессы, Горького и Томска.

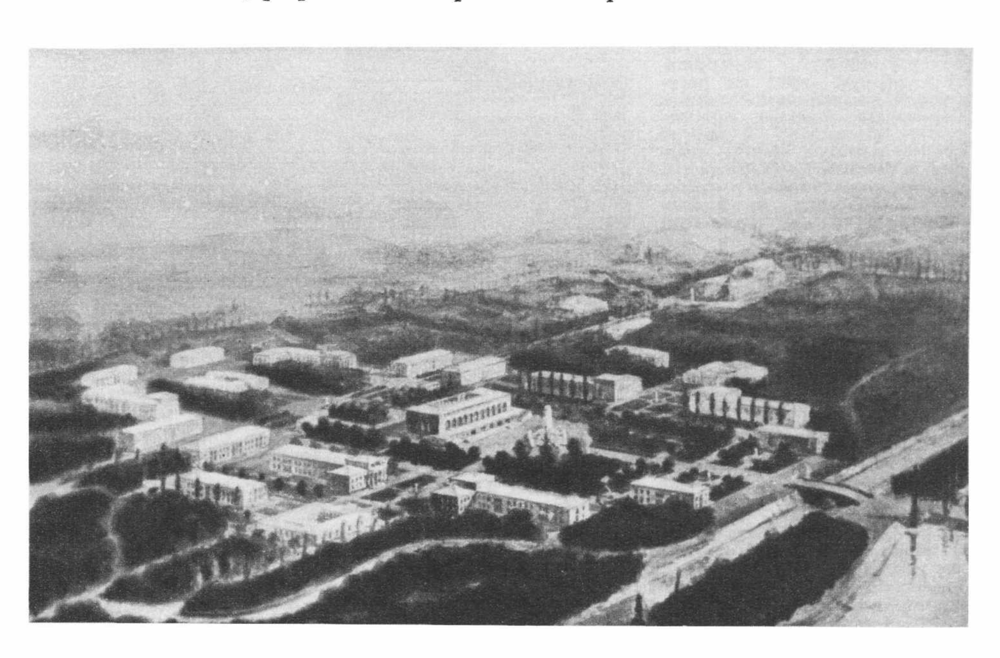
Прошлой осенью в Кызыле открылся первый учительский институт. В областном центре имеются научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, институт усовершенствования учителей, педагогическое училище и сельскохозяйственный техникум.

А. ШЕВЕЛЕВ

Тувинцы — учащиеся ФЗО в час отдыха.
Фото П. Макарова.

Курорт на реке Чартак-сай

Проект курортного городка Чартак.

Многие в Узбекистане слышали о замечательном минеральном источнике Чартак. Популярность его с каждым годом становится все больше. Целебная сила чартакских вод вернула здоровье многим людям.

История Чартакского источника обычна для наших дней. Невдалеке от Намангана, в долине реки Чартак-сай, работала геологическая экспедиция. Как-то из буровой скважины забил фонтан горячей солоноватой воды. Установить теперь, кто первым попробовал искупаться в ней, невозможно. Но скоро слава о воде, облегчающей боли, достигла Ташкента. В долину выехала экспедиция Узбекского научно-исследовательского института физиотерапии и курортологии имени Семашко. Врачи увидели здесь множество купающихся в примитивных ваннах. Это были жители ближайших районов Ферганской долины, привлеченные славой о целебных свойствах источника.

Тщательный анализ воды и систематические наблюдения за ее действием на больных подтвердили замечательные свойства вновь открытых минеральных вод. Значительно отличаясь по составу от широко известного источника Мацесты, чартакский источник полезен при воспалениях суставов, при некоторых болезнях кожи и других заболеваниях.

В долине реки Чартак-сай, по имени которой назван источник, начато строительство первого в Узбекистане бальнеологического курорта Чартак.

Курорт раскинется на обоих берегах реки. Это будет большой, красивый и благоустроенный поселок. Центральное место в нем займет бальнеологический корпус с фонтаном-источником. Рядом с ним возводятся три санатория на 200 человек каждый и такой же пансионат. В парке будет выстроен курзал. На западном берегу реки расположатся здания жилого поселка для обслуживающего персонала.

Уже завершается строительство одного из санаторных зданий курорта. Этим летом новый корпус примет первых больных.

Н. СОЛОВЬЕВА

В парке Центрального Дома Советской Армии. Выступление оркестра национальных инструментов Ансамбля песни и пляски корейской Народной армии. Фото Е. Умнова.

Концерты Ансамбля песни и пляски корейской Народной армии

В парках и концертных залах столицы проходят выступления прибывшего на гастроли Ансамбля песни и пляски корейской Народной армии. В составе ансамбля — хор, симфонический оркестр, оркестр корейских национальных инструментов, солисты-певцы и танцевальная группа. Созданный в 1948 году небольшой коллектив вырос с тех пор за счет армейской художественной самодеятельности до 160 человек. Обслуживают артисты главным образом фронтовиков и население прифронтовой полосы. В программе ансамбля — классические и народные песни и танцы, произведения корейских и советских композиторов. Выступления корейских гостей проходят с огромным успехом.

ПОМОЩЬ СОВЕТСКИХ МОРЯКОВ

После долгой и суровой зимы весна на Белом море наступила поздно. В отличие от прошлых лет еще в середине мая в горле Белого моря скопилось множество дрейфующего льда. С большим трудом прошел из Архангельска в Мезень пароход «Юшар», совершавший первый рейс по регулярной пассажирской линии. Серьезные ледовые препятствия преодолело и другое судно — пароход «Елец», шедший в Мезень из Мурманска. Шесть иностранных судов, направлявшихся в Архангельск за грузом леса (три под флагом Швеции, два английских и одно финское), войдя в горло Белого моря, оказались в ледовых тисках. На помощь им по распоряжению Министерства морского и речного флота СССР были посланы ледокол № 6 и морской буксирный пароход «Руслан» под общим руководством капитана Архангельского торгового порта А. А. Миронова.

В беседе по телефону с корреспондентом «Огонька» капитан А. А. Миронов рассказал:

— Получив распоряжение из Москвы, мы на следующее же утро вышли в море. Предварительно, с помощью самолетов, была проведена воздушная разведка льдов в горле Белого моря.

Капитаны К. А. Черепанов на ледоколе № 6 и Д. Д. Деревнин на буксире «Руслан» форсировали сплоченные льды, умело маневрируя, подошли к иностранным судам и начали их обкалывать. К тому времени изменилось направление ветра — с восточного на западное. Между береговым припаем и сплоченным дрейфующим льдом стали появляться разводья. Используя их, ледокол № 6 и буксир «Руслан» стали выводить иностранные суда одно за другим по направлению к чистой воде.

После дня напряженной работы в тяжелых торосистых льдах ледокол № 6 и буксир «Руслан» вывели за кромку льда все шесть иностранных пароходов.

Гафуру Гуляму—50 лет

Гафур Гулям.

Поэзия Гафура Гуляма — одно из ярких явлений в многонациональной литературе Советского Союза. Гафур Гулям — последователь Маяковского, творчески перенесший его опыт на узбекскую почву.

В звонких и талантливых стихах Гафура Гуляма заговорил возрожденный социализмом древний узбекский народ.

Я — певец трудящегося люда,
Сын великой солнечной страны.
В гордой книге
О советском чуде
Строчки три и мной сочинены.
Цвет надежды для всего Востока,
Для десятка подневольных стран,
Расцвела и поднялась высоко
Родина моя —
Узбекистан.

Что было у народа в «копилке прошлого»? Нищета, тьма... Таково было и прошлое самого поэта. В замечательном стихотворении «Ты не сирота», обращенном к детям, эвакуированным в годы нашествия гитлеровцев, поэт говорит:

«Что такое сиротство — спроси у меня. Малышом семилетним в десятом году грел я руки свои у чужого огня, полуголый таскал по дорогам нужду».

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла путь в жизнь и будущему поэту. Сначала Гафур Гулям работает учителем. С 1923 года в журналах и газетах стали появляться его стихи, очерки, рассказы. Всего вышло до пятидесяти отдельных сборников стихов узбекского поэта.

Насыщенные публицистической страстностью стихи Гафура Гуляма запечатлели великие социалистические преобразования нашей Родины, годы войны с гитлеровскими захватчиками, послевоенное строительство. Со страниц его книг встает герой нашего времени — советский человек, вдохновленный идеей коммунизма, идеей дружбы народов.

Действительный член Академии наук Узбекской ССР Гафур Гулям является автором научных трудов, в частности, исследований по родному фольклору.

Все творчество Гафура Гуляма, лауреата Сталинской премии (за книгу «Иду с Востока»), награжденного правительством орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», может служить живым примером того, как расцветает в Советском Союзе искусство нового типа: социалистическое по содержанию и национальное по форме.

К. БЕЛЯЕВ

Побеждает молодежь

ЛИЧНО-КОМАНДНОЕ ПЕРВЕНСТВО СССР ПО ГИМНАСТИКЕ

В Киеве закончилось лично-командное первенство СССР по гимнастике.

Более 350 гимнастов, представляющих различные спортивные общества, встретились у снарядов.

Началась упорная, не прощающая ни малейшей ошибки, ни малейшей неточности в движениях, напряженная четырехдневная борьба. В программе для мужчин — вольные упражнения, упражнения на перекладине, брусьях, кольцах, коне с ручками (махи), опорные прыжки. Для женщин — вольные упражнения без предмета и вольные упражнения с обручем, упражнения на разновысоких брусьях, кольцах, бревне, опорные прыжки.

У снарядов женщины — мастера спорта. Прозвучало новое имя — Генриэтта Коновалова (Ташкент, «Динамо»). После упражнений на двух снарядах молодая спортсменка стала лидером. За ней вплотную следует неоднократная чемпионка страны Галина Урбанович (Москва, «Динамо»). Но вот к брусьям вышла призер олимпийских игр Нина Бочарова (Киев, «Строитель»). Она получает высшую оценку дня — 9,75 балла. После пяти видов упражнений на первом месте Бочарова, за ней — Урбанович. Коновалова — четвертая. Борьба становится острее. После шести видов упражнений обязательной программы впереди Нина Бочарова.

Наступает решающий день. Начинаются соревнования женщин-мастеров по произвольной программе. Теперь успеха добивается Коновалова. Не намного она обгоняет Урбанович, всего на 0,15 балла, но эти «сотки» и приносят ей победу. Набрав в общей сложности 102,3 балла, Генриэтта Коновалова впервые завоевала звание абсолютного чемпиона СССР по гимнастике. Новой чемпионке 21 год.

Не менее остро протекала борьба у мужчин. Группу лидеров составили известные гимнасты Виктор Чукарин (Львов, «Искра»), Грант Шагинян (Ереван, «Спартак») и Валентин Муратов (Москва, «Искра»).

После выполнения обязательной программы лучший результат был у спартаковца Шагиняна — 56,7 балла. Муратов на втором месте, Виктора Чукарина постигла неудача. Он слабо выполнил одно из упражнений и вышел из группы лидеров. Правда, ненадолго. Выступая в произвольной программе, Чукарин получил высшую оценку за работу на брусьях — 10 баллов. Упражнения на перекладине дали ему 9,7 балла. После этого он сразу передвинулся на третье место, но вскоре неудача на коне окончательно отбросила его назад.

Москвич Валентин Муратов обогнал абсолютного чемпиона прошлого года Гранта Шагиняна. Муратов уверенно шел к победе, хотя до последнего упражнения между ним и Шагиняном продолжалась острейшая борьба. Набрав 113,9 балла, Валентин Муратов впервые надел почетную красную майку абсолютного чемпиона страны. Второе место занял Г. Шагинян — 111,85 балла.

Командное первенство завоевали динамовцы.

В. ШУМОВ

Киев.

Абсолютные чемпионы СССР по гимнастике В. Муратов и Г. Коновалова.
Фото Н. Козловского.

ВОСЬМОЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ ЧЕМПИОНАТ

БАСКЕТБОЛИСТЫ 17 СТРАН БОРЮТСЯ ЗА ПЕРВЕНСТВО

Семнадцать баскетбольных команд разных стран встретились 24 мая на московском стадионе «Динамо» для того, чтобы начать борьбу за звание чемпиона Европы 1953 года.

Ровно в полдень под торжественные звуки марша команды вышли на дорожку стадиона, украшенного государственными флагами стран, участвующих в соревновании. Шествие открыли баскетболисты Бельгии, за ними в алфавитном порядке двигались команды Болгарии, Венгрии, Германии, Дании, Израиля, Италии, Ливана, Румынии, Финляндии, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Швеции, Югославии, СССР. Семнадцатая команда — Египта — не успела прибыть к началу первенства.

Переполненные трибуны стадиона «Динамо» горячими аплодисментами встретили стройных, высоких атлетов в разноцветных костюмах.

В тесном и дружном строю, с развевающимися над рядами знаменами, выслушали участники VIII первенства Европы речи тов. Верескова, приветствовавшего спортсменов от имени организационного комитета по проведению соревнований и баскетбольной секции СССР, и генерального секретаря Международной баскетбольной федерации господина Джонса. И вот уже звучит команда: «Капитану команды СССР — победительницы VII первенства Европы — Отару Коркия поднять флаг соревнований!» Под звуки Государственного гимна СССР медленно поднялось красное полотнище. Команда СССР дважды принимала участие в первенстве Европы по баскетболу: в 1947 году в Праге и в 1951 году в Париже — и дважды занимала первое место, завоевывая почетное звание чемпиона Европы.

Сразу после парада на площадку вызываются команды Румынии и Италии. Итальянцы играли агрессивнее, особенно во второй половине встречи. Их прорывы стремительны, они точно бьют по кольцу. Результат — 61 : 43 в пользу команды Италии.

Вторая встреча: Израиль — Финляндия. Победу со счетом 60 : 36 одержали спортсмены Израиля.

Третьими вышли на площадку баскетболисты Болгарии и Ливана. Преимущество болгарских спортсменов очевидно. Счет — 94 : 51 в их пользу.

Команда Чехословакии выиграла у швейцарцев с убедительным результатом — 94 : 33. Венгры закончили встречу с командой Дании в свою пользу — 95 : 30. Команда немцев, в которой играют спортсмены Западной Германии и Германской Демократической Республики, победила команду Швеции — 65 : 37.

В заключение первого дня соревнования играли команды СССР и Бельгии. Интересная встреча закончилась победой команды СССР со счетом 59 : 31.

На снимке: на стадионе «Динамо» 24 мая.

Фото А. Бочинина.

Первенство Европы по боксу

Заметки из зала «Гвардия»

Флаги 19 стран развевались в польской столице Варшаве, куда съехалось 120 лучших боксеров Европы.

«Все дороги в эти дни вели к «Хале Мировской». «Хала Мировска» — это старое название крытого рынка, сожженного немецкими оккупантами. Здание отремонтировано и превращено в спортивный зал «Гвардия», где начались соревнования на первенство Европы по боксу 1953 года.

В шумной и солнечной Варшаве целую неделю только и говорили о боксе. Газеты отводили ему целые страницы. Стены домов, витрины магазинов заклеены плакатами с изображением светловолосого боксера.

* * *

На ветровом щите нашей машины пропуск с буквой «Б» — «Бокс». Однако в день открытия первенства мы с трудом подъехали к спортивному залу «Гвардия». В центре высокого зала — огромное голубое полотнище с изображением символа мира — голубя.

Торжественное открытие. Парад. Речи. На ринг выходят 16 фанфаристов. Звучат фанфары, возглашая начало соревнований. И вот уже позади первые победы и поражения. Заслуженные и незаслуженные. Слишком много разногласий у судей. Судьи во всем белом, с черными галстуками «бабочкой». Но одинаковые белоснежные костюмы не обеспечивают единогласия. Мы, например, были очень удивлены оценкой боя Венчиато (Италия) — Миллиген (Ирландия). Когда бой закончился, то Миллиген в знак победы противника поднял его руку. Каково же было всеобщее изумление, в том числе и самого Миллигена, когда его признали победителем!

* * *

Спортивные обозреватели всех стран высоко оценивали мастерство молодого советского боксера легчайшего веса Бориса Степанова. Уже первый его бой с югославом Т. Здановичем получил широкий отклик в прессе. Отразив град ударов своего противника, Степанов перешел в наступление и добился убедительной победы. Так же уверенно выиграл советский спортсмен и вторую свою встречу, с болгарином В. Николовым, а встретившись в полуфинале с ирландским боксером Д. Мак-Нелли, нокаутировал его во втором раунде.

Полулегковес Александр Засухин дважды выходил на ринг и дважды кончал бой до истечения положенного срока. Его схватка с финном Б. Ломменом закончилась во втором раунде, встреча с чемпионом Югославии С. Редли была прекращена после четвертого нокдауна ввиду отказа Редли продолжать состязание.

Выиграв все свои три боя, получил право участвовать в финале и советский легковес Владимир Енгибарян.

Отлично провел встречу с югославом Е. Эдреницем Сергей Щербаков (второй полусредний вес). Во втором раунде его могучие удары четыре раза достигали цели, и югослав падал на настил. В конце концов секундант Эдреница бросил на ринг полотенце в знак отказа от дальнейшей борьбы. Горячей овацией встретили зрители красивую победу Щербакова.

Посетители зала «Гвардия» прозвали югославских боксеров «полотенцами». Боксеры этой команды, на удивление всем, сдаются, не доводя боев до конца. Один раз это самостоятельно сделал Редли, а дважды миссию сдачи взял на себя тренер, выбросив на ринг полотенце — способ, когда-то применявшийся в профессиональном боксе. К полуфиналу в югославской команде остался только тяжеловес Кризманич, да и тому предстоял бой с Альгердасом Шоцикасом.

* * *

Победа Бориса Тишина над двукратным олимпийским чемпионом и трехкратным чемпионом Европы Ласло Паппом была для многих самой неожиданной на соревнованиях. Дважды до этого встречался молодой советский боксер с Паппом и дважды проигрывал. Но, познав горечь неудачи, Тишин зато хорошо изучил слабые стороны своего грозного противника и вышел на ринг с непреклонным намерением победить. Трое судей единогласно присудили победу 24-летнему советскому боксеру.

Отлично также провел свой бой Юрий Егоров (полутяжелый вес) с англичанином Г. Купером. Он победил уже в первом раунде. Тяжеловес Альгердас Шоцикас добился убедительной победы над Х. Пингелем (Германская Демократическая Республика).

* * *

24 мая были проведены финальные бои. В наилегчайшем весе звание чемпиона Европы завоевал польский спортсмен Кукер. В легчайшем весе Стефанюк (Польша) выиграл встречу у Степанова (СССР). В полулегком весе Кружа (Польша) победил Засухина (СССР).

Советский боксер легкого веса Енгибарян добился победы над Юхасом и завоевал звание чемпиона Европы по боксу. В первом полусреднем весе польский боксер Дрогош одержал победу над ирландцем Миллигеном. Во втором полусреднем весе встретились Хихла (Польша) и Щербаков (СССР). Победа присуждена Хихле. Английский боксер Уэльс победил Реша (Западная Германия), и ему присвоено звание чемпиона в первом среднем весе. Во втором среднем весе чемпионом Европы стал представитель Западной Германии Вемхомнер. В полутяжелом весе победителем вышел боксер Германской Демократической Республики Ницке.

Особый интерес вызвала финальная встреча боксеров тяжелого веса. На ринге встретились польский спортсмен Венгжиняк и советский боксер Шоцикас. Шоцикас отлично провел весь бой и стал чемпионом Европы по боксу в тяжелом весе.

Командное первенство завоевали спортсмены Польши. На второе место вышла команда СССР.

Советские боксеры Енгибарян и Шоцикас получили золотые медали, Степанов, Засухин и Щербаков — серебряные медали.

Вадим СИНЯВСКИЙ,
Михаил ЯРОВОЙ

Варшава.

ДЕТИ БОРЮЩЕЙСЯ КОРЕИ

В развалинах лежит Пхеньян, как и многие города и села Кореи. Родители этого ребенка убиты американской бомбой. Но малыш не останется сиротой. Его усыновит родина.

В. ЛАТОВ

Весна покрыла яркой зеленью поля, леса и горы Кореи. Под весенним солнцем полощутся на ветру большие полотнища, на них написаны горячие слова, зовущие к защите детей. «Дети — наше будущее!» — говорят транспаранты, вывешенные в Пхеньяне. «Материнскую заботу — сиротам войны!» — читаем мы на плакате, изображающем кореянку, которая ласково обнимает мальчика, лишившегося родителей.

Эти плакаты и лозунги вы можете встретить в разрушенном Вонсане, в Хамхыне, Анчжу, Синыйчжу и других городах и селах Кореи. Близится Международный день защиты детей.

В пепле и развалинах лежат города Северной Кореи. Сожжены напалмом деревни, разрушены сотни школ, детских домов. И все же корейские дети живут, растут, учатся. За два года моего пребывания в Северной Корее все меньше становилось бездомных детей, которые сидели бы на обочине пыльной дороги в надежде получить хлеб, одежду и дом. Десятки тысяч малышей, родители которых погибли под бомбами, в огне напалма или от пулеметной очереди, уже не бездомные сироты. У них есть заботливая, внимательная мать — родина. Накануне Международного дня защиты детей в республике подытоживают большую работу, которая проводится Трудовой партией Кореи, народным правительством, всем народом в защиту подрастающего поколения — надежды страны, ее будущего.

За три предвоенных года народная власть построила для детей тысячи школ. В республике обучалось 93 процента всех детей школьного возраста. Накануне войны были созданы условия для введения в стране всеобщего обязательного и бесплатного начального обучения.

Война, вспыхнувшая на корейской земле 25 июня 1950 года, сравняла с землей новые школы. Но жизнь торжествует над смертью: как и три года назад, дети Пхеньяна и других городов бегут по утрам в школу. Они учатся в оборудованных для занятий подвалах разрушенных домов, в приткнутых к сопкам и замаскированных еловыми ветвями домиках или просто на полянках, где черная доска, повешенная на ветви низкорослой корейской сосны, свидетельствует: здесь школа. Как правило, школьники учатся в две смены. В свободное время они помогают взрослым в полевых работах, собирают металлический лом, выступают с концертами перед рабочими заводов и воинами Народной армии.

Два года назад правительство КНДР приняло постановление об учреждении детских домов, садов и училищ для ребят, потерявших родителей. Сейчас тут живут, восстанавливают здоровье, учатся десятки тысяч сирот.

Тысячи таких ребят-сирот воспитываются в детских садах Кореи.

Мать перешила маленькому О Пхер Суну солдатскую форму китайского добровольца. Гордый обновкой, малыш идет к приятелям на берег Тэдонгана. Теперь он законно может считать себя в доме старшим... после мамы.

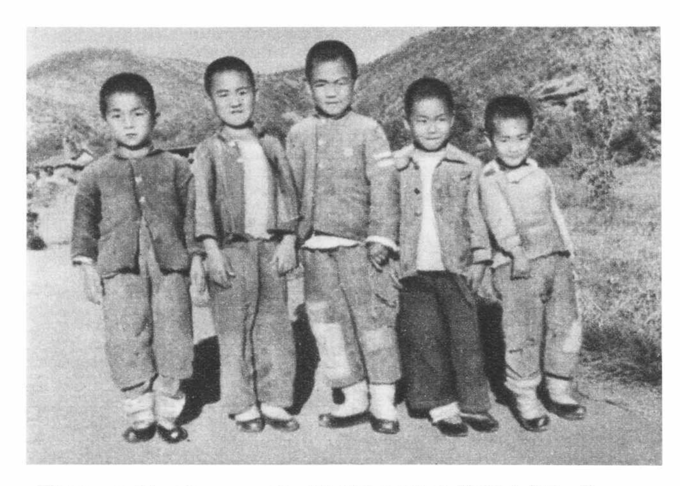
В уезде Кансо, близ Пхеньяна, я видел два таких дома для детей-сирот. В одном — малыши до трехлетнего возраста, в другом — ребята постарше. Врачи и воспитательницы внимательно следят за их питанием, играми. К Международному дню защиты детей ребята получат подарки от рабочих, крестьян, воинов Народной армии.

По призыву Демократического союза женщин Кореи тысячи и тысячи семей усыновили сирот. «Воспитать дочь погибшего патриота Ким Ен Хи является для меня, находящейся в тылу, первой обязанностью и честью. Я воспитаю ее, как свою родную, чтобы она стала достойной дочерью своей страны», — так сказала пхеньянская женщина Ким Гын Сун, взявшая на воспитание двухлетнюю девочку. Сегодня все корейские матери считают своим священным долгом воспитывать детей-сирот.

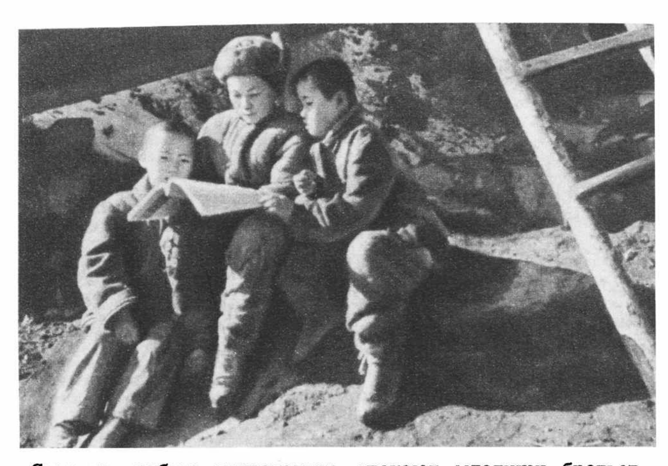
Опустошительная война нанесла тяжелые раны корейскому народу. Но она не сломила его мужества. И в тяжкую пору войны не угасла любовь народа к детям. Окруженные заботой ЦК Трудовой партии, народного правительства, дети сражающейся Кореи с надеждой ждут светлой весны мирной жизни.

Мать этих детей — работница Пхеньянской табачной фабрики. Отец сражается на фронте. Пока мать на работе, ребята решили принести домой воды из реки Тэдонган. Старшая, Гын Сун, взяла с собой маленькую сестренку, по корейскому обычаю привязав ее за спину.

Пионерское звено в одном из сел в уезде Кансо, близ Пхеньяна. Ребята вместе со своим звеньевым Ким Ен Хаком хорошо учатся и активно помогают сельскому звену самоохраны вылавливать шпионов и следить за воздухом.

Старшие ребята трогательно опекают младших братьев и сестер. Они следят за ними, делают им игрушки, читают книги. Чо Дон Ен читает занимательную книжку своим братьям-малышам.

Самые юные жители детских домов. Родители их погибли, но народ позаботился о них.

Ежемесячно школьники Кореи проходят медицинский осмотр. Всем ребятам регулярно делают противоэпидемические прививки. На снимке: работники санитарного отряда делают прививки детям народной школы в селе Тхондек, уезда Пхенвон, провинции Южный Пхенан.

В прошлом году в Международный день защиты детей школьники Пхеньяна под пионерским знаменем прошли по улицам города. Они горячо благодарили Трудовую партию, правительство за заботу о детях.

РЕКОРДЫ ШТАНГИСТОВ

Зал Государственного академического театра оперы и балета в Таллине недавно служил ареной острой борьбы. Здесь проводилось первенство Советского Союза по штанге. Это соревнование было крупнейшим за всю историю советской тяжелой атлетики. Двести спортсменов — представители 14 спортивных обществ — боролись за алые майки чемпионов, а этих маек было всего семь (по числу весовых категорий: легчайшая, полулегкая, легкая, полусредняя, средняя, полутяжелая и тяжелая). Состязания проводились по программе классического троеборья — жим, рывок, толчок.

Первыми на помост вышли спортсмены легчайшего веса. Борьба за звание чемпиона в этой весовой категории шла в основном между тремя спортсменами — чемпионом страны динамовцем Удодовым, его одноклубником мастером спорта Фархутдиновым и чемпионом ВЦСПС Журомским.

Чемпионом в легчайшем весе стал Фархутдинов.

В полулегком весе звание чемпиона страны сохранил за собой заслуженный мастер спорта, представитель Советской Армии Саксонов. Второе место — у победителя XV Олимпийских игр заслуженного мастера спорта Чимишкяна.

Выдающегося результата добился легковес армеец Никитин. Он выжал 113 килограммов — это новый рекорд страны и мира (старый рекорд принадлежал американцу Коно). Чемпионом страны в легком весе стал спартаковец Иванов.

Громом аплодисментов встретили зрители большую победу ленинградского студента Дуганова. В рывке он показал 131 килограмм. Старый всесоюзный и мировой рекорд, принадлежавший ему же, побит. Дуганов стал чемпионом СССР среди полусредневесов.

Уверенно завоевал алую майку чемпиона победитель XV Олимпийских игр заслуженный мастер спорта Ломакин (Советская Армия), выступавший в среднем весе.

В полутяжелом весе первенство завоевал мировой рекордсмен Воробьев (Советская Армия), в упорной борьбе опередивший молодого динамовца Осыпу.

В тяжелом весе чемпионом стал мастер спорта Медведев.

В командном первенстве победили спортсмены Советской Армии. На второе место вышли динамовцы, на третье—спортсмены Военно-Морских Сил.

Командное первенство завоевали атлеты Советской Армии. Представителю команды заслуженному мастеру спорта Александру Божко вручен приз.

Чемпион СССР в тяжелом весе А. Медведев (справа) поздравляет чемпиона СССР в легчайшем весе Б. Фархутдинова.

Фото Л. Сергеева.

ПОЛЬСКИЕ ХУДОЖНИКИ-РЕАЛИСТЫ

К середине прошлого столетия сложилась польская реалистическая школа живописи. Своими полотнами, посвященными историческому прошлому Польши, правдиво рассказывающими о жизни крестьян и городской бедноты, художники-демократы содействовали распространению передовых общественных идей, способствовали росту национального самосознания. Их искусство было прогрессивным и народным, оно питалось ненавистью к национальному гнету, возмущением против тяжкой доли тружеников, верой в духовную их красоту. «Искусство,— говорил Ян Матейко, глава польской художественной школы,— сейчас является для нас своего рода оружием. Нельзя отделять искусство от любви к родине!»

«Великим энтузиастом, горячим патриотом», человеком большой души называл Матейко И. Е. Репин. Величавые исторические полотна Матейко, воссоздающие драматические эпизоды из истории Польши, повествуют о мужестве и благородстве достойнейших ее сынов. Полотна Матейко, полные взволнованной, вдохновенной патетики и вместе с тем тяжких раздумий о судьбах родной земли, исстрадавшейся и униженной, но непокоренной,— это, как говорил сам художник, «скорбная и славная история родины».

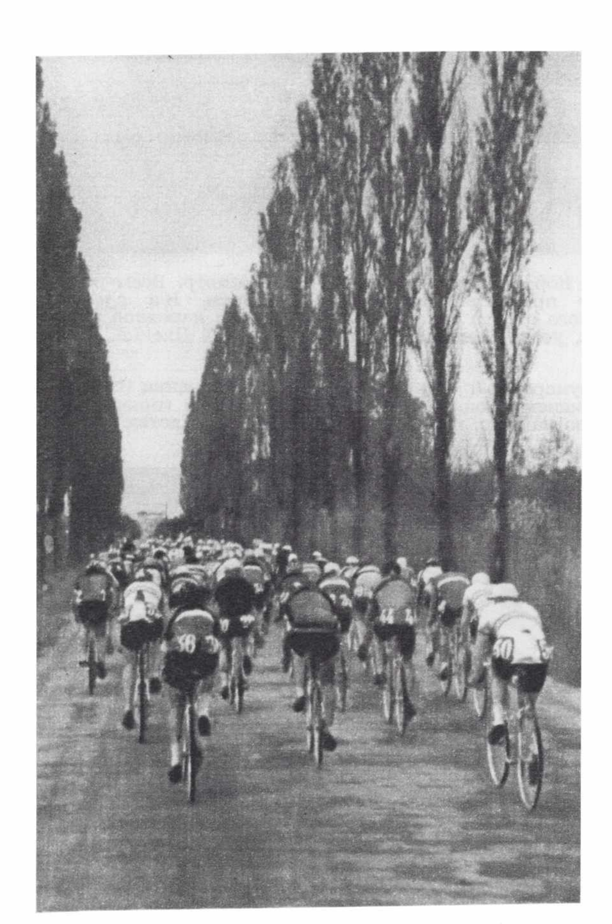
Картина Матейко «Коперник» относится к циклу произведений, прославляющих замечательных людей Польши. Художник изобразил гениального ученого в момент, когда он свершил свое выдающееся открытие. Лунный свет, озаряя монастырскую башню и все атрибуты научных опытов монаха-астронома, выделяет из полумрака горящее вдохновением лицо человека, перед которым открылась сокровеннейшая тайна природы, человека, постигшего законы строения вселенной.

В 60—80-х годах — время наивысшего расцвета польского реалистического искусства — широкое развитие получают бытовая жанровая живопись и пейзаж. Один из таких художников-жанристов — Юзеф Брандт, репродукция с картины которого «Встреча на мосту» помещена на наших вкладках. Картина чрезвычайно выразительна по сюжету. Крестьянин-бедняк встретил у моста богатого барина, едущего с гайдуками на четверке сытых и красивых коней. Испуганный мужик поспешно свернул с дороги, телега его увязла колесом в придорожной грязи, а барские лакеи с хохотом замахиваются хлыстами на его лошаденок и на него самого. «С сильным не борись!»—гласила поговорка, иллюстрацией к которой как бы служит эта картина, полная сострадания к обездоленному крестьянству.

Полотно «Каменотесы» старшего современника Матейко и Брандта — Францишека Костшевского — правдивый рассказ о родной природе, о людях из народа. Тема прекрасной, великой природы еще более подчеркивает печальное раздумье художника: нет счастья простым людям на их горемычной родной земле.

Эти три художника, столь различные по складу творчества, близки друг к другу в своих патриотических чувствах, в их преданности родине. И народ новой, демократической Польши высоко ценит творения великих мастеров прошлого, их любовь к родной земле, любовь к правде жизни.

В. ОЛЬШЕВСКИЙ

На трассе велогонки.

ВЕЛОГОНКА МИРА

В день праздника 1 Мая в столице Словакии городе Братиславе был дан старт шестой велогонке Мира. Стаи белокрылых голубей взмыли над площадью Сталина. Девяносто три спортсмена — представители пятнадцати стран Европы — устремились по шоссе в направлении города Брно.

Длина трассы велогонки Мира составляла 2 100 километров и была разделена на двенадцать этапов: четыре этапа проходили по территории Чехословакии, четыре — по территории Германской Демократической Республики и четыре — по территории Польши.

На первых же километрах завязалась острая борьба. Она разгоралась по мере приближения к финишу. По традиции, лидер гонки получает голубую майку с эмблемой мира — белым голубем на груди. Зрители особенно тепло приветствуют того, кто одет в эту майку.

Через 10 часов 34 минуты и 5 секунд после старта столица Чехословакии встретила лидера гонки — датчанина Педерсена. Длина первых двух этапов — Братислава — Брно — Прага — составляет 384 километра.

3 мая Прага проводила гонщиков в третий этап — на Карловы Вары. Через города Бероун, Мито, Рокицани, Пльзень, через многие села промчались спортсмены, и всюду их встречали цветами, всюду в небо взмывали голуби.

6 мая гонщики пересекли границу и вступили на территорию Германской Демократической Республики. Они стартовали из немецкого города Бад-Шандау в направлении города Карл-Марксштадт (бывший Хемниц).

После четырех этапов в личном зачете лидировал попрежнему датчанин Педерсен. На втором месте был Мейтланд (Англия), за ним ван Зиль и Флоот (Бельгия).

И здесь, в Германской Демократической Республике, горожане и жители сел встречали гонщиков с цветами и подарками.

8 мая спортсменов встретил Берлин, а 11 мая в польском городе Згожелец был дан старт девятому этапу велогонки — первому на территории Польши. 14 мая гонщики финишировали в Варшаве, на стадионе Войска Польского. Лучшее время на всей дистанции (в командный зачет входило время трех лучших участников) показали спортсмены Германской Демократической Республики — 188 часов 14 минут 15 секунд. На втором месте Дания, на третьем — команда поляков, проживающих во Франции. Лучшее личное время — у датчанина Педерсена (61 час 41 минута 12 секунд).

Францишек Костшевский (1826—1911). КАМЕНОТЕСЫ. 1862.

«Огонек». 1953.

Sol

Ян Матейко.
(1838—1893).
КОПЕРНИК.
1873.

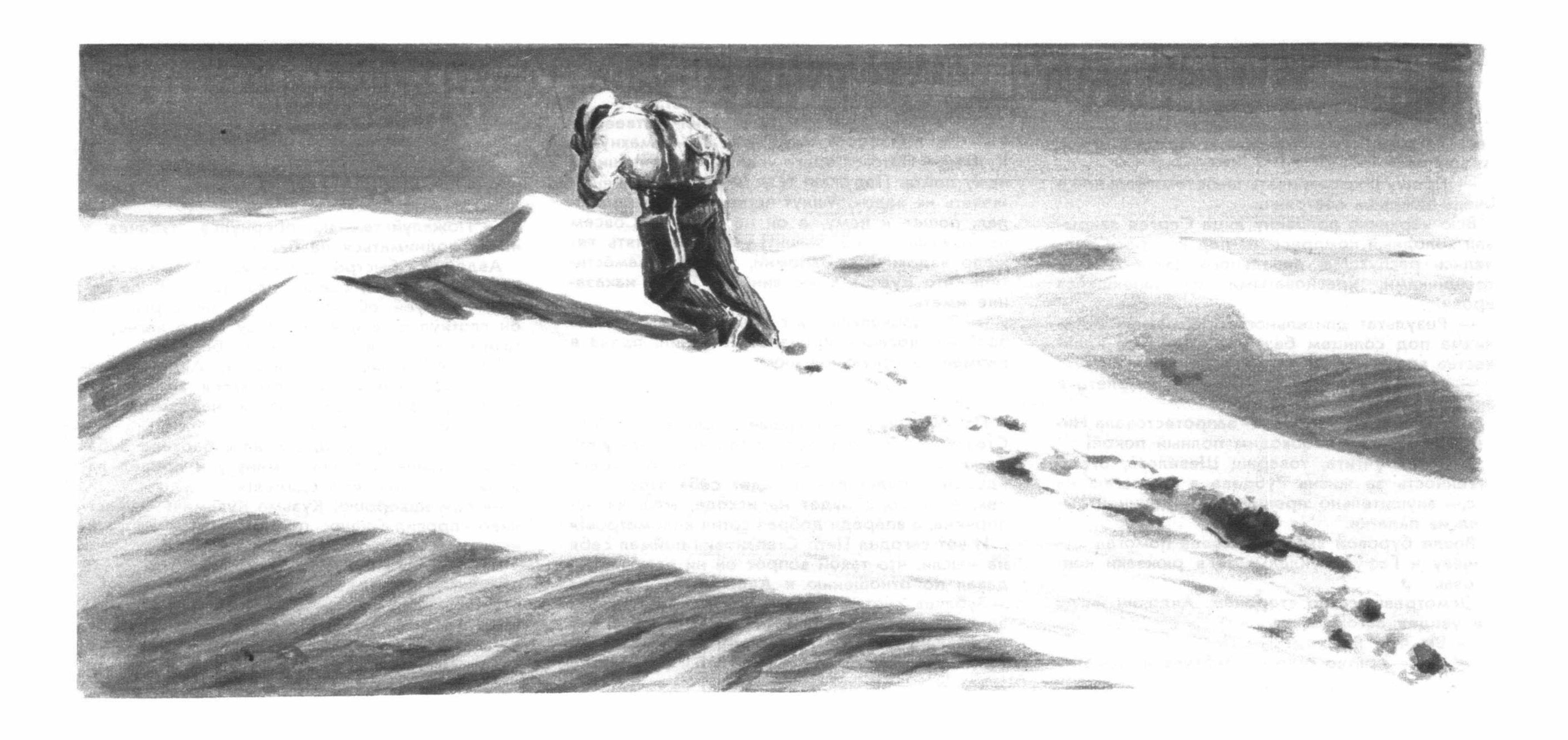
Юзеф Брандт (1841—1915). ВСТРЕЧА НА МОСТУ. 1888.

ИЗЫСКАТЕЛИ

Рассказы

Г. КАЛИНОВСКИЙ

Рисунки В. Высоцкого.

1. Квадрат А-6

Начальник экспедиции Корчевой снова перечитал радиограмму:

«Топограф Рубцов обнаружен возле вышки Кулиева бессознательном состоянии. Врачом установлены признаки теплового удара. Местонахождение его рабочих неизвестно. Старший буровой мастер Матвеев».

Корчевой подошел к окну и начал внимательно рассматривать знакомый до мельчайших подробностей участок сада. Солнечные лучи пробивались сквозь листву и падали дымящимися лентами на свежевыструганный пол.

Уже около года работал Корчевой начальником экспедиции, занимавшейся изготовлением детальной геологической карты одного из труднодоступных районов Средней Азии. Голая, выжженная степь, отделенная от железной дороги горами, часто переходила в сыпучие барханы; колодцы, разбросанные на большом расстоянии друг от друга...

Сегодня впервые произошел несчастный случай. Причем именно с топографом Рубцовым, которого вся экспедиция звала попросту Серегой и который получил зимой строгий выговор за «подледное плавание». Сильно навеселе, он нырнул в одежде в покрытый тонкой коркой льда магистральный арык.

Но с работой Рубцов всегда справлялся, перевыполнял нормы по топографическим съемкам, ни разу не напутал в вычислениях. Его любили рабочие за неутомимость, и на собрании, где обсуждалось «подледное плавание», мастер Матвеев выступил примерно так: «Серегу не за пьянство надо осуждать, а за неумение пить. Молод еще».

Корчевому вспомнилось, как он познакомился с Рубцовым.

Возвращаясь однажды из поездки, он зашел в комнату для приезжих, громко именуемую «Гостиницей экспедиции». В комнате было много народу, еле светила чадящая керосиновая лампа. Возле лампы сидел молодой парень в гимнастерке, с курчавыми светлыми волосами. Лицо у него было широкоскулое, с пухлыми губами и приплюснутым носом.

Перочинным ножом он чистил картошку. Лезвие ножа быстро-быстро обегало вокруг картофелины, кожура без единого обрыва спиралью падала к нему на колени, и кто-то восхитился:

— Токарный станок, честное слово!

Сохраняя невозмутимый вид, парень бросал очищенную картофелину через всю комнату в ведро, стоявшее у двери. Всплеск воды подтверждал точность попадания, и в комнате хором приговаривали:

— Тама!

Начальника заметили не сразу. Только после того, как брызги из ведра попали на лицо Корчевому и он кашлянул, все обернулись. Парень в гимнастерке торопливо вскочил и выкрикнул:

— Хочу в экспедицию! Специальность — топограф.

* * *

...Корчевой тряхнул головой: «Не о том думаю! Совсем не о том!»

— Авдонина ко мне!

Заместитель начальника вошел в кабинет, благодушно посмеиваясь, и начал что-то говорить, но фразы не кончил. Увидев, что Корчевой стоит у окна, Авдонин сразу подобрался и выжидательно замолчал.

— На столе радиограмма. Прочти,— сказал Корчевой.

Авдонин прочел радиограмму и забегал из угла в угол по кабинету.

— Все ясно! У рабочих кончилась вода, Рубцов их бросил и поспешил на вышку, спасая свою шкуру. Чего еще можно ожидать от этого типа?

Корчевой медленно отвернулся от окна, его маленькие глаза совсем сузились. Он тихо спросил:

— Слушай, Кузьма, за что ты его так не взлюбил?

— Я объективно заявляю, — загорячился Авдонин,— Рубцов — пьяница, хвастун и разлагает коллектив!

— А ты помнишь, как на общем собрании все выступили против твоего предложения уволить Рубцова из экспедиции? Как ты это объяснишь?

— Очень просто,—снисходительно, даже с оттенком сожаления посмотрел на Корчевого Авдонин.— Ты ведь давно с людьми работаешь и, наверно, знаешь, что везде есть свой любимчик, этакий рубаха-парень, все ему нипочем, на баяне играет и песни поет.

— Поет он, действительно, хорошо,— как бы про себя согласился Корчевой.

— Вот-вот! — снова взорвался Авдонин.— Ты его всегда защищаешь, даже теперь, когда, можно сказать, достукались!

— Я не защищаю. Если Рубцов бросил в песках рабочих, значит, он совершил преступление, его надо судить, а нас...

— Чего говорить, отдуваться придется! —

перебил Корчевого Авдонин и, вытирая со лба пот, опустился на «скамью самокритики» — так во время совещаний называли диван в кабинете начальника экспедиции.

— Вот что, Кузьма,— Корчевой наконец оторвался от окна и сел за стол.— Времени терять нельзя. Бери самолет и вылетай. Прежде всего займись спасением рабочих. Их двое: Бутенко и Клыч Атбаев. Потом проведи расследование, пристрастное, но без придирок. Действуй!

На вышку Кулиева Авдонин успел как раз во-время. Старший буровой мастер Матвеев вместе с геологами Зубачевым и Гафуром Рустамовым наливали воду в термосы, собираясь отправиться на поиски пропавших рабочих.

Торопливо поздоровавшись, Авдонин спросил:

— Где он?

— Там,— кивнул головой Матвеев в сторону палатки медпункта и угрюмо добавил: — Пока в беспамятстве...

Сергей Рубцов лежал на походной койке, глубоко продавив своим большим телом туго натянутый зеленоватый брезент.

Доктор изыскательской партии Нина Шевелева, строго нахмурив брови, предупредила Авдонина:

— Прошу разговаривать шепотом: больной в очень тяжелом состоянии.

Всю верхнюю половину лица Сергея закрывал холодный компресс, из-под которого виднелись распухшие, пепельного цвета губы, с трещинками, красноватыми от запекшейся крови.

— Результат длительного пребывания организма под солнцем без необходимого количества воды,— объяснила Нина.

— Может, мы его отправим на самолете в экспедиционную больницу?

— Ни в коем случае! — запротестовала Нина.— Организму необходим полный покой!

— Тогда учтите, товарищ Шевелева, ответственность за жизнь Рубцова я возлагаю на вас,— внушительно прошептал Авдонин и вышел из палатки.

Возле буровой вышки Матвеев помогал Зубачеву и Гафуру укладывать в рюкзаки консервы.

Осмотревшись по сторонам, Авдонин нигде не увидел автомашины.

— Вы что, пешком?

— Да, — кратко ответил Зубачев и, заметив удивленный взгляд Авдонина, вынул изо рта трубку.

— Видите ли, Кузьма Кузьмич, сидя в машине, мы рискуем потерять след Сергея.

— А как вы думаете, Петр Степаныч, он издалека пришел?

— В такую жару по барханам человек много не проходит,— ответил Зубачев и, считая разговор оконченным, опять взял в зубы трубку.

— Хорошо, — быстро сказал Авдонин. — Я пойду вместе с вами. Но прежде один вопрос: кто первый увидел Рубцова?

— Я увидел, — оторвался от бурового станка сменный мастер Кулиев. Он вытер чистой паклей руки и вздохнул.— Понимаешь, товарищ заместитель, я сильно виноват. Ошибся сильно...

— В чем? — сразу заинтересовался Авдонин, вынув из нагрудного кармана маленькую записную книжку в тисненом переплете.

— Когда Серегу увидел, шатался он очень сильно. Вот так шатался,— показал Кулиев.— Ну, я и подумал: «Ай-ай, топограф пьяный по пескам ходит!» Нехорошо! Стыдно прямо! Про Серегу все говорят: выпить может...

— Не может! — сердито вставил Матвеев.

— Не перебивай, пожалуйста! — отмахнулся Кулиев.— Потом Серега упал. А я не спешил к нему пойти. Подумал: «Пусть полежит, пьяных жалеть не надо». Минут через двадцать пожалел, пошел к нему, а он не дышит. Совсем не пьяный, а не дышит! — Кулиев опять тяжело вздохнул. — Запомни, товарищ заместитель, что Кулиев тоже виноват. Готов наказание иметь.

— Эх, цацкались мы с этим Рубцовым, и все зря! — с досадой произнес Авдонин, пряча в карман записную книжку.

* * *

Познакомившись впервые с человеком, Петр Степанович Зубачев всегда задавал самому себе вопрос: «А можно ли с ним оказаться вдвоем в поле? Как поведет себя этот человек, если вода будет на исходе, машина испорчена, а впереди добрая сотня километров?»

И вот сегодня Петр Степанович поймал себя на мысли, что такой вопрос он ни разу не задавал по отношению к Авдонину.

Зубачев считал Кузьму Кузьмича отличным заместителем по хозяйственной части: с его назначением в экспедицию прекратились перебои с доставкой буровых труб, все заявки изыскательской партии разбирались незамедлительно. В общем человек был на своем месте.

Но то, что Авдонин уже целый час шагает по пескам под палящими лучами солнца, удивляло и как-то странно смущало Зубачева.

— Прошляпили! — не унимался Авдонин.— Теперь позора не оберешься. Еще в газете статью напечатают: «Преступник в экспедиции» или что-нибудь в этом роде!..

Они шли цепочкой. Впереди, внимательно присматриваясь к следам, Зубачев, потом Авдонин, замыкал шествие Гафур Рустамов. Старший мастер Матвеев остался на вышке Кулиева после того, как Зубачев решил, что трех человек для спасательной экспедиции вполне достаточно.

Неожиданно Зубачев остановился:

— Здесь он падал.

На сероватом песке следы превращались в бесформенные вмятины. Было похоже, что кто-то с размаху опускал на песок тяжело нагруженные мешки. Только в одном месте, в стороне от вмятин, удивительно четко отпечаталась рука с широко раскрытыми пальцами.

Прямо от места падения следы уходили круто вверх, на первый высокий бархан.

— Н-да,— неопределенно произнес Авдонин.— Как насчет воды? Хлебнуть рекомендуется?

— Пожалуйста,— не обернулся Зубачев и начал подниматься на бархан.

Авдонин быстро отвинтил алюминиевую крышку термоса, сделал два глотка. Вода ледяной струей обожгла горло, не отрываясь, он глотнул еще и еще, сразу стало легче, не таким уж высоким показался бархан.

Но взобравшись на гребень, Авдонин почувствовал, что сердце пытается выпрыгнуть сквозь ребра, дышать почти невозможно, и опять потянуло к термосу.

Далеко внизу легко сбегал с бархана Зубачев. Авдонин постоял с минуту и провел ладонью по лицу: «Не сдамся!»

— Вам нехорошо, Кузьма Кузьмич? — участливо спросил Гафур, поднявшись за Авдониным на гребень бархана.

— Порядочек, Гафур, порядочек! И не то видали! — переводя дыхание, ответил Авдонин.

Следующий бархан был покруче первого. Ноги почти по колени увязали в песке, песок засасывал их с противным скрипом, горячими струйками заползал за голенища.

Авдонин заметил, что Зубачев во время подъема хватается за ветки саксаула, а когда попробовал сам последовать его примеру, саксаул хрустнул, и Авдонин ткнулся лицом в песок.

— Вставайте, Кузьма Кузьмич, вставайте! — Гафур помог Авдонину подняться и поднес к его губам термос.

Вода опять на некоторое время вернула силы.

— Старею, Гафур! Сердце сдает, — виновато сказал Авдонин.

— Сердце не при чем. Тренировки мало. Петр Степаныч уже ждет,— показал рукой Гафур на вершину нового бархана, где темнела неподвижная фигура Зубачева.

— Не стесняйтесь! Можно на мое плечо опереться. Легче будет,— предложил Гафур. — С каждым бывает, кто в первый раз.

Как дошел Авдонин до Зубачева, он помнил плохо.

Несколько раз, пошатнувшись, он валил за собой Гафура на песок, Гафур терпеливо поднимал Кузьму Кузьмича, брызгал ему на лицо воду и приговаривал:

— С каждым бывает, ничего...

Сквозь туманную пелену, застилавшую глаза, Авдонин увидел, что Зубачев стоит и преспокойно курит трубку.

«Ну и человек! Дерево, а не человек!» — со злобой подумал Авдонин.

— Парусину на этот куст! — произнес Зубачев, по обыкновению не вынимая изо рта трубки.

Гафур быстро достал из рюкзака парусину, натянул ее на разлапистые ветви саксаула.

— Садитесь, Кузьма Кузьмич! Привал.

Авдонин поспешно юркнул под парусину и вытянул ноги. Тела не ощущалось. Была просто гудящая тяжесть, глаза слипались, и медленно-медленно вращалась над головой парусина.

Зубачев и Гафур как будто и не собирались

занять место рядом с Авдониным. Они присели возле еле заметного колышка с многозначными цифрами, написанными химическим карандашом.

— Квадрат А-6? — спросил Гафур.

— Да. Рубцов должен быть в центре квадрата,— пыхнул трубкой Зубачев.

«Бредят!» — в испуге пронеслось в воспаленном мозгу Авдонина, а потом, напрягая память, он смутно вспомнил, что при съемках детальной геологической карты местность разбивается на условные квадраты. Занимаясь исключительно хозяйственными вопросами, Авдонин редко вникал в дела геологов.

— Вот последние отметки по данным Рубцова, — Гафур протянул Зубачеву аккуратно соединенные канцелярской скрепкой бумаги.

— Одну секунду! — оживился Авдонин.— А чем конкретно занимается здесь Рубцов?

— Он определяет точные координаты для буровых скважин.

Черкая карандашом в своей книжечке, Авдонин сокрушенно вздохнул:

— От кого, от кого, но от вас, Петр Степаныч, не ожидал!

— Чего не ожидали? — внимательно рассматривая бумаги, поинтересовался Зубачев.

— Вы осторожный человек и поручили такую ответственную работу Рубцову! Удивительная неосмотрительность!

— Рубцов — неплохой специалист. Меня он, во всяком случае, не подводит.

— А моральный облик? Пьяница!

— Пьяным я его не видел, — отрезал Зубачев и подхватил рюкзак. — Надо идти.

Авдонин потер виски и еле сдержал готовый вырваться стон. Очень хотелось еще хоть минуту полежать вот так, не ощущая тела, но Гафур уже сдернул с ветвей саксаула парусину и аккуратно скатал ее в тугой валик.

Понимая, в каком состоянии находится Авдонин, Зубачев осторожно предложил:

— Может, вы подождете нас здесь, Кузьма Кузьмич? Мы вам оставим воду и парусину.

С трудом подняв темнокрасные от напряжения глаза, Авдонин категорически заявил:

— Ни в коем случае! Я должен во всей этой истории разобраться сам.

— Тогда пойдемте.

Легко сказать: «Пойдемте»! После привала Авдонин еле передвигал ноги, и только плечо Гафура спасало его от падения.

А конца пути пока не предвиделось. Следы Сергея Рубцова тянулись извилистой цепочкой с бархана на бархан...

* * *

После четырех часов дня жара начала спадать. Потянуло легким ветерком. Ветерок взлохматил пыльцу на гребнях барханов, шевельнул равнодушные ко всему ветки саксаула и освежающей струйкой коснулся воспаленного лица Авдонина.

Кузьма Кузьмич поднял склоненную на плечо Гафура голову и жадно глотнул воздух.

— Вроде отпустило,— проворчал он, искоса, одним глазом поглядев на солнце.

— Вешка! — неожиданно закричал Гафур.— Вешка!

Напрягая зрение, Авдонин заметил на вершине бархана тоненькую черточку, словно проведенную по яркосинему горизонту чертежным пером.

— Это вешка Рубцова! Значит, близко палатка! — радовался Гафур.

К палатке они пришли минут через тридцать. Из палатки, очевидно, еще издали услышав шаги, появился человек.

— Здравствуй, Бутенко! — поздоровался Зубачев с пожилым усатым крепышом.— Что у вас происходит?

— А где вода? — вопросом на вопрос ответил Бутенко.

— Есть вода! Пожалуйста! — рванул с ремня свой термос Авдонин, но, вспомнив, что он давно пуст, прикрикнул на Зубачева: — Что же вы стоите, Петр Степанович! Люди воды просят.

— Не, нам такой воды не треба! — усмехнулся Бутенко, кивнув на термос. — Нам бочку треба. У вас шо, машина поломалась? Сереги почему нету? — И, не ожидая объяснения, выругался: — Прохвост он!

— Успокойтесь, товарищ Бутенко. Сейчас разберемся! — заверил Авдонин и направился в палатку.

В палатке сидел на корточках черноглазый юноша. Высунув кончик языка, он старательно писал в ученической тетради.

— Салам, Клыч! — поздоровался Зубачев. — Трудишься?

Клыч широко улыбнулся и протянул Зубачеву тетрадь.

— Меня Сергей немного научил. Можете проверить, Петр Степанович.

— Погоди, Клыч, — оборвал юношу Авдонин и, опускаясь на кошму, вынул записную книжку.— Сегодня на имя начальника экспедиции поступила следующая радиограмма...

Дочитать радиограмму не удалось. При первых словах Бутенко вскочил и заорал:

— Пижон несчастный!

— Да, да, плохо сделал, плохо! — подтвердил Клыч.

Увидев, что вступительная речь сорвана, Авдонин постучал карандашом по пустой банке из-под консервированных фруктов.

— Давайте по порядку. Объясните подробно, в чем дело.

— Вот в чем дело! — гаркнул Бутенко, протягивая Авдонину флягу.

Авдонин быстро схватил флягу, отвинтил крышку и понюхал. Из узкого ребристого горлышка ничем подозрительным не пахло, и пришлось сделать глоток для пробы. Во фляге была вода.

— Простите, не совсем понимаю!

— Чего тут понимать? Пять дней назад мы выехали скважины намечать и взяли с собой бочку воды. Вчера глядим, а воды в бочке — на самом дне: вытекла вся.

— Причины? — перебил Авдонин.

— Паршивая бочка. Пока воды было по края, держала. Потом враз и рассохлась. Мы последнюю воду слили, четыре фляги получилось. Серега и говорит: «Хлопцы! Время терять не будем! Вы с Клычем по моим меткам вешки ставьте и меряйте, а я до Кулиева смотаюсь, приеду вместе с водой. Работы нам еще дней на пять».

— А почему пошел сам Рубцов? — нарушил свое молчание Зубачев.

Бутенко хмыкнул:

— Упрямый! «Я, — говорит, — самый здоровый и дорогу лучше вас помню». Ну, взял флягу с водой, попрощался и ушел. Вернулся я в палатку, а его фляга под кошмой лежит. Оставил: боялся, что нам воды не хватит!

В палатке наступило молчание. Авдонин растерянно вертел в руках карандаш, время от времени постукивая им по тисненому переплету записной книжечки. Зубачев набивал махоркой трубку, и махорка поскрипывала под его темнокоричневым ногтем.

— А как он там, выдюжит? — с надеждой заглядывая в глаза Авдонину, тихо спросил Бутенко.

— Да, да, все будет в порядке! — поспешно ответил Авдонин.

— Иначе нельзя! — самодовольно покрутил усы Бутенко. — Наш Серега такой: сто верст протопает и пить не попросит!

Зубачев закурил трубку и поднялся.

— Мы в обратный путь, Кузьма Кузьмич. Вы с нами или будете ждать автомашину? Я завтра пришлю сюда воду.

— Пожалуй, подожду машину, — глухо отозвался Авдонин.

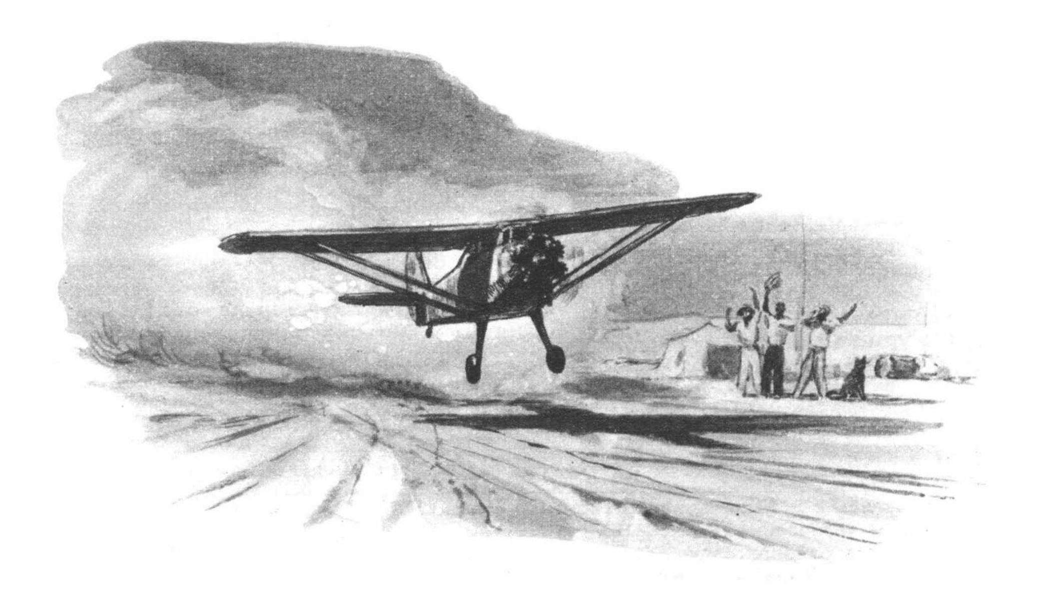
Глубокой ночью Зубачев и Гафур, ориентируясь по звездам, вернулись на вышку Кулиева.

Зубачев попросил радиста немедленно связать его с начальником экспедиции Корчевым.

Когда на рассвете Сергей Рубцов пришел в себя, старший буровой мастер Матвеев, лукаво щуря глаза под лохматыми бровями, протянул ему радиограмму: «Объявляю благодарность за мужество. Желаю успехов. Корчевой».

Во второй радиограмме, которую Матвеев держал в кармане, топографу Рубцову объявлялся выговор за невнимательный осмотр водяной тары перед маршрутом.

Но Корчевой отдельно радировал Матвееву, чтобы эту радиограмму показали Рубцову дня через три, после того, как он окончательно поправится.

2. Текущий счет

Два раза в месяц, по субботам, возле нашей палатки садился легкий самолет. Первым к самолету, соблюдая полное достоинство, не спеша подбегал наш лохматый пес с квадратной мордой — Сапог. Он ложился в тени крыла и, высунув влажный язык, терпеливо наблюдал процедуру получения заработной платы. Наш кассир, страдавший одышкой, недоверчиво косился в сторону Сапога и раскладывал на крыле ведомости. Расписывались по очереди: сначала Игорь Брянцев, Гафур Рустамов, потом я. Кассир неуклюже забирался в кабину и произносил одну-единственную фразу:

— Ну и климат!..

Мы возвращались в палатку, прятали получку в карманы вещевых мешков и снова отправлялись разгадывать геологические тайны Соленой впадины.

Ничего нового не обещал нам и в этот раз прилет кассира. Как обычно, летчик Миша Вихорь сделал над палаткой один круг, выключил мотор и ринулся на посадку.

— Пойдем послушаем жалобу на климат, — сострил Игорь Брянцев.

Мы вышли из палатки и удивленно переглянулись. Возле самолета, кроме летчика и кассира, виднелась еще одна фигура. Несмотря на расстояние, Гафур моментально определил:

— Те же и незнакомка.

Сапог уже обнюхивал черные тапочки незнакомки, и она, стараясь сохранить спокойствие, не двигалась с места, взирая на лохматого зверя, достигавшего ей почти до пояса.

— Не бойтесь! Он только к финансовым работникам неравнодушен, — оттягивая пса за ухо, объяснил Гафур.

Кассир пробубнил скучным голосом:

— Неостроумно. Пересчитайте деньги и расписывайтесь, молодые люди. Вы у меня не одни...

Но мы не спешили. Мы, как последние скряги, слюнявили кончики пальцев, перебирали каждую бумажку и, глядя поверх пачки денег, рассматривали незнакомку. Из-под красной косынки выбивались струйки русых волос, в глазах ее светилось полудетское удивление.

Мы просматривали деньги на свет и гадали, кто она: студентка, прибывшая на практику, или ученица коллектора, желающая начать изучение геологии с азов?

— Все в порядке? — спросила она. — А теперь обращайтесь ко мне. Я сберкасса.

Гафур поперхнулся и толкнул носком ни в чем не повинного Сапога, а девушка улыбнулась:

— Правда, смешно? Пустыня — и вдруг сберегательная касса!

Кассир, отмахиваясь от жары кипой ведомостей, объяснил:

— Ничего особенного — техника. Ну и климат!..

Метнув на кассира убийственный взгляд, Игорь показал рукой в сторону палатки:

— Там главный сейф.

— Только на полном газу! — категорически заявил Миша Вихорь. — У меня сегодня еще две посадки.

В палатке девушка вынула из своего клеенчатого портфеля стопки книжечек в разноцветных обложках и принялась объяснять:

— Вы можете произвести срочный вклад или открыть текущий счет. По текущему счету вам выдается чековая книжка и расчетная книжка...

Мы молча слушали, кивали головами. Она окончила разъяснения и строго спросила:

— Неясности есть?

— Есть неясность! — выкрикнул Гафур. — Как вас зовут?

— Леля, — ответила девушка и поспешно добавила: — Елена Михайловна.

— Очень хорошо, Лелечка! Желаю открыть текущий счет!

Мы молниеносно присоединились к Гафуру, и на столе выросли пухлые пачки денег.

— Ого! — изумилась Леля. — С одного залета свой план перевыполняю!

— Тогда пожалуйста, — Гафур извлек завалявшуюся в кармане куртки пятерку.

Мы все рассмеялись, и Леля принялась оформлять открытие текущего счета. Мы следили, как авторучка, зажатая тонкими пальчиками, быстро движется по бумаге.

Грозным предупреждением прозвучали первые выхлопы заведенного мотора. Леля подняла голову и сказала:

— Торопят. Сейчас закончу.

Мы переглянулись и поняли, что не можем примириться с исчезновением Лели. Но тут широченная улыбка озарила физиономию Гафура. Он выскочил из палатки, вызвал меня и, размахивая от возбуждения руками, выпалил скороговоркой:

— Ты меня знаешь? Хорошо знаешь? Запомни: Гафур Рустамов идет на жертву ради друзей!

После этих торжественных слов Гафур подхватил подмышку шахматную доску, валявшуюся возле палатки, и побежал к самолету.

Я сразу понял замысел Гафура. Миша Вихорь был одержим шахматной страстью. Всю свою тесную кабину он оклеил шахматными задачами, на приборной доске умудрился поместить вырезанный из газеты портрет Ботвинника и даже выражался так:

— Я сегодня провел посадку ходом коня.

Если Миша задерживался в полете, начальник экспедиции прежде всего интересовался, есть ли на месте назначения шахматисты.

В палатке было покончено с оформлением текущих счетов, и Леля рассказывала Брянцеву:

— Вот так и получилось: ехала в экспедицию, собиралась стать учеником коллектора, а меня в сберкассу определили. Хотела подругам письмо послать и постеснялась. Как-то неудобно писать, что работаю в пустыне в сберегательной кассе.

— Не горюйте,— утешил Лелю Игорь,— со временем вы обязательно будете геологом!

— Ой! Я с вами заболталась, а летчик ждет, лететь пора, — спохватилась Леля.

Как раз в это время мотор самолета издал сочный булькающий звук и затих. Леля встревоженно вскочила.

— Что случилось?

— А случилось то, — заявил я, — что вы можете погостить у нас лишних пятнадцать минут!

— И мы вам покажем Соленую впадину в полном ее великолепии! — добавил Брянцев.

Леля подозрительно посмотрела на нас и неожиданно рассмеялась.

— Ладно, показывайте вашу впадину...

Мы показали Леле Соленую впадину. И как показали! Захлебываясь и перебивая друг друга, мы щеголяли самыми замысловатыми геологическими терминами, высказывали такие теоретические предположения насчет залежей ископаемых, о которых побоялись бы даже подумать в присутствии нашего старшего геолога.

Леля улетела минут через двадцать.

Гафур, пытаясь оторвать у ферзя голову, с нескрываемой завистью посмотрел на меня и на Игоря.

— Только не благодарите: следующий раз я турнир проводить не буду!

* * *

Мы начали играть с Мишей Вихорем по очереди.

Миша с блеском выигрывал и снисходительно объяснял:

— С такой ладейной защитой я еще в средней школе познакомился. Теория у тебя, браток, слабовата, прямо скажем...

Но никого из нас не огорчали шахматные поражения. Наоборот, чем больше входил в азарт Миша, тем дольше могла побыть у нас Леля.

Правда, каждый раз приходилось выслушивать кассира, обвинявшего нас в легкомыслии и неуважении к финансовой дисциплине.

А Леля уже знала, что такое третичные отложения, чем отличается геологическая карта от географической.

Мы, в свою очередь, были твердо убеждены, что нигде нет лучше антоновских яблок, чем в маленьком городке под Курском, откуда Леля родом.

Всю заработную плату, кроме строго рассчитанных на питание денег, мы вручали Леле. Каждый старался внести сумму покрупнее, а как-то раз я услышал за палаткой возбужденный шепот Гафура:

— Корней Сергеевич, дорогой, одолжи, пожалуйста, сотню!

Шофер, привозивший нам воду и продукты, возмущенно пробасил:

— И куда у вас деньги уходят? В карты, что ли, начали играть? Ничего не понимаю...

Раньше, когда Корней Сергеевич уезжал в штаб экспедиции, мы давали ему многочисленные поручения. Гафур объяснял, какой чувствительности приобрести для него фотопленку; Игорь, любивший к чаю сладкое, просил купить варенье; я записывал номера журналов, которые необходимо было приобрести в книжном киоске.

Положив деньги в потрепанный бумажник, шофер недовольно бормотал:

— Варенья им захотелось! Скоро мороженое потребуют...

Но, несмотря на разнообразие наших заказов, Корней Сергеевич выполнял их все, и если чего-нибудь не привозил, то мрачно заявлял:

— Такого продукта не обнаружено. Произведен заказ...

Теперь уже второй месяц мы даже не заикались о покупках. Однажды, не выдержав, шофер спросил нас с какой-то совсем ему не свойственной жалобной интонацией:

— Может, порученьице будет? В магазин абрикосы поступили...

Услышав наш отрицательный ответ, он снова сказал:

— Право слово, в карты играете!

Совсем растерялся Корней Сергеевич, когда увидел, что Гафур и Игорь, зачерпнув из бочки воду, принялись мыть пофыркивающего от удовольствия Сапога.

Шофер издал клокочущий звук и с присвистом выдавил:

— Что? Собачьи ванны? — Уже из кабины мы услышали грозное предупреждение: — Буду жаловаться!

Через час после его отъезда прилетел самолет. Из самолета первым выскочил Миша Вихорь, вторым выбрался кассир, за кассиром появился парень в гимнастерке.

Мы с недоумением посмотрели друг на друга, и Игорь робко спросил:

— А где же Леля?

— Вы говорите о Елене Михайловне? — уточнил молодой человек. — Согласно приказу начальника экспедиции, она переведена учеником коллектора в буровой отряд старшего мастера Фролова.

— Не может быть! — возмутился Гафур.

Как всегда, помахивая ведомостями, в разговор вмешался кассир:

— Ничего особенного! Растут люди...

Мы торопливо произвели все финансовые операции, вернулись в палатку, и Гафур яростно замахал руками:

— Безобразие! Надо немедленно написать заявление, надо требовать, чтобы Лелю вернули!

— А какая мотивировка? — прищурился Игорь Брянцев и, улыбнувшись, развернул на столе карту. — Давайте-ка лучше посмотрим, сколько километров до отряда Фролова.

НАРОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ ТУРЦИИ

Пять лет назад, в апреле 1948 года, турецкая охранка руками своего платного агента, одновременно состоявшего на службе у фашистской титовской клики, убила одного из лучших писателей Турции — Сабахаттина Али.

В последней своей статье, опубликованной в газете «Зинджирли Хюрриет» («Свобода в цепях»), Сабахаттин Али писал: «Турция, опираясь на поддержку одного иностранного государства, превратилась в игрушку в руках большого числа любителей пограбить народ, в руках людей, которые толкают страну на путь нищеты, болезней и отсталости... Руководители Турции всемерно поощряют иностранное вмешательство, к которому народ настроен сугубо враждебно. Эти лица болтают о «красной опасности». Но народ отлично понимает, что единственная опасность, угрожающая независимости, свободе и существованию страны, заключается в действиях нынешнего правительства».

Враги турецкого народа, продавшие его независимость и кровь его сынов поджигателям войны, убили писателя-патриота за то, что он бесстрашно разоблачал предательство реакции, за то, что он выступал в защиту мира и демократии.

Сабахаттин Али родился в 1907 году в одном из городков Анатолии — Айвалыке — в семье турецкого офицера. Писатель прекрасно знал жизнь своего народа. В детстве он много ездил по стране вместе со своей семьей, потом долго учительствовал в сельских и провинциальных школах. Писать он начал рано. Уже в начале тридцатых годов Сабахаттин Али становится одним из активнейших сотрудников журнала «Ресимли Ай», который объединял в то время демократическую интеллигенцию.

Творчество писателя развивалось под благотворным воздействием русской классической и советской литературы. Он прекрасно был знаком с произведениями Толстого, Чехова, Горького, Шолохова.

«Сабахаттин Али,— говорит Назым Хикмет,— питал горячую любовь к Советскому Союзу; он читал много книг, рассказывающих правду о Советской стране, интересовался марксистско-ленинской литературой, расспрашивал меня о жизни в стране социализма».

За сатирические стихи о тогдашнем диктаторе Турции Мустафе Кемале он был брошен в Синопскую крепость. Там у писателя завязывается дружба с группой заключенных коммунистов. «Однажды, после нашего выступления на суде,— вспоминает С. Устюнгель,— товарищи переслали мне из Синопской тюрьмы табакерку. На ней были инкрустированы две буквы — «С. А.» и слова: «В знак уважения». Позднее мне передали, что это табакерка Сабахаттина Али и он прислал ее нам в подарок, чтобы выразить свое уважение».

С этого времени наступает новый период в творчестве писателя, и героями его произведений все чаще становятся труженики Турции — рабочие, крестьяне. Их жизни и борьбе посвящены лучшие страницы его произведений. По выходе из тюрьмы он выпускает несколько сборников рассказов, романы. Сабахаттин Али становится одним из любимейших писателей Турции, талант его вынуждены признать даже реакционные критики.

После второй мировой войны Сабахаттин Али смело выступает в защиту национальной чести и независимости Турции. Он издает сатирическую газету «Марко-паша». В Турции, если уже некуда больше обратиться, говорят: «Скажи об этом Марко-паше». Марко-паша — символ народной справедливости. В своей газете писатель высмеивает турецких фашистов, продажных политиканов и писак. Невиданным для Турции тиражом — 150 тысяч — расходится сатирическая газета.

Имя Сабахаттина Али вызывает бешеную ненависть реакции. Его книги сжигаются на кострах. Его газету неоднократно закрывают, а сотрудников во главе с редактором бросают в тюрьму. Но писатель продолжает борьбу, газета выходит под новыми названиями — «Всем известный паша», «Покойный паша». И тогда фашистские правители страны организуют провокационное убийство писателя, имя которого составляет гордость турецкой культуры.

Но реакция, физически уничтожив Сабахаттина Али, бессильна убить правду, которая живет в его книгах и статьях. Традиции Сабахаттина Али живы, об этом говорят произведения таких талантливых писателей младшего поколения, как Орхан Кемаль, Мелих Джевдет, Октай Акбаль и многие другие.

Назым Хикмет в своей последней пьесе, «Рассказ о Турции», запечатлел в образе писателя Хюсейна Халима обаятельный облик Сабахаттина Али, человека и борца. Книги Сабахаттина Али издаются в десятках тысяч экземпляров на турецком языке в народно-демократической Болгарии, они переведены на многие языки. Тираж его произведений, вышедших на русском языке в Советском Союзе, превысил четверть миллиона экземпляров.

«Если мы не были достаточно бдительны, то будьте бдительны вы!» — этими словами закончил Сабахаттин Али один из своих последних рассказов. Книги Сабахаттина Али, его трагическая гибель призывают к бдительности всех честных людей, борющихся за мир, за лучшую жизнь на земле.

Р. ФИШ

ХИНИН

Рассказ

САБАХАТТИН АЛИ

Рисунки О. Верейского.

Я вышел к поросшей лесом горе, которая начиналась сразу же за городком. Долго без всякой цели бродил я — сначала в кустарнике, потом среди сосен. Несколько часов сидел я на самой вершине, смотрел на простершуюся передо мной равнину, похожую на тщательно обработанный цветущий сад; смотрел на городок у подножья горы, с его крышами из темной черепицы, белыми минаретами, высокими фабричными трубами из красного кирпича, на укрытые в серебряной листве тополей деревни и залитые лучами солнца горы в фиолетовой дымке.

Мне не хотелось уходить отсюда. Но с самого утра у меня во рту не было ни капли воды, и теперь хотелось пить. Губы высохли и стали трескаться, язык прилипал к нёбу. Я шел наугад, не зная горных тропинок, и, как знать, может быть, я был в пяти шагах от источника с прозрачной ледяной водой. Выбрав на глазок самый короткий путь, я стал быстро спускаться, чтобы поскорей достигнуть равнины и напиться вволю. Но чем больше я торопился, тем сильнее мои ноги скользили по хвое, желтевшей на поверхности. Комья земли, шишки, камни мешали мне идти, и я с трудом удерживался на ногах. А жажда все усиливалась. Наконец я совсем потерял дорогу и оказался в густом кустарнике, в лощине, зажатой между двумя крутыми склонами.

Я прокладывал себе путь в чаще диких олив, можжевельника, орешника и других кустов, с колючками и без колючек. С большим трудом я продвигался вперед. Ветви деревьев хлестали по лицу и цеплялись за очки, кепка свалилась с головы. С каждым шагом пиджак мой казался мне все тяжелее. Кусты были выше моего роста, и я потерял направление. Когда же удавалось выглянуть из-за листвы, я видел справа и слева крутые склоны горы, спереди и сзади — бесконечные заросли орешника; и я начинал подумывать о том, что придется провести здесь без воды всю ночь.

Проплутав так порядочно времени, я заметил впереди, шагах в трехстах, возделанный участок земли и несколько оливковых саженцев. Там должен быть человек или, по крайней мере, выход на дорогу! Саженцы, заботливо подрезанные, с привитыми черенками, взрыхленная земля — все указывало на то, что рука человека добралась и до этого забытого уголка. А так как молодые деревца не могли расти без воды, то вблизи должна была найтись и вода.

Воспрянув духом, я стал пробиваться вперед. С треском ломались ветки под ногами, шипы вонзались в полы пиджака, ветки кустарника царапали лицо, но ничто уже не могло сбить меня с пути. Когда наконец я вышел на возделанный участок с оливковыми деревцами, мои руки были в крови, лицо исцарапано, пот лил с меня в три ручья. Стекла очков запотели; я шел, ничего не видя, скользя по унавоженной земле.

Двигаться дальше не было сил, я сел, где пришлось, и закрыл глаза. Отдохнув немного, я открыл глаза и огляделся: лощина стала шире, передо мной на безлесном склоне было небольшое свежескошенное поле, чуть пониже — маленький огород, засаженный кукурузой; рядом — колодец и немного поодаль — лачуга из сырого кирпича. Тут я снова вспомнил, что хочу пить, и, сорвавшись с места, побежал к колодцу. У колодца я огляделся по сторонам, ожидая, что кто-нибудь покажется вблизи. Однако вокруг не было ни души. Я подошел к домику и громко сказал:

— Эй, земляки... есть кто-нибудь?

Никто не отзывался. Дверь лачуги, крытой ветками, была приотворена. Я просунул голову внутрь — в углу небольшой топчан, прикрытый тряпьем, у потухшего очага несколько глиняных мисок.

Вокруг ни души. Я снова подошел к колодцу, набрал воды и выпил почти полведра. Затем обошел участок. В огороде среди побегов кукурузы были высажены тыквы; несколько стеблей фасоли обвивались вокруг тонких прутиков.

«Во всяком случае, хозяева ушли ненадолго»,— подумал я. Судя по внешнему виду, можно было сказать, что хозяйство это не заброшено; однако некоторые признаки запустения бросались в глаза: кукуруза несколько дней не поливалась, листья ее начали желтеть, овощи в огороде, давно созревшие, не были собраны; очаг в домике, видимо, не зажигали уже несколько недель.

Усевшись на земляном пороге, я решил немного отдохнуть. Солнце уже давно скрылось за горой. Лучи его начали подниматься от подножья к вершине горной гряды. По ущелью, с той стороны, откуда я пришел, ветерок доносил смолистый запах сосен. Немного поодаль, на жнивье, стрекотали кузнечики, жужжали жуки. Внизу виднелась часть равнины; крестьяне, возвращаясь в свои села, поднимали облака пыли на дорогах, обсаженных деревьями.

Тут я заметил, что кто-то медленно поднимается вверх по ущелью. Когда путник при-

близился, я разглядел на его спине тяжелый тюк. Вероятно, это был хозяин участка. Я встал и пошел ему навстречу. Не зная, что это за человек и как он отнесется к моему приходу, я решил, что лучше встретиться с ним на дороге.

Тропинка в зарослях, хорошо заметная сверху, скоро потерялась. Пройдя несколько сот метров, я замедлил шаг. Я думал, что путник вот-вот покажется. Однако никого не было. Я уже совсем близко подошел к равнине, когда заметил чью-то тень у дороги. Только подойдя вплотную, я увидел человека, который сидел, склонив голову, и рядом с ним — другого, лежавшего на земле.

— Здравствуй, земляк! — сказал я.

Молодой, но мрачный голос пробурчал:

— Здравствуй!

Тут я разглядел, что на земле лежала женщина. Из заплатанных шаровар виднелись ее босые ноги.

— Что она, больна? — спросил я у парня.

— Да...

Я помолчал; потом опустился на корточки рядом с ним.

— Огород и посевы там, наверху, твои?

— Мои!

— Ты хорошо ухаживаешь за ними, соберешь добрый урожай... Через год — другой оливы дадут плоды.

Он скривил губы:

— Лет через пять — шесть... пожалуй.

Я поразился, заметив по его лицу и по голосу, как он молод. Ему нельзя было дать больше семнадцати-восемнадцати лет.

— Это твоя сестра?

— Нет, жена!

— Рано же ты женился! — сказал я, пытаясь улыбнуться.

— Что поделаешь...

— А чем она больна?

— Лихорадка у нее.

— Ты давал ей хину?

— Побойся бога, эффенди! Откуда у нас хина?

— На противомалярийный пункт ходил?

— Оттуда и идем.

— Что же вам сказали?

— Сказали, ничего у нее нет!

— Не может быть!

— Так вот и сказали!

Парень на каждый вопрос давал предельно краткие ответы и, вероятно, ждал, что я вот-вот встану и пойду прочь. Но вдруг он посмотрел мне в лицо, словно почувствовал желание излить свою душу. Указав на женщину, которая вся сотрясалась от жестокого приступа малярии, он проговорил:

— Посмотрите на нее, эффенди! Бога они не боятся, вот и сказали, что нет у ней ничего, прогнали нас!

Поднявшись на ноги, я взглянул на больную. Трудно было поверить, что это взрослая женщина: ее тело, иссушенное лихорадкой, казалось необычайно маленьким. В полутьме лицо с капельками пота выглядело совсем детским.

— Ты, наверное, не смог объяснить, в чем дело, сынок,— сказал я.

— Как объяснить тем, кто не хочет понимать, бей!-Он посмотрел мне в лицо, потом снова опустил глаза и продолжал: — Слушай, я расскажу тебе все сначала... Если в чем совру, не подняться мне с этого места живым... Алие заболела лихорадкой в нашей деревне. Я был в солдатах, а как вернулся, узнал...

Я прервал его:

— Сколько же тебе лет?

— Два года, как вернулся со службы.

— А с какого времени ты женат?

— За три месяца до призыва Алие убежала ко мне; в городке не хотели поженить нас: слишком молода, мол. Да и отец ее, старый юрюк[1], слушать ничего не хотел: не отдам, говорит, дочь за жителя равнины. Слава аллаху, имам в нашей деревне сжалился, прочитал молитву, и нас окрутили.

Ну а когда меня в солдаты забрали, мой отец бедной девчонке не давал жить... Только и слышала от него: «Муж на службе, стану я тебя кормить; отправляйся к своему отцу, бродяжье отродье!» И она то у соседей поработает, то так где-нибудь перебьется... Еще слава богу, что ребенка не было... Когда я уволился и домой пришел, поругались мы с отцом. «Мне твое хозяйство да земля не нужны,— говорю.— Пусть дочери твои да зятья пользуются. А я в твоем доме не работник больше!»

Потом продал я клочок земли, что остался от покойной матушки, и сказал жене: «Пойдем, Алие, поищем себе доли среди гор да камней!» Забрал ее и пришел сюда. Денег за проданную землю нам хватило на год. Здесь я кустарник вырубал — в город продавать носили. Заработали немного денег. А что осталось, на дрова пошло. На расчищенном участке посеяли хлеб, собрали урожай. Когда четыре руки есть, чего не сделаешь! Выкорчевали кустарник, сделали прививку диким оливам, выкопали колодец, стали поливать наши посевы. Нарезали кирпича и сложили себе каморку. Никто нам не был нужен. Ты ведь сверху идешь и видел: у нас и сад есть и овощи. В прошлом году мы в городке оформили казенный брак; нынче собирались купить пару коз да десяток кур-несушек. Но лихорадка совсем замучила мою Алие.

Я уж говорил: когда я был на службе, она подхватила ее в нашей деревне. Наша деревня на болоте стоит... Говорят, этому чудищу такие места нравятся... Было это как раз во время жатвы. Но я не посмотрел на то, что дождь может побить колосья, взял жену, и мы спустились в город. Я ее повел на малярийный пункт. Как-никак, я был в солдатах и знаю все ходы-выходы. Доктор, молодой такой, белокурый парень, усы себе отпустил да огромные очки нацепил на нос, даже не посмотрел на нас и сказал санитару в белом халате: «Возьми-ка у нее кровь». А нас прогнал: «Приходите через два дня!»

Через два дня я отправил Алие одну. Сам я урожай собирал. Доктор и говорит ей: «Посмотрели твою кровь, у тебя ничего нет». «Помилуй, доктор, — говорит она, — взгляни на меня — в лице ни кровинки не осталось... Эта болезнь у меня издавна; ради бога, дай немного хины!» А он как заорет: «У тебя не малярия, говорят тебе! А если другая болезнь, ступай к муниципальному доктору!» Алие пошла к муниципальному доктору. Тот только взглянул на нее и говорит: «Милая, что же ты пришла сюда? У тебя лихорадка, ступай на противомалярийный пункт!» Она вернулась домой и после, бедняга, три дня лежала, не вставая. Я поил ее можжевеловым настоем... Что я мог поделать? Такое несчастье!.. Ничто не помогало ей, а у меня сердце переворачивалось. В конце третьего дня она немного ожила, и мы снова спустились в городок. Доктор на малярийном пункте узнал нас: «Зачем пришли? Хинщики!» «Помилуй, бей, — говорю.— Ты сказал, что ничего у нее нет, а она три дня головы поднять не может; бога ради, осмотри ее и назначь лекарство от болезни!» Доктор и головы не повернул. «Мы сделали анализ крови, — говорит. — У твоей жены в крови малярии нет, а до остального мне дела нет...»

Тогда — была не была — решил я соврать. «Муниципальный доктор смотрел ее,— говорю.— Пощупал селезенку, не иначе — малярия, и к тебе направил».

Доктор покосился на меня: «Если так, приведи ее ко мне во время приступа, возьмем кровь еще раз!..» Я повалился ему в ноги: «Мы в горах живем, три часа пути отсюда; во время приступа она подняться не может, как же мы сюда придем?» Тогда он сорвался с места, подскочил ко мне и заорал: «Вы человеческих слов не понимаете, мужичье неотесанное! Существует закон, порядок; вам указывают, как поступать, а вы еще артачитесь! Убирайтесь вон отсюда!..» Позвал санитара в белом халате и приказал: «Выкинь отсюда этих негодяев!» Когда мы вышли, я и говорю Алие: «Оставайся лежать здесь, у дверей. Проклятая лихорадка вот-вот тебя схватит... Тогда пойдем и сдадим кровь». Мы опустились на землю у стены, дождались вечера. Еще засветло доктор ушел. Пока санитар запирал дверь, я спросил: «Земляк, а где доктор живет?» Он посмотрел

[1] Юрюки — полукочевые племена в центральных областях Анатолии.

на нас, подумал, верно: «Какой назойливый народ!» — и сказал: «У доктора нет своего дома; он одинокий и спать приходит сюда». «Вот и хорошо, — решил я.— Тут мы его и дождемся». Когда стемнело, у Алие начался приступ. «Горю,— говорит,— Мустафа, умираю!» Я сейчас же положил Алие на камни, а голову ее к себе на колени...

Ждал, ждал, а проклятый доктор все не шел. Алие вся горела, как в огне, обливалась пóтом, а доктор все не шел. Наконец ровно в полночь он появился, раскачиваясь и петляя по улице из стороны в сторону. «Боже мой, да он пьян! Станет брать кровь, не поранил бы девчонку»,— мелькнуло у меня в голове. И тут будто дьявол мне шепчет: «Дать бы сейчас по голове этому пьянице, чтоб он ноги протянул!..» Но что поделаешь, лекарство для Алие было в его руках.

Подойдя к двери, он никак не мог отыскать замочную скважину. Я подошел, открыл ему дверь. Потом вытянулся в струнку перед ним и говорю: «Господин доктор, больная у ваших дверей... Сгорает от лихорадки... Возьмите ее кровь!» Он уставил на меня свои голубые глаза, отрыгнул мне прямо в лицо и так заорал, что в соседних домах люди проснулись и бросились к окнам: «Это опять вы?.. И в полночь нет от вас покоя?.. Что для вас, дня божьего мало?! Мало я с вами вожусь в рабочее время! Неблагодарные свиньи!.. Наглецы!..» Подняв своим криком на ноги всю округу, он захлопнул дверь перед моим носом.

Потом на шум прибежал ночной сторож и прогнал нас оттуда. Я взвалил Алие на спину и понес из города. В оливковой роще я положил ее на покрытую инеем траву... Эх, бей, ты, верно, думаешь, что с той поры я больше не ходил к доктору... И правда, разве человек пойдет туда еще раз? Однако я пошел! Погляди на бедную девочку: она тает день ото дня, того и гляди, умрет. А что мне делать с моим полем, с садом, если ее не станет? Клянусь, мне хотелось разрушить наш домик, разорить сад, засыпать колодец, повырывать один за другим все саженцы, уйти самому куда глаза глядят!.. Ну, да что там говорить!

Дней пять лежала она дома. Наконец достал я в городе с десяток порошков хинина, по десяти курушей [1] за штуку; дал ей выпить — помогло. Я за это время урожай собрал, огород окучивал. Но как хинин кончился, снова стала трепать ее лихорадка. Откуда я возьму каждый день тридцать — сорок курушей, чтобы купить хинин? Да если бы и были деньги, не так-то просто достать его... Словом, однажды Алие говорит мне: «Мустафа, в последнее время лихорадка всегда приходит ко мне днем, давай с утра спустимся в город; когда приступ начнется, мы будем на месте». И вот сегодня утром мы собрались, пошли... Подошли к дверям малярийного пункта, сели. Дождались вечера...

Но проклятая лихорадка так и не пришла. Видно, даже лихорадка — и та против нас. Доктор надел кепку, отправился восвояси, а приступ не начинался... Мы встали и побрели домой... На обратном пути, когда мы уже поднялись в гору, тут лихорадка нас и настигла, не дождавшись, пока воротимся домой!.. Я взвалил жену на спину и дошел до этого места... Легкая она, как птичка, да дорога крутая, сил не хватило...

Мустафа умолк и снова потупился. Вокруг нас была кромешная тьма; звезды усеяли небо. Но я видел, как дрожат босые ноги лежащей на земле женщины. Чтобы не обращать на себя внимания постороннего мужчины, бедняжка старалась сдержать даже стон; она порывисто дышала, из открытого рта вырывался приглушенный хрип.

— Давай, помогу тебе хоть до дома ее донести,— сказал я.

— Не трудись, бей... Я отдохнул, теперь и сам донесу, немного осталось...

Я хотел ему чем-нибудь помочь, но ничего не мог придумать. В этом городке я бывал только наездами и потому не знал здешнего врача. Я поднялся с места, с горечью убедившись, что ничего не могу сделать для них... Вдруг у меня возникла идея.

— Послушай, Мустафа,— сказал я.— Сделай вот что: найди небольшое стеклышко, хорошенько вымой его... Затем, когда у твоей жены начнется приступ, проколи ей слегка булавкой кончик указательного пальца... Кровь размажь по стеклу и отнеси доктору...

Мустафа взглянул на меня с недоверием:

— Выйдет ли что?

— Почему же нет? В крови больного малярией всегда находятся микробы; их увидят и дадут тебе хины!

— Хорошо, бей! — сказал он, но по его тону я понял, что он подумал: «Ладно, поверим еще раз. Может быть, твои слова чего-нибудь да стоят».

До городка было еще часа три пути. Я не хотел больше задерживаться. Оставив их на том месте, где мы встретились, я пошел вниз, по склону.

Дня через два, под вечер, я встретил Мустафу на городском базаре. Он с трудом волочил ноги, рассеянно глядя на кусочек стекла, который держал в руках. Я подошел к нему.

— Как дела, Мустафа?

Он сначала не узнал меня и долго вглядывался, словно припоминая, наконец сказал:

— Ты господин, которого мы встретили в горах. Узнал!

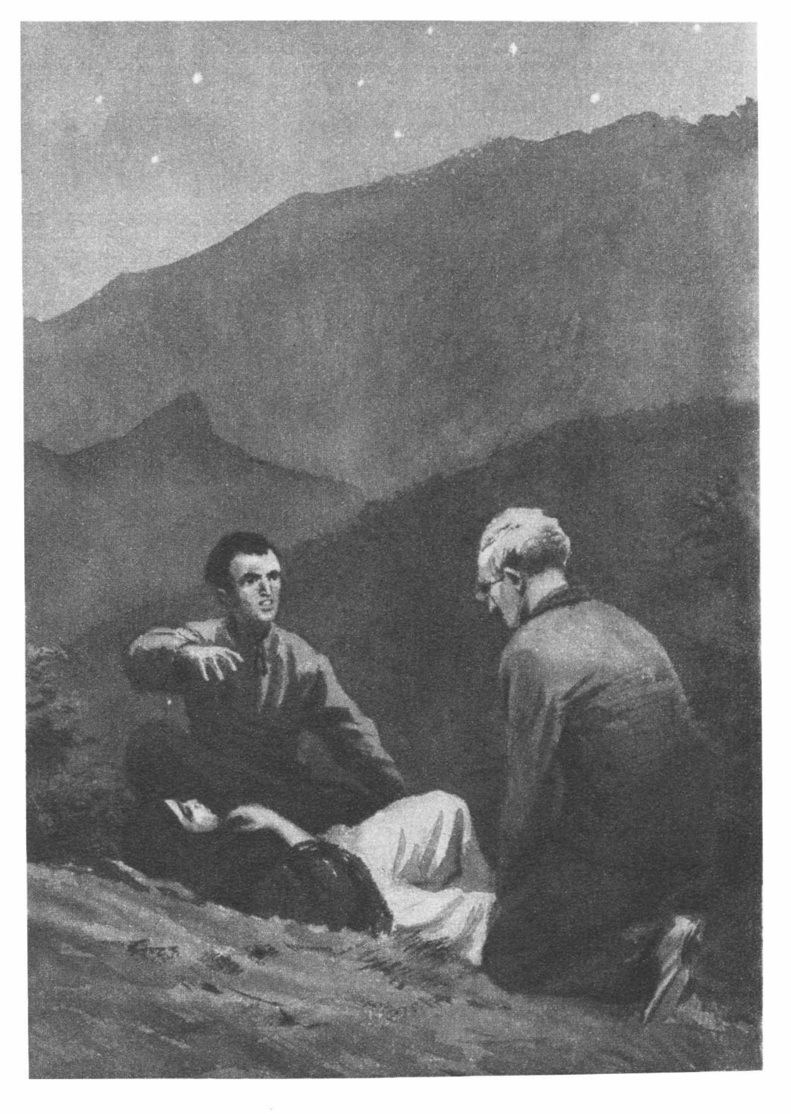
— Ну, что ты сделал?

— Я сделал, как ты сказал, бей, — ответил он, горько усмехаясь.— Отнес доктору стеклышко, рассказал ему, как проколол палец и собрал кровь, когда у больной был приступ. Он как вскочит да как бросится на меня: «Этак вы наберете черт знает сколько крови у малярийных больных и станете меня надувать!.. Хотел смошенничать и заполучить у меня хинин?! Ах ты!.. Живо заворачивай оглобли, не то сейчас полицию позову!» Санитар в белом халате схватил меня за руки да и вытолкнул за дверь...

Мустафа со злобой бросил на землю кусочек стекла, наступил на осколки босой ногой и, не сказав больше ни слова и не взглянув на меня, зашагал прочь.

Я долго не мог оторвать от него взгляда... Наконец я повернулся и пошел своей дорогой. Проходя мимо противомалярийного пункта, я услышал, как молодой белокурый, голубоглазый доктор, с тонкими усиками и в громадных очках, ворчливо и раздраженно говорил санитару, который запирал помещение:

— Сколько раз я наказывал тебе: не впускай ко мне этих тварей. Они прослышали, что на рынке хинин можно дорого продать, и все сразу заболели малярией!.. Знаю я, что за жулики эти крестьяне!..

[1] Куруш, или пиастр,— сотая доля турецкой лиры.

Агроном завода

На заводе появился агроном. И он оказался очень полезным для молодого автомобильного предприятия, построенного в Кутаиси. Ни деревца, ни кустика не было здесь два — три года тому назад. Ветер свободно гулял меж цехами, а машины, направляясь с главного конвейера в испытательный пробег, вздымали за собой облака пыли.

С приходом агронома Юрия Клементьевича Кекуадзе картина изменилась. Завод, оснащенный новейшей техникой, должен иметь и культурный облик!

Молодой агроном за короткий срок организовал здесь цветочный питомник, в котором выращиваются канны, циннии, астры, георгины, хризантемы. В прошлом году впервые на территории завода были высажены 10 тысяч деревьев и кустов и свыше миллиона цветов.

Нынешней весной зеленое хозяйство завода пополнилось. Скверы и газоны разбиты возле каждого корпуса. Поутру распахиваются заводские ворота, и автомобилестроители идут по зеленым межцеховым аллеям.

И. МЕСХИ

На снимке: агроном Ю. Кекуадзе осматривает зеленое хозяйство завода.

Фото С. Короткова.

Ольга Форш

Есть писательские дарования, которые раскрываются не сразу.

Когда в 1924 году был написан роман «Одеты камнем», вошедший в золотой фонд советского исторического романа, автору его, Ольге Дмитриевне Форш, было пятьдесят лет. У нее за плечами лежал немалый творческий путь.

Но лишь Великая Октябрьская социалистическая революция помогла ей окончательно определить свою тему, выразить ту горячую любовь к русской демократической культуре, ту ненависть к буржуазно-помещичьему строю, которые жили в ее сознании. Революционеры-разночинцы 60—70-х годов, Радищев, декабристы, славная плеяда русских зодчих, создавших бессмертные памятники национальной культуры на рубеже XVIII и XIX веков,— вот герои наиболее значительных произведений Ольги Форш, написанных за тридцать лет.

В 1931 году М. Горький говорил о том, что «незаметно, между прочим, у нас создан подлинный и высоко художественный исторический роман», в котором даны «поучительные, искусно написанные картины прошлого и решительная переоценка его».

Эта «решительная переоценка» составляет отличительную особенность нашего исторического романа, в том числе и книг Ольги Форш.

В ее романах, посвященных событиям конца XVIII— первой половины XIX века, клокочет гнев против насилий, гнета, издевательств, которым подвергали наш народ царские палачи и дворяне. С не меньшей силой выражена в этих книгах и гордость за тех, кто, служа интересам народа, восставал против самодержавного строя или создавал непреходящие ценности национальной культуры.

Судьба героев Ольги Форш трагична. Такова историческая правда. Сходит с ума и гибнет молодой сподвижник Герцена Михаил Бейдеман, брошенный без суда в одиночную камеру Петропавловской крепости «впредь до особого распоряжения»; повешен революционер-разночинец Каракозов, покушавшийся на жизнь Александра II; взят в солдаты крестьянин Петр, у которого «просвещенный» изверг помещик Лагутин отнял жену.

Фото Р. Мазелева.

Но победа косных, реакционных сил временная. Петр принимает участие в революционном кружке; на место павших встают все новые и новые бойцы, подготовляя то будущее, которое покончило с властью всех и всяческих эксплуататоров. Мысль о преемственности в революционном движении, а также и в создании демократической, подлинно великой культуры особенно близка Ольге Форш.

Тема эта встает и в романе «Михайловский замок». «Тартюф в юбке» — Екатерина Вторая — и раболепная свора придворных «ценителей искусства» могут помешать осуществлению гениальных замыслов великого русского зодчего Баженова, но никто не властен убить истинно великое и народное искусство. Замыслы Баженова получают новую жизнь в творениях его учеников — Воронихина и Росси. Тяжела судьба героев «Михайловского замка», и это тоже историческая правда. Ведь создатель Казанского собора Воронихин был долгие годы крепостным, так же как и братья Аргуновы. Немало горьких унижений принесло Карлу Росси и дикое самодурство императора Павла I и даже то, что он был «незаконнорожденным».

И все же жизнь и судьба Баженова, Воронихина, Росси, Аргуновых прекрасны. Дело их, творческая дружба их принадлежат истории русского народа, великому его будущему.

Радищев, которому посвящена трилогия Ольги Форш — «Якобинский заквас», «Казанская помещица» и «Пагубная книга»,— это, пожалуй, любимейший герой писательницы.

В трилогии на фоне бурных событий народной истории второй половины XVIII века (чумной бунт, восстание Пугачева) показано становление характера подлинного революционера.

Радищев в изображении О. Форш — человек всеобъемлющих интересов и знаний, ясного ума, железной воли и мужества, сумевший порвать с дворянской средой и обратить огненный гнев свой не против тех или иных злоупотреблений, а против самой системы самодержавия и крепостничества — против «звероподобного самовластья».

Ольге Форш исполнилось восемьдесят лет. Но писательница сохранила всю силу и страсть своего дарования, и сейчас, заканчивая вторую книгу романа о декабристах, она верна своей теме, своей жизненной задаче — прославлению великих традиций русской истории и культуры.

Е. КНИПОВИЧ

«КРОВАВАЯ ИМПЕРИЯ» ДЖОНА УЭСТА

На пороге невзрачной лавчонки стоял молодой человек в добротном костюме, небрежно подбрасывая на ладони золотую монету. Это мистер Джон Уэст, владелец тайного игорного притона, действовавшего под вывеской чайной лавки. Явившийся к нему с обыском полицейский, не отрываясь, следил за монетой. Уэсту не потребовалось тратить много слов, чтобы убедить блюстителя закона отказаться от обыска. Получив золотой, полицейский коротко сказал: «Я доложу, что здесь торгуют чаем — и все».

Этой выразительной сценой начинается роман прогрессивного австралийского писателя Фрэнка Харди «Власть без славы».

В современной буржуазной литературе можно найти немало стереотипных историй о добродетельных миллионерах, якобы наживших свое состояние честным трудом. Цель подобной «литературы» — убедить читателей в том, что буржуазная демократия обеспечивает всякому возможность стать миллионером.

Лживость этих легенд превосходно разоблачена в романе Харди. События, описываемые в книге, относятся к периоду последних шестидесяти лет истории Австралии, начиная с девяностых годов прошлого века. Имя героя и сюжет книги вымышленные. Но содержание ее настолько правдиво и близко к фактам общественной жизни Австралии, что произведение это было воспринято в самых различных слоях населения страны как разоблачающий документ.

Ф. Харди с бесстрашной прямотой изобличает в своем романе преступную власть австралийских промышленных и финансовых магнатов. Его книга свидетельствует, что в Австралии, как и в любой другой капиталистической стране, всевластие монополий ведет к разложению и растлению всего государственного аппарата, к бесправию и обнищанию народа.

Не удивительно, что книга Харди вызвала ярость со стороны правящих кругов Австралии. Вскоре же после выхода романа писатель был арестован и брошен в тюрьму по обвинению в «злостной клевете». Но единодушное выступление австралийских рабочих и прогрессивной интеллигенции в защиту Ф. Харди принудило правящие круги освободить писателя.

...Подкуп полицейского был первым шагом Джона Уэста на пути к власти и богатству.

Постигая законы капиталистических джунглей, Уэст убеждался в том, что «тот, кто обладает деньгами, хитростью и властью, может не бояться ни полиции, ни суда. Талант, славу и влияние можно купить. Людей можно уговорить, подкупить, запугать, принудить!» Руководствуясь этим принципом, Уэст в широких масштабах подкупает правительственных чиновников, судей, полицию. С теми же, кого нельзя подкупить или запугать, он безжалостно расправляется, устраняя всякого, кто становится преградой на пути к его обогащению. Для этого он без зазрения совести пользуется услугами шайки отъявленных бандитов, готовых ради денег на любое преступление. Все помыслы Уэста направлены к достижению богатства и власти — «власти без славы», как он сам говорит.

Содержатель тайного тотализатора, ловкий мошенник и гангстер становится почтенным капиталистом, владельцем рудников, крупнейших ипподромов, спортивных клубов и стадионов, ресторанов, газет и т. п. Уэст даже снискал себе репутацию благородного гражданина и демократа пожертвованиями на нужды церкви и филантропические мероприятия. «Кровавой империей» называет сын Уэста гигантскую систему наживы, созданную его отцом, и, не желая быть «соучастником грабежа», Уэст-младший кончает жизнь самоубийством.

Джон Уэст не делал особых различий между партиями, считая эти различия лишь видимостью. Являясь щедрым покровителем лейбористской партии, Уэст, однако, когда ему было выгодно, охотно поддерживал кандидатов в парламент и от других партий. Так называемые «социалистические пункты» лейбористской программы, предусматривавшие социализацию производства, банков и распределения, его мало беспокоили: он отлично знал истинную цену всей этой программы. Уэст боялся лишь коммунистической партии, видя в ней угрозу своей власти и богатству.

Финансируя лейбористскую партию, он бесцеремонно вмешивался в ее внутренние дела. От его воли зависело назначение того или иного лидера партии, он отбирал угодных ему депутатов в парламент, инструктировал их и диктовал выгодные ему законы, назначал и смещал министров, влиял на «желтые» профсоюзы.

Для укрепления своей власти он использовал и авторитет католической церкви. Уэст и архиепископ Мельбурна Мэлон проявляют трогательное единодушие в отношении к коммунистам и лейбористской партии.

«Из своей невзрачной конторы,— пишет Харди,— Джон Уэст словно спрут протягивал щупальцы к самым разнообразным людям; тут и спортсмены, и судьи, и гангстеры, и члены городского муниципалитета, и руководители профсоюзов, и прежде всего, политические деятели. Он использовал способности людей, истощал все силы их ума, с безошибочной прозорливостью направлял их в своих целях. Такими марионетками в его руках были главным образом лейбористы...»

Ф. Харди наносит в своем романе сокрушительный удар по реформистским иллюзиям, которые еще живут в рабочем движении Австралии.

В романе представлена целая галерея портретов лейбористских главарей, продающих интересы народа оптом и в розницу,— Хьюза, Саммерса, Тэргуда, Скотта, Ласситера и Ренфри.

Любопытна фигура лейбористского лидера Фрэнка Эштона. Находясь фактически на содержании Уэста, он пытается сохранить видимость своей политической независимости. Как истинный демагог и карьерист, Эштон любит блеснуть левой фразой, порой даже заигрывает с коммунистами, но на деле неизменно защищает интересы эксплуататоров. Ф. Харди весьма ядовито упоминает, что после смерти Эштона Уэст назвал именем этого политического деятеля... одну из своих скаковых лошадей.

Ф. Харди показал в своем романе, как рабочее движение Австралии в борьбе за подлинные демократические свободы и социализм преодолевает реформистские иллюзии, выковывает в своих рядах деятелей нового типа, до конца преданных делу рабочего класса. Уэст не может ни купить, ни запугать таких людей, как Том Манн, старейший деятель английского рабочего движения; профсоюзный деятель Джок Сомертон, коммунист Джим Мортон, журналист Паркер и другие.

Роман Ф. Харди «Власть без славы» — выдающееся произведение прогрессивной зарубежной литературы. Ненависть реакционеров к этой книге и ее автору лишний раз свидетельствует о том, что роман служит делу мира и независимости народов.

П. ФЕДУНОВ

Фрэнк Харди. Власть без славы. Роман. Перевод с английского. Издательство иностранной литературы. М. 1952. 712 стр.

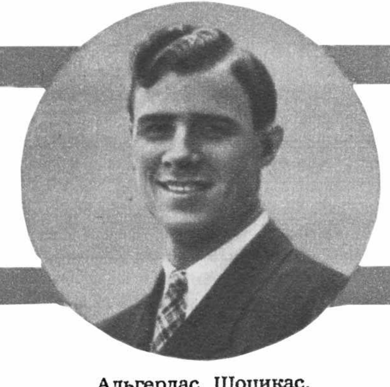

Мариночка.

Фото Е. Микулиной.

«Где же ошибка?» Юные авиамоделисты-семиклассники Алеша Воробьев (слева) и Геннадий Синенко в Ленинградском Дворце пионеров.
Фото Дм. Бальтерманца.

Альгердас Шоцикас.

Воспитание воли

Первым обратил внимание на этого статного и рослого слесаря известный боксер Заборас:

— Каким спортом занимаетесь?

— Футбол. Баскетбол.

Заборас предложил ему заняться боксом. Альгердасу Шоцикасу почти одинаково нравились все виды спорта, и он подумал, что, пожалуй, овладение новым искусством ему не помешает.

Этим же летом (1946 года) он побывал в Москве на физкультурном параде и здесь увидел бой чемпиона страны в тяжелом весе Королева с другим мощным боксером — Навасардовым. Крепко обхватив руками свои колени, Альгердас напряженно следил за красивой, мужественной и умной тактикой чемпиона, за его внезапными атаками и молниеносными ударами... Ему показалось, что бой прошел слишком быстро.

А Николай Королев, уходя победителем с ринга, не подозревал, что именно сегодняшним боем он окончательно привлек к боксерскому искусству юношу, который вскоре станет для него самым грозным соперником.

Вернувшись в Каунас, Шоцикас рассказал о московских впечатлениях друзьям с судоремонтного завода.

— Мне кажется, что стоит всерьез заняться боксом.

— А что ж, парень? Силы тебе не занимать. Может быть, и посчастливится тебе встретиться когда-либо с самим Королевым.

Успехи молодого боксера были головокружительны. В октябре 1946 года он начал боксерскую тренировку в каунасской школе спортивной молодежи. А через месяц после этого встретился с чемпионом Литвы Багдонавичюсом и нокаутировал его в первом же раунде.

Два боя один за другим он выиграл и у Забораса.

Имя молодого боксера быстро стало популярным в Литовской республике. Хороших молотобойцев хвалили: «Ты, парень, своей кувалдой бьешь по железу, как Шоцикас на ринге».

И, провожая его в Москву на соревнования по командному первенству страны (это было в декабре 1946 года), ребята многозначительно подталкивали друг друга локтями:

— А ведь у Королева нынче будет несколько неприятных минут, как ты думаешь, а?

Шоцикаса тяготила неожиданно свалившаяся на него слава, и он отмалчивался на наивные шутки друзей: он-то хорошо помнил могучую силу удара и безупречную технику боя не только Королева, но и Навасардова, и Линнамяги, и многих других боксеров-тяжеловесов.

В Москве команду общества «Жальгирис» постиг жестокий разгром: один за другим все литовские боксеры были либо нокаутированы либо побеждены с явным преимуществом у соперников. Спасся от нокаута один Шоцикас, но и он потерпел убедительное поражение от моряка Николая Юрченко.

Некоторые из литовских боксеров приуныли было, но долго унывать не пришлось. К ним подходили московские тренеры, дружески разбирали последние бои, хвалили за те приемы, которые были удачными, и предметно показывали, в чем заключались главные ошибки. На тренировках придирались к каждой неточности, подсказывали наилучшую тактику боя. Еще перед соревнованием товарищи — московские, ленинградские, украинские боксеры — после боевых практических занятий брали под руку и отводили в сторонку:

— Понимаешь, совсем это у тебя неверно. Ты все время хотел попасть мне в голову, а как раз голова у меня защищена неплохо. Тебе следовало быстрее примениться, изменить тактику. И потом — стойка у тебя какая? А защита? Смотри...

И здесь же показывали, как следовало бы добиться успеха в только что окончившемся бою.

— Ты просто пропустил возможность для двух хороших ударов. И недостаточно решительно атакуешь.

Наука шла впрок. А Шоцикас уже тогда приобрел в Москве много друзей:

— У тебя, Алик, впереди крупные успехи будут. Это и теперь видно. Но — тренировка, тренировка!..

Да, тренировку надо было усилить и сделать многообразнее. Это стало особенно ясным, когда он вскоре проиграл бой москвичу Анатолию Перову.

Скакалка. Снаряды — «груша», «мешок», «лапа». Бег, охота, лыжи. И попрежнему футбол, баскетбол, диск, молот, ядро: боксер должен быть всесторонне развитым спортсменом.

В 1947 году Альгердас обрел хорошую спортивную форму. Вскоре он встретился с латышом Аустерисом, техничным боксером, который провел более двухсот боев. Аустериса он нокаутировал во втором раунде. Ну, теперь-то, кажется, можно встречаться хоть и с Королевым.

Рига. Полуфинал. Напротив стоит Королев.

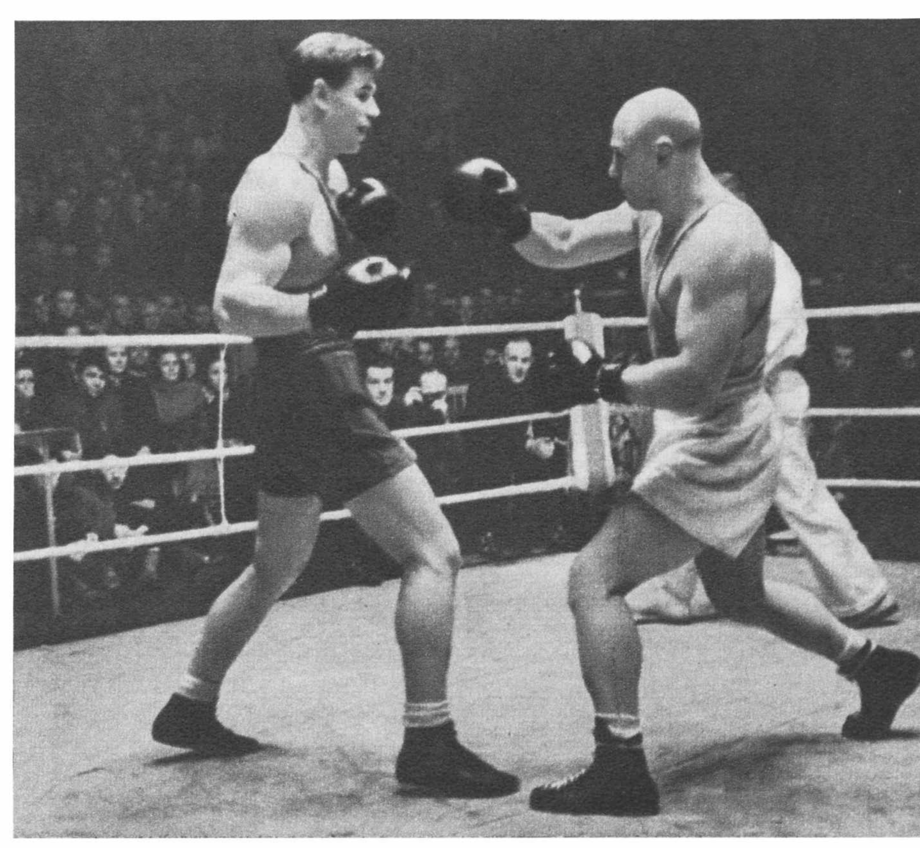
Бой начался стремительно. Королев ошеломил Шоцикаса: он шел в одну атаку за другой, стремился к нокауту. Четыре раза в первом раунде Альгердас падал на пол, но каждый раз поднимался и снова встречал мощные удары Королева... Сдаться? Ни в коем случае! Во втором раунде казалось, что Шоцикасу не удастся оправиться. Сильным ударом он снова был сбит на пол. Снова нокдаун. Теперь все решала воля. Шоцикас поднялся и опять стал отражать атаки. Воли хватило до конца; третий раунд прошел более ровно, Шоцикас чаще переходил в контратаки, Королев заметно устал.

Победа, конечно, была присуждена Королеву, но и Шоцикас был удовлетворен боем... Как это говорил Михайлов? «Не каждой победой можно гордиться, не каждое поражение должно огорчать». Выдержать такую схватку — это ведь почти начало победы! И теперь, кажется, он знает Королева. Но — «тренировка, тренировка!» Тренироваться Шоцикасу помогал постоянный друг Мисюнас, хорошо помогли и московские тренеры. Виктор Иванович Огуренков говорил:

— У тебя, Альгердас, воли на двух человек хватит. Боксер ты пока еще стихийный. Где твоя оценка силы противника, где анализ в бою? На одних вспышках работаешь.

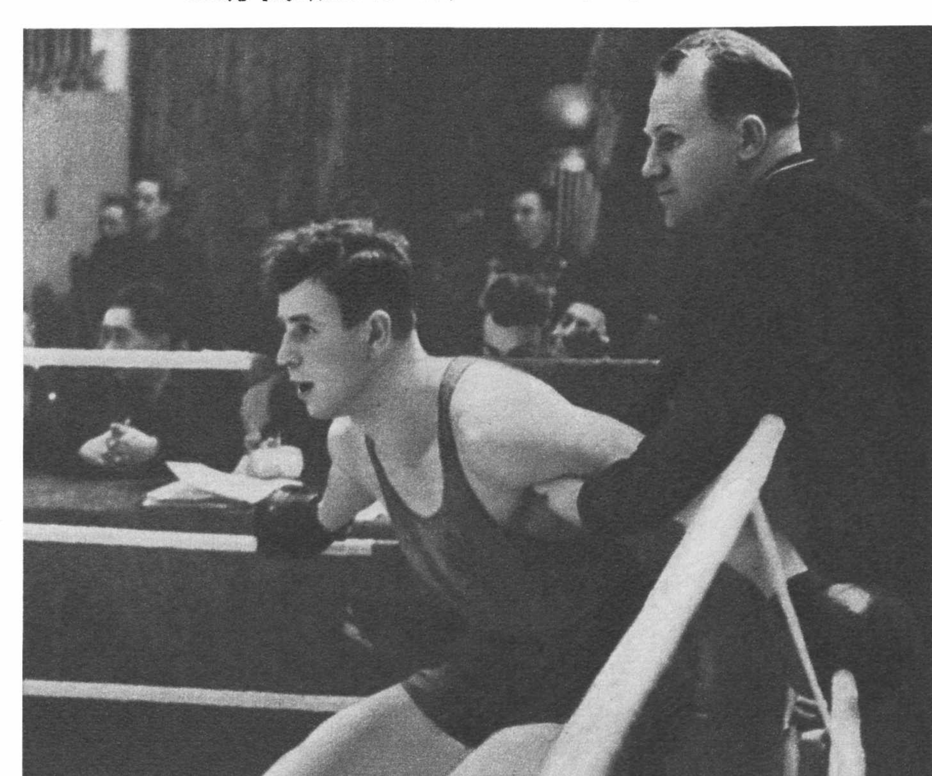
Тренировка продолжалась неутомимо.

В 1948 году в Тбилиси на соревнованиях по всесоюзному первен-

Бой А. Шоцикаса с Н. Королевым.

Между раундами. А. Шоцикас и его тренер...

ству Шоцикас вышел на ринг с гораздо большим опытом. Он взял реванш и у Перова и у Юрченко. Николая Юрченко он победил во втором раунде... Снова полуфинал. И опять против него стоит Королев.

— Ну, теперь-то, кажется, я знаю Королева. Надо вести бой на победу.

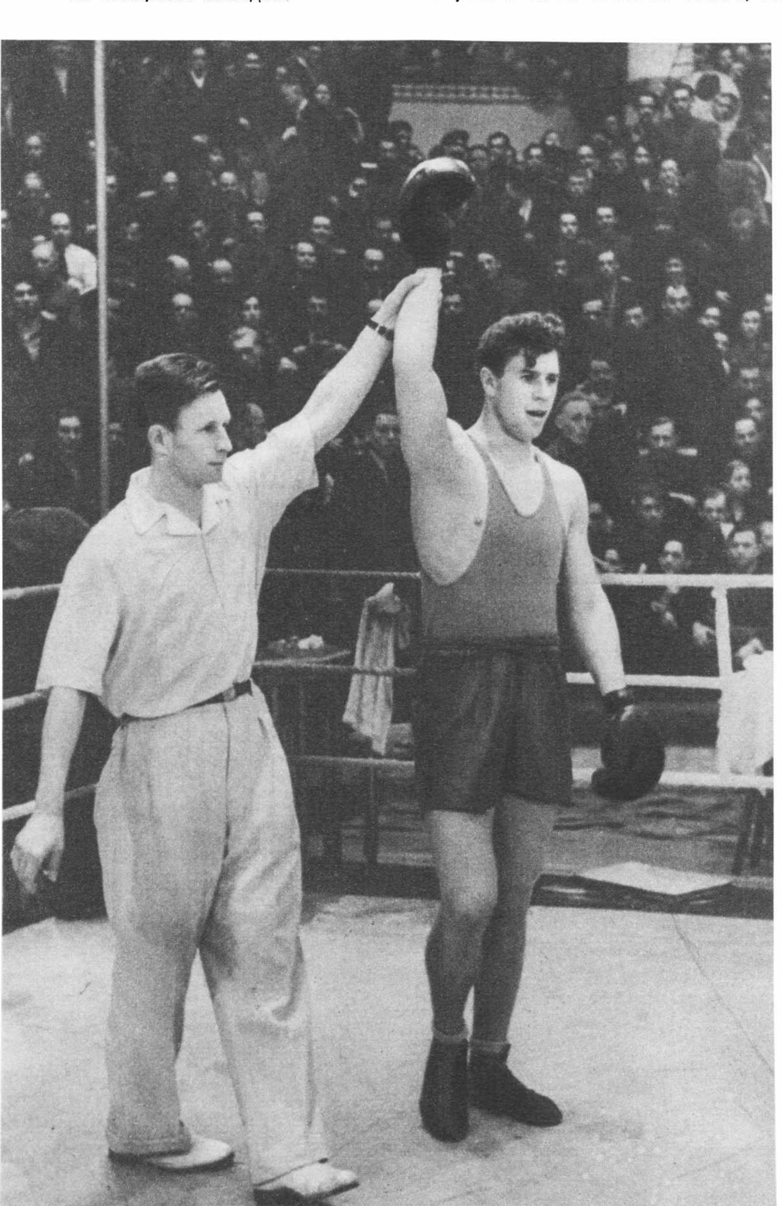
Оказалось, что он плохо знал Королева. Умный и тонкий тактик, Королев снова ошеломил молодого боксера, и бой был прекращен в первом же раунде ввиду явного преимущества более опытного бойца.

— А ведь, пожалуй, не удастся тебе победить его. Нет у Королева достойного соперника!

— Правильно, нет. Но будет, — мысленно возразил самому себе Шоцикас.

Глубоко заблуждаются те, к счастью, теперь уже немногочисленные люди, которые считают бокс «пережитком варварства». Бокс не драка. Бокс способствует накоплению здоровья и силы, дает спортсмену гармоничное развитие, воспитывает мужество, хладнокровие. Пожалуй, ни один вид спорта так не воспитывает волю спортсмена, как бокс.

После длительной подготовки, в которой девизом стало «Главное — тактика», Шоцикас снова встретился на ринге с Королевым. Это было в Каунасе. Оба вышли на ринг без поражений. И... бой между ними оказался равным. Судьи, посовещавшись, не присудили победу ни одному, ни другому. Звание чемпиона страны в тяжелом весе осталось «вакантным». Решили повторить встречу в Москве.

А. Шоцикас победил.

И вот Москва.

— За всю мою спортивную жизнь,— говорит Николай Королев,— у меня не было еще боя столь сложного, столь драматического, чем этот бой с Шоцикасом.

Да, у Королева впервые за много лет появился грозный противник. Мощная атака быстро захлебнулась: Шоцикас перешел в контратаку, и Королев от сильного удара свалился на пол. Счет: «Один, два, три...» Королев поднимается на ноги, но теперь стремительно атакует молодой боксер. Это похоже на шквал. Шоцикас наносит сильные удары, расточительно расходует всю накопившуюся в тренировках силу. Но это ошибка. Не зря «непробиваемость» Королева вошла в поговорку. Впереди ведь еще два раунда. Слишком неэкономно ведет себя Альгердас... Гонг!

Теперь Королев оправился. Он осторожно уклоняется от бурных атак Шоцикаса, ждет своего момента... Второй раунд проходит с переменным успехом, а в третьем раунде жестким и сильным ударом уже Королев отправляет на пол противника. Мало в мире нашлось бы боксеров, которые сумели бы до счета «десять» оправиться от такого удара. Мобилизуется вся воля. Шоцикас встает и продолжает бой. Запас воли большой, но слишком уж высокий темп был развит в первых двух раундах, слишком много было израсходовано в них энергии... И выигрывает Королев.

— Это хорошо, что тебе попался такой сильный противник,— говорил Альгердасу на следующий день его тренер Виктор Огуренков.— С более слабыми ты бы не вобрал в себя столько опыта, не накопил бы так много выдержки. Когда ты в следующий раз победишь Королева, будешь намного сильнее и техничнее, чем сейчас... В тренировке надо еще усилить продолжительные темповые нагрузки.

Альгердас тренировался в коллективе лучших советских боксеров. Это хорошая семья. Несведущему человеку могло бы показаться странным: идет «вольный бой», он порою изнурителен. Партнеры наносят друг другу сильные удары, выискивая плохо защищенное место. Бурные атаки. Кажется, встретились непримиримые враги. Гонг. Бой окончен. И «непримиримые враги», обнявшись, весело смеются, вспомнив какой-то вчерашний курьезный случай. Через несколько минут деловито обмениваются наблюдениями по поводу только что закончившегося боя. А потом:

— Витя, идем на охоту.

— Так у меня же патроны кончились.

Тогда первый заговорщически наклоняется к уху товарища:

— Попроси у Алика. У него, правда, немного, но ты же знаешь: он отказывать не умеет.

— Идея!

И, изобразив на лицах почти младенческую невинность, оба идут к товарищу.

Альгердас, или, как его нежно назвали друзья, Алик, быстро стал любимцем в боксерском содружестве. Друзья даже поругивали его иногда за излишнюю деликатность:

— Нет, Алик, так не годится. Ну, что это, в самом деле: я сегодня поскользнулся, а ты уже сразу и поднимать бросаешься. Упал на канаты, а ты в стойку отходишь... Ведь это же бой! Бить меня надо было, а не миндальничать: не скользи, дескать, не вовремя, а упал на канаты, так получай... Небось, на международной встрече противник меня поднимать не бросится, а я должен и из такого положения найти выход.

А Виктор Иванович Огуренков говорил ему:

— Твоя высокая спортивная честность — отличное качество. Товарища береги. Но не забывай, что на встречах с буржуазными спортсменами в ответ на деликатность наверняка встретишь подвох. Там мерки другие, а ты и там должен выходить победителем.

Тренировки продолжались успешно. В 1950 году чемпионат проходил в Свердловске. Королев не приехал на соревнования. Шоцикас убедительно выиграл все встречи и впервые надел майку чемпиона Советского Союза.

А в 1951 году в Москве встретились четыре сильнейших тяжеловеса страны—Навасардов, Линнамяги, Королев и молодой чемпион Шоцикас.

— Ну, Альгердас, теперь тебя можно благословить, — говорили друзья.— Теперь ты, кажется, готов к победе над Королевым.

И вот позади уже победы над Навасардовым и Линнамяги. Впереди решающий бой с Королевым.

Королев снова начал стремительными атаками. Но Шоцикас стал опытнее. Он искусно уходит и отвечает более легкими ударами. Кто-то сказал, что тяжеловесу Шоцикасу в быстроте может позавидовать легковес. Шоцикас теперь умело пользуется этим преимуществом. Подвижность ног, быстрая смена дистанций, запутывание противника дают Шоцикасу некоторый перевес уже во втором раунде. Он часто обыгрывает Королева. Точные удары достигают своей цели. Королев основательно готовился к этой встрече, но ему просто некогда применить свое главное преимущество — знаменитые «королевские» удары. В третьем раунде Шоцикас становится еще настойчивее, еще активнее... Гонг! Судья на ринге поднимает вверх руку Шоцикаса.

Это была первая его победа над Королевым.

Шестой бой Шоцикас — Королев состоялся вскоре после этого, во время нового розыгрыша первенства страны. И победа вновь осталась за молодым боксером.

В том же году советские боксеры выезжали на соревнования в Швецию. Победы были предметными и убедительными. У Альгердаса Шоцикаса состоялись три встречи. В первых двух Шоцикас просто нокаутировал своих противников. Третья встреча произошла с широко известным в спортивном мире боксером, чемпионом Швеции Иохансоном. Тактика шведского чемпиона была, по меньшей мере, странной: очевидно, он сделал своеобразный вывод из предыдущих двух боев Шоцикаса. Все три раунда он не хотел принимать боя, быстро бегая по рингу. Шоцикас сначала был несколько озадачен, потом стал гоняться за противником. Положение становилось явно курьезным, зрители неистово шумели, осуждая своего соотечественника. В третьем раунде Шоцикас послал его в нокдаун, после которого Иохансону не удалось возобновить свою резвость. Гонг спас шведского чемпиона от нокаута.

Казалось бы, чемпиону Советского Союза Альгердасу Шоцикасу можно было успокоиться на достигнутом. Теперь он, бесспорно, самый сильный боксер страны. Но самоуспокоенность и спорт — понятия, исключающие друг друга. Это было доказано на последних Олимпийских играх, когда Шоцикас — пусть случайно — получил поражение от противника гораздо менее сильного, чем Николай Королев. Исключить самое понятие случайности — вот цель, которую тренеры поставили перед Шоцикасом. Техника боя должна быть доведена до виртуозности. Каждое самое маленькое преимущество необходимо развить до предела.

Кроме того Николай Королев, несмотря на то, что он после двух поражений от Шоцикаса проиграл ему в апреле нынешнего года еще один бой, совсем не намерен считать спортивный спор законченным. Последнее слово не сказано. Они еще встретятся на ринге.

* * *

Среди сильнейших боксеров страны, выехавших в Варшаву на первенство Европы по боксу, можно было увидеть и Шоцикаса. Он оказался победителем во всех встречах, и в зале «Гвардия» ему была вручена золотая медаль чемпиона Европы.

П. АНТОНОВ

Фото А. Бочинина.

В залах
УЗБЕКСКОГО МУЗЕЯ ИСКУССТВ

В. И. Суриков. СТРЕЛЬЧИХА. Этюд к картине «Утро стрелецкой казни».

Узкий сноп света, падая сверху, вырывает из тьмы каменного колодца тюрьмы три центральные фигуры картины: распластанное на земле тело умершего узника, склонившегося над ним товарища и стоящего спиной к зрителю третьего заключенного. Остальные обитатели подземной тюрьмы-зиндана едва освещены. Но каждому, кто смотрит на картину, понятно, что и этого, еще полного сил человека, что стоит на переднем плане, и его товарищей, отупевших и безразличных ко всему, ожидает одна участь. Они обречены...

«Самаркандский зиндан» — полотно огромной обличительной силы — создан кистью «неумолимого и дерзкого реалиста», как говорил о Верещагине Стасов в 1883 году. Эта картина и небольшое по размерам, не уступающее ей по выразительности и силе полотно «Опиумоеды», написанное Верещагиным в Ташкенте в 1869 году, воплощают непосредственные впечатления художника от пребывания в Туркестане. Всей силой своего мастерства Верещагин разоблачает в этих полотнах чудовищную тиранию феодальных властителей, с явным сочувствием показывая судьбу простых людей. Недовольных ждала подземная тюрьма-зиндан, а тем, кого уже сломили нужда и горе, оставалось искать забвения в опиуме.

Первоначальный набросок «Зиндана» Верещагин делал с натуры, спустившись на веревке через единственное отверстие в стене, вернее, потолке этого страшного места заключения. «Когда я спустился в эту мрачную тюрьму, мне едва не сделалось дурно от зловонного гнилого воздуха и я с трудом мог сделать свой набросок. И тут-то узники оставались больше десяти лет подряд!» — писал впоследствии художник.

«Самаркандский зиндан» и «Опиумоеды» — картины, до сих пор мало известные широкому советскому зрителю. Первая из них до революции находилась в Третьяковской галерее, а затем была передана в Самарканд. В Государственный музей искусств в Ташкенте она поступила недавно и в плохом состоянии. Сейчас полотно реставрируется и вновь будет выставлено. Мало известны и «Опиумоеды»: эта картина попала сразу же в частную коллекцию. После национализации княжеского дворца в Ташкенте она была передана в музей и с тех пор не покидает его стен.

За годы советской власти фонды картинной галереи Узбекской ССР выросли во много раз. Из Эрмитажа, Музея изобразительных искусств имени Пушкина, Государственного Русского музея и других сокровищниц живописи ташкентский музей получил произведения замечательных мастеров, показывающие формирование и развитие русской живописи, начиная с XVIII века и до наших дней. В экспозиции имеются работы Тропинина, Рокотова, Кипренского, С. Щукина, известная картина А. Орловского «Казак, отбивающийся от тигра топором», написанная в 1811 году (ранее она находилась в Русском музее).

Творчество К. Брюллова представлено «Турчанкой» и «Головой натурщицы». Из работ К. Маковского здесь находится его «Проповедник». С большой выразительностью изображен художником опытный и красноречивый оратор-ксендз, несмотря на кажущуюся увлеченность, трезво и холодно наблюдающий за своими слушателями.

Три зала в музее отведены работам передвижников. Здесь посетители остаются долго, рассматривая замечательные полотна Н. Ярошенко: «Выгнали», «Студент перед экзаменом», трогательную картину В. Перова «Дедушка и внучек», «Приезд учительницы» К. Трутовского, картину С. Иванова «Забастовка». 1903 год. Здесь же находится и «Стрельчиха» В. Сурикова — этюд к картине «Утро стрелецкой казни». Выдающийся русский пейзажист И. Шишкин представлен полотном «Мельница в лесу» и несколькими этюдами. Привлекает внимание портретная живопись Н. Крамского: «Портрет архитектора Федюшкина», «Портрет Корниловой», «Портрет дочери», а также портрет неизвестного офицера.

Раздел современной живописи свидетельствует о растущем мастерстве художников Узбекистана. Станковая живопись начала развиваться в республике только после Октября, но имена многих мастеров давно и широко известны в нашей стране. Среди картин узбекских художников портреты знатных людей республики кисти заслуженного деятеля искусств УзССР А. Абдуллаева, пейзажи народного художника республики У. Тансыкбаева, батальное полотно народного художника Узбекистана В. Кайдалова «На Сахалянском направлении», пронизанная солнцем картина народного художника В. Уфимцева «На Хирмане», полотно народного художника республики Л. Абдуллаева «Освоители пустынь».

В восемнадцати залах музея, кроме картин, размещена богатая коллекция фарфора, произведения китайских мастеров, художественная мебель, образцы прикладного искусства народов Узбекистана.

Государственный музей искусств в Ташкенте — самое крупное собрание произведений искусства в Средней Азии.

Н. ПУШКАРСКАЯ

Н. Г. Ярошенко. ВЫГНАЛИ.

В. Г. Перов. ДЕДУШКА И ВНУЧЕК.

Г. БОРОВИК

Резким движением Джулиан надорвал конверт. На белом листке, упавшем на стол, всего лишь несколько слов: «Низкое литературное качество рукописи не позволяет нам принять ее к изданию».

— Тот же ответ, что и шесть предыдущих! — Он отбросил в сторону сломанный пополам карандаш.

Вот они лежат пачкой в ящике стола — шесть убедительных доказательств того, что́ стоит «свобода печати» в его стране. Семь поражений. Ну, что ж, он был солдатом, ему не привыкать! Надо идти в восьмую атаку.

Друзья советовали обратиться в прогрессивное издательство «Лоуренс и Вишарт». Джулиан быстро набросал черновик письма: «Уважаемые господа Лоуренс и Вишарт! Вместе с этим письмом посылаю вам рукопись для издания. Считаю своим долгом рассказать простым людям Англии о том, что я видел и пережил в те несколько месяцев, о которых идет речь в моей книге...»

* * *

В армию Джулиана взяли летом 1949 года, сразу же после окончания школы. В том, что восемнадцатилетнему парню пришлось надеть военную форму вместо того, чтобы стать студентом, не было ничего неожиданного или удивительного. Обыкновенная конскрипция — воинская повинность. «Надо же кому-нибудь защищать Британскую империю», — любил говорить Брайен Танстолл. А отец знает, что говорит. Недаром всю войну он прослужил военным обозревателем Би-би-си, а потом стал читать лекции по истории международных отношений в Лондонской экономической школе, откуда каждый вечер возвращается в Гринвич, в старинный двухэтажный особняк, принадлежащий Танстоллам. С небольшим чемоданчиком в руках Джулиан покинул этот знакомый до самых тайных закоулков дом, чтобы верой и правдой служить Британской империи.

...В один из теплых февральских дней 1950 года среднего тоннажа военное судно вошло в порт Гонконга. Вместе с другими солдатами на берег сошел и Джулиан Танстолл. Его встретили улицы громадного города с великолепными зданиями торговых фирм, богатыми отелями и ресторанами, красивыми гранитными набережными.

У Джулиана здесь не было знакомых. Но через два или три дня после приезда он неожиданно встретил на улице китайца по имени Ли, с которым подружился года четыре назад в Англии. Ли, говоривший тогда по-английски со смешным акцентом, был лишь на несколько лет старше Джулиана, но уже успел к концу войны быть дважды раненным в боях с японцами за Гонконг. Английское командование наградило его двумя медалями, и Джулиан помнил, как гордо посматривал на них Ли, рассказывая, как он вернется в Гонконг, будет учиться в колледже, поступит на работу.

— Ну, как твои занятия? — спросил Джулиан после того, как друзья крепко пожали друг другу руки.

— Какие занятия? — удивился Ли. — Ах, ты вон про что... — Он невесело усмехнулся. — Ну, нет, учиться — это не для нас, не для китайцев Гонконга. Не сегодня-завтра меня и с работы-то выгонят.

— Выгонят? Ты же воевал, у тебя есть медали!..

— Медали... Э, Джулиан! Тогда такие, как я, были нужны. А теперь наши медали — безработица и голод. Китайцы получают на заводе меньше, чем английские рабочие. Мы пробовали протестовать, ну и... Теперь, может быть, у меня будет время для занятий.

Прощаясь с Ли, Джулиан условился встретиться еще раз и поговорить подробнее. Но встреча не состоялась. Через несколько дней солдат отправили в лагерь.

Потянулись дни обычной лагерной жизни. От военного лагеря где-нибудь в Англии этот отличался лишь красноватой землей под ногами, причудливыми деревьями вокруг казарм да более частыми рисовыми блюдами на обед. Впрочем, нет, были и некоторые другие отличия: в деревнях вокруг лагеря жили китайцы-крестьяне. Шагая в строю с карабином на плече, Джулиан видел их согнутые спины на узеньких полосках земли, широкополые, остроконечные шляпы. Он видел их в любое время дня — на рассвете и в сумерки, под солнцем и в проливной дождь. Казалось, что эти люди не уходят со своих полей, а вот так, согнувшись, работают днем и ночью, выращивая жалкий урожай риса и бобов.

То, что говорил Ли, и то, что видел Джулиан сам, вовсе не было похоже на то, что рассказывали о Британской империи в школе...

* * *

Весть о войне в Корее пришла неожиданно. «На тридцать восьмой параллели — огонь», — объявил диктор между двумя фокстротами. Три газеты — «Чайна мейл», «Саус чайна морнинг пост» и «Гонконг стандард» — сообщили американскую точку зрения на события. В Гонконге не было других газет.

— Ну, мальчики, — сказал вечером сосед Джулиана по койке, — пожили в казармах — хватит. Теперь будем жить в окопах. Читали, американцы пишут: «Свободный мир не допустит усиления коммунистов»?

— А при чем здесь мы? Лично ко мне, например, эта война никакого отношения не имеет, — ответил солдат, лежавший слева. — У меня в Корее особенно крупных финансовых вложений нет.

Кругом одобрительно засмеялись.

Однако через месяц Джулиан узнал, что лейбористское правительство рассудило иначе: снова погрузка на пароход, несколько дней зигзагообразного пути с потушенными огнями — и в конце августа англичан выгрузили в Пусане.

Не верилось, что в этот солнечный, безветренный день, когда даже обычно неспокойное море, казалось, уснуло и только у берега чуть шевелилось, набегая на песок мягкими волнами, где-то рядом была война, гремели орудия, лилась кровь...

Но война шла. Улицы Пусана были полны американских солдат и офицеров, куда-то спешащих, проходящих строем или слоняющихся группами, не зная, чем бы заняться. Англичан они встречали с подчеркнутой приветливостью и тут же развертывали бойкую торговлю консервами и сигаретами.

Вскоре два английских батальона были посланы на север, на передовые позиции. В первом же бою Джулиан познакомился с действием знаменитого напалма. Англичане атаковали небольшой холм, расположенный на берегу реки. Два американских самолета, посланные им на помощь, сбросили свой бомбовый груз... прямо на позиции союзников. 150 человек убитыми принес этот первый бой.

Шло наступление. Вместе с солдатами Джулиан входил в сожженные деревни, где, казалось, не оставалось ни одного живого существа. Среди обломков рыскали полицейские Ли Сын Мана, выискивая раненых и спрятавшихся. Каждого заподозренного в сочувствии Народно-освободительной армии они куда-то уводили. А ночью с окраин доносились выстрелы и крики.

За несколько месяцев Джулиан познакомился со многими корейцами, беседовал с

Джулиан Танстолл беседует со студентами Ленинградского педагогического института имени Герцена.
Фото А. Михайлова.

крестьянами, лисынмановскими солдатами, переводчиками, которые обслуживали англичан. «Зачем вы пришли к нам? — спрашивал Джулиана старик-кореец, у которого ему однажды пришлось заночевать. — Разве корейцы звали вас или просили о чем-нибудь? Нехороший путь у вас...»

Джулиан видел, что многие лисынмановские солдаты воюют без всякого энтузиазма, считая эту войну глубоко неправой. И только боязнь за судьбу семьи удерживала их от перехода на сторону северокорейской армии. Многие корейские переводчики служили у англичан лишь для того, чтобы хорошо изучить английский язык и потом уйти к партизанам.

«За что же мы воюем, кого освобождаем?»—встал перед Джулианом вопрос, требовавший решения.

С каждым днем росло и крепло убеждение, что он участвует в преступлении, которое совершается не против отдельного человека или группы людей, а против целого народа.

Джулиан не хотел быть преступником. Первая мысль, пришедшая в голову, была сдаться в плен. Но он отбросил ее. Действовать надо не так. Нет, он останется здесь, чтобы запомнить все виденное и потом у себя в Англии рассказать правду о Корее. Он расскажет о трагедии, постигшей корейскую землю, о залитых кровью посевах. Он напишет — да, напишет, потому что это будет книга — о сожженных городах и селах, о трупах детей и женщин, которых он видел на военных дорогах, о напалмовых бомбах и об окровавленных стенах корейского госпиталя, только что подвергшегося авиационному налету. Он не забудет рассказать, как гибли его товарищи, английские парни. Он вспомнит и о том, как шли по дорогам оставшиеся в живых друзья, еле держась на ногах от бессонных ночей и беспрерывных боев, а мимо, обдавая их грязью, проносились американские машины, уходившие от ударов наступающих северокорейских войск. Он все запомнит и ничего не утаит.

Свое решение Джулиану надо было скрывать: вести дневник солдатам запрещалось. Но Джулиан поклялся, что исполнит задуманное, несмотря ни на какие препятствия.

Наступил новый год. Новые и новые силы, прибывающие из-за океана, не могли решить исхода войны. Слова, которые Джулиан услышал в лагере на Гонконге: «Мне не за что воевать в Корее», — все чаще и чаще произносились вслух его товарищами. Каждый лелеял лишь одну надежду — выбраться отсюда живым.

Наконец в мае основательно поредевшую английскую бригаду отправили в Гонконг. А через три месяца Джулиан сменил ненавистную военную форму на штатский костюм.

* * *

Двухэтажный особняк в Гринвиче гостеприимно встретил двадцатилетнего Джулиана. Но хотя в руках его был все тот же, правда, до неузнаваемости исцарапанный чемоданчик, с которым он покидал этот дом два года назад, груз, привезенный Джулианом из армии, был гораздо значительнее и не уместился бы ни в каких чемоданах. Это был ценнейший груз знания жизни, благодаря которому Джулиан понял многое из того, чего до сих пор не понимает его отец, лектор по истории международных отношений...

Надо было учиться, и Джулиан поступил в Кэмбридж на экономический факультет. Но год, проведенный там, раскрыл перед ним лживость экономических теорий, доказывающих, что капитализм несет счастье людям. Он решил уйти с экономического факультета и перейти на антропологический. За несколько месяцев до этого он вступил в члены Студенческой лейбористской федерации — прогрессивной молодежной организации Англии, активно борющейся за мир.

Весь год Джулиан готовил материалы к своей книге. Дома с интересом следили за его «литературным творчеством», но в лучшем случае безразлично относились к содержанию книги, а отец открыто осуждал.

В сентябре Джулиан послал первое предложение в одно издательство. Через некоторое время был получен отказ. Он обратился в другое, третье, шестое — тот же результат. Один из издателей откровенно признался, что не желает «ставить под угрозу свою репутацию, издавая подобное сочинение».

И вот он пишет свое восьмое письмо...

Ответ пришел неожиданно быстро: «Считаем вашу книгу чрезвычайно важной и принимаем ее к изданию. С уважением

Лоуренс и Вишарт».

Это был один из самых радостных дней в жизни Джулиана.

* * *

...Апрельское солнце вливается в широкие окна. В одной из аудиторий Ленинградского педагогического института имени Герцена идет оживленная беседа между студентами института и приехавшими к ним гостями — членами делегации Студенческой лейбористской федерации Англии, приглашенной в СССР Антифашистским комитетом советской молодежи.

Шум, говор, смех. Всех шестерых членов делегации студенты растащили по разным углам комнаты. Беседа идет сразу со всеми: так можно задать больше вопросов, получить больше ответов.

— Гарантируют ли английским студентам работу после института?

— Нет, не гарантируют... А советским?

— У нас скорее работе надо гарантировать молодого специалиста, чем специалисту работу. Мест столько, что глаза разбегаются...

— Ду ю спик инглиш? Ой, то есть нет, — под общий смех поправляется студентка. — Я хотела спросить: ду ю спик рашиан?

— Нет, не говорю. У нас в Англии не преподают в школах или в институтах русский язык, хотя многие бы хотели изучить его...

— Какую стипендию получает советский студент?

— Сколько вы в Англии платите за общежитие?..

Вопросы и ответы сыплются с обеих сторон.

Одна из групп студентов собралась около высокого юноши в сером костюме. У него каштановые волосы, отливающие золотом под лучами не по-ленинградски яркого солнца. Он отвечает на вопросы негромко, иногда смущенно улыбаясь. Это Джулиан Танстолл.

— Что вам больше всего понравилось в Советском Союзе?

— Мне трудно ответить на этот вопрос — так много хорошего я видел здесь даже за эти несколько дней! А больше всего... больше всего мне понравился ваш народ — рабочие, студенты — все, с кем нам приходилось встречаться, их стремление к тому, чтобы на всей земле, в малых и больших странах, существовал мир. — После небольшой паузы Джулиан тихо добавляет: — Мне лично было особенно радостно в этом убедиться.

— Как английский народ борется за мир?

— В Англии движение за мир не развернулось еще так, как могло бы. Но мира желают все простые люди моей страны. Нам не хватает единства, но оно будет. Нам иногда не хватает решительности, но и это будет. В наш лагерь приходят люди разных слоев общества — рабочие, интеллигенция, даже буржуа. Приходят разными путями, иногда очень трудными и сложными. Здесь, в Советском Союзе, я убедился, каким мощным залогом мира может быть дружба между молодежью наших стран, между советским и английским народами. Эта дружба будет развиваться, а значит, будет укрепляться мир во всем мире!

Кто-то запевает песню. Ее подхватывают. Она растет, ширится. Гимн демократической молодежи поют уже десятки студентов, окружающих своего английского друга.

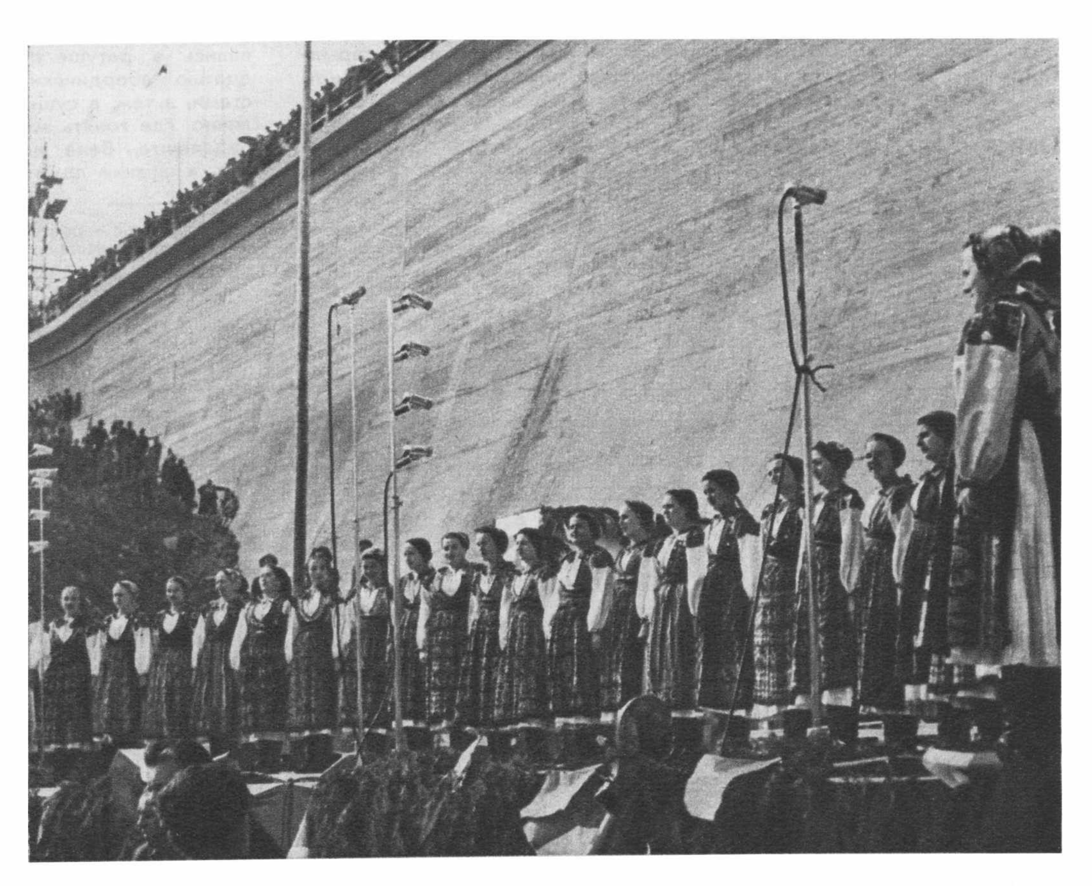
Песню дружбы запевает молодежь,
Молодежь, молодежь.
Эту песню не задушишь, не убьешь,
Не убьешь, не убьешь.
Нам, молодым,
Вторит песней той
Весь шар земной!..

Девушка, стоящая рядом с Джулианом, прикрепляет к лацкану его пиджака значок.

— В знак дружбы, — волнуясь, говорит она.

Джулиан крепко пожимает ей руку.

...Эту песню не задушишь, не убьешь!
Не убьешь! Не убьешь!

НОВЫЙ УСПЕХ ТРУДЯЩИХСЯ СЛОВАКИИ

2 мая строители Оравской гидроэлектростанции в Словакии отпраздновали крупное достижение в своей работе. В этот день была пущена в ход первая турбина. На снимке: Словацкий народный художественный коллектив выступает на празднике, посвященном пуску турбины.

Фото Чехопресс.

ГОРДЫЕ СЫНЫ ШОТЛАНДСКИХ ГОР

Ярослав ГАШЕК

Исполнилось 70 лет со дня рождения классика чешской сатиры и юмора Ярослава Гашека (1883—1923), автора широко известных «Похождений бравого солдата Швейка». Эта книга хорошо знакома советскому читателю. Особой популярностью в Чехословакии пользовался герой книги в годы войны с германским фашизмом. Острое словцо Швейка ободряло чешский народ в трудную минуту. Швейковская фраза: «Встретимся в шесть часов вечера после войны» — стала своего рода девизом, выражающим уверенность народа: придет день, когда наступит конец гитлеровской «третьей империи».

Литературное наследие Гашека не исчерпывается «Швейком». В многочисленных своих рассказах Гашек издевается над ненавистной ему австро-венгерской монархией, душившей самобытность чешского народа, лишавшей его элементарных политических прав. Гашек бичует духовные основы буржуазного общества, его лживость, жестокость, лицемерие. Он словно предвидел «расширенное воспроизводство» всех мерзостей австро-венгерской монархии в пору реакционных и фашистских режимов позднейших лет.

Гашек известен также как острый публицист, беспощадно разоблачавший чешскую буржуазию, чиновную обывательщину, низкопоклонство, против которого направлен и фельетон «Гордые сыны шотландских гор», впервые публикуемый на русском языке.

Согласитесь, что сердце начинает чаще биться от радости, когда читаешь в газете такие строки: «Наш маленький народ пережил в эти дни волнующие минуты ожидания и особой гордости».

Дальше говорится о том, что славянский народный гений избавил в конце концов нас, чехов, от страданий, говорится о гуситах и эпохе Коменского [1], о культурном расцвете Чехии... Поистине вдохновенные слова!

И все это по поводу выступления у нас заезжих шотландских футболистов!

«...Память о прошлом вселяла в нас силу, волю и гордость, и через два столетия наш добрый народ пробудился к новой, лучшей жизни...»

Вот потому-то в пражской ратуше и чествуют команду профессиональных гастролеров от спорта.

«Правда, ради которой лучшие сыновья нашего народа не жалели ни крови своей, ни своего добра, дала прекраснейшие плоды...»

Таково высокопарное пустословие, которым газеты захлебываются лишь только потому, что, видите ли, после Добровского, Шафаржика, Юнгмана и других славных «будителей» чешского народа ныне появилось новое светило — наша футбольная команда «Славия» и забила три гола наемным футболистам из Абердина [2]. Абердиновцы же забили только два гола «потомкам народа, столетиями томившегося под ярмом жестоких узурпаторов».

Сейчас, в наши дни, на глазах у нас происходит открытая германизация железных дорог в чисто чешских областях страны. Стоит вам заехать за Турнов, и вы по-чешски даже билета не допроситесь на станции; в пограничных районах творятся безобразия с чешскими школами. Но вот в Прагу приезжает команда «Абердин», терпит пустяковое поражение от «Славии», и некоторые болтуны сразу находят в этом бальзам для ран, нанесенных чешской культуре!

Пражский муниципалитет усердствует: он кормит и поит английских гастролеров-футболистов, катает их в экипажах, устраивает в их честь банкеты. Готово дело, испечено чешско-английское сближение!

Ну, а что будет, когда к нам приедет шпагоглотатель с острова Кубы? Чешско-кубинское сотрудничество? Шпагоглотателя тоже повезут в ратушу, подарят ему альбом видов Праги, устроят в его честь банкет, вице-бургомистр столицы повезет его в своем экипаже на Градчаны [3], и шпагоглотатель будет чувствовать себя, как дома. Никто его не спросит: «А что вы, собственно, собой представляете?» Нам вполне хватит того, что он с Кубы и ловко глотает шпаги.

А наши газеты, разумеется, будут писать о борьбе кубинцев за независимость и вспоминать поучительные аналогии из нашей истории.

Итак, абердинским фокусникам мы показывали исторические памятники в ратуше. А на другой день наши газеты подозрительно заговорили о том, что, мол, в абердинской команде есть и интеллигентные люди: трое из них когда-то учились в университете.

Наши «отцы города» расшаркивались в ратуше перед одиннадцатью абердинскими футболистами, а тем, в сущности, безразлично, где гонять мяч, — в Праге, Будапеште, Вене или Брюсселе. Как и всякие другие спортивные наемники, они являются служащими пославшего их в это турне правления акционерного общества «Абердин», где директорствуют Уильям Джефри, Джеймс Филипс и зубной врач Джозеф Мильни. Эти мистеры получают стотысячные годовые доходы и хорошо платят своим наемным футболистам, вроде как какой-нибудь граф, содержащий жокеев, которые выигрывают ему призы.

А мы, вырядившись во фраки, официально низкопоклонствуем в ратуше перед этими служащими акционерного общества «Абердин» и расточаем им льстивые речи. Вице-бургомистр болтает что-то о «гордых сынах шотландских гор», а «гордые сыны», которые не умеют ничего другого, кроме как лихо бить по мячу ногами или головой и «подковывать» противника, никак не могут понять, с какой стати им показывают какие-то картины, рассказывают об осуждении Гуса, о казни чешских дворян, о чешском национальном возрождении...

Услышав несколько раз имя Гавличка [4], они интересуются «What goals», то есть: «А сколько голов он забил в своей жизни?» Потом задают еще вопросы:

— Когда Гавличек в последний раз играл в «Славии»?

— А умел он с ходу взять мяч?

Им говорят о Гусе, том самом Гусе, который следовал учению шотландского реформатора Виклефа, но и это для них пустой звук. Их катают в лодках по Влтаве и показывают им святоянский фейерверк.

— Это в честь Яна из Непомук.

— What goals? (А сколько голов забил этот Ян?)

Гостей везут на вечер песен и исполняют для них чешский гимн и «Градецкие девушки». Они отвечают шотландской песенкой о «Красотке-маркитантке», которая по содержанию стоит примерно на уровне «Пошли девки на работу». Но гостеприимные хозяева не понимают содержания песни и приходят в восторг.

Одиннадцать футболистов из Абердина отбывают восвояси. Один матч они проиграли, другой выиграли. Подавали мяч головой, пасовали, забивали голы, били «пенальти»... Кроме жалованья и суточных, они везут в чемоданах медали, полученные в пражской ратуше. Голова у них идет кругом от всего виденного, и больше всего им досадно, что они так и не узнали, сколько же голов забил мистер Чарльз Гавличек и в какой он играл команде.

Мы же провожаем этих ремесленников прочувствованными строками:

«В прошлое ушли для нас годы безпротности и унижений. Ныне мы стремимся быть сильными, стоять плечом к плечу, чтобы никогда уже не повторился позор порабощения.

Возьмем же пример с гордых сынов шотландских гор, которые отдают все силы служению своей любимой родине!»

Да, отдают. За два фунта стерлингов в день.

— Мария Стюарт?.. What goals? (Сколько голов?)

Перевел с чешского
Юр. МОЛОЧКОВСКИЙ

Рисунок Л. Бродаты.

[1] Ян Амос Коменский — выдающийся чешский педагог и просветитель XVII века.

[2] Абердин — город в восточной Шотландии.

[3] Градчаны — район Пражского кремля и исторических памятников.

[4] Карел Гавличек — чешский поэт и прогрессивный общественный деятель прошлого века.

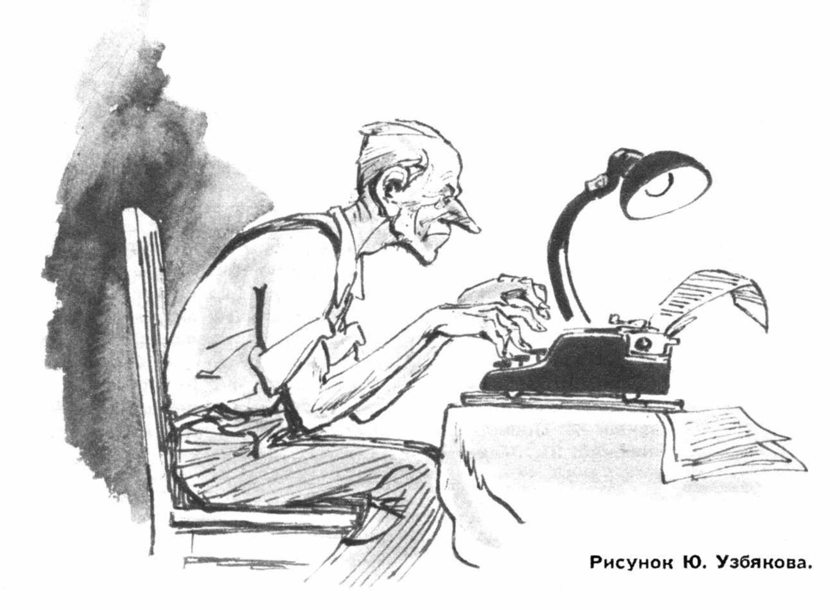

Рисунок Ю. Узбякова.

...ВАШ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ

Фельетон

Арк. ВАСИЛЬЕВ

Письмо и адрес на конверте, судя по шрифту, были напечатаны на портативной машинке. На восьми страницах розовой бумаги автор напихал столько гадостей, что Иван Семенович, читая, то и дело ворчал:

— Ну и подлец!

В первых строчках автор без всяких околичностей и намеков, прямо считал своим долгом поставить управляющего в известность о том, что всеми уважаемая старший инспектор Юлия Петровна Смирнова, еще будучи просто инспектором, систематически брала взятки. Слово «систематически» было написано вразбивку и подчеркнуто жирной чертой. Затем шла серия вопросов: на какие такие средства авантюристка Смирнова за последний год приобрела пианино и меховую шубку и заново отремонтировала квартиру. Автор письма, очевидно, знал досконально все подробности быта Юлии Петровны. Он не забыл даже упомянуть, по какой цене она покупала обои и сколько кусков и какого сорта было оставлено про запас на подклейку.

За экономической частью этого обозрения следовала морально-этическая. «Осведомленность» в этой области у автора была потрясающая. Он, повидимому, знал секрет превращения в невидимку и всюду сопровождал Юлию Петровну. И в этом случае дело не обошлось без цифр. По подсчетам автора, выходило, что «эта особа, которой так легкомысленно доверяют, за последний год девятнадцать раз посетила ресторан при гостинице «Север», шесть раз побывала в кафе «Восток» девять раз кутила у своей подруги, некоей Снигиревой, и неоднократно доставлялась домой в нетрезвом виде».

В заключительной части, обильно уснащенной знаками вопроса и восклицательными, говорилось: «Пора положить конец наивности и доверчивости! До каких пор наша общественность и вы, Иван Семенович, лично будете терпеть в нашей среде эту антиморальную единицу?» Вместо подписи заглавными буквами было напечатано: «Ваш доброжелатель».

Иван Семенович брезгливо поморщился, смял письмо и бросил его в проволочную корзинку, стоявшую в углу, у правой ножки письменного стола. Походив по кабинету, он нагнулся, достал письмо, расправил его, положил в папку и вышел, сообщив секретарю:

— Я в партком.

Проходя мимо комнаты, где сидели инспекторы, он услышал голос Смирновой. Юлия Петровна разговаривала громко, очевидно, с каким-то отдаленным районом:

— Нет, этот расход управляющий вам не утвердит. Почему? Очень просто: расход совершенно лишний. Можно обойтись и без него.

Иван Семенович замедлил шаги. Из инспекторской доносилось:

— Можете настаивать. Этого права вас никто не лишает. Но расход совершенно лишний.

Иван Семенович остановился. «А не много ли она на себя берет? — подумал он. — Уж очень тон безапелляционный. На меня ссылается. Интересно, с кем это она так разговаривает?» Неизвестно почему, управляющий неожиданно вспомнил строчки из анонимного письма: «...не случайно она одним разрешает большие непроизводительные расходы, а других зажимает в тиски, выжимает каждую копейку». А из инспекторской доносилось:

— Федор Иванович, вы напрасно обижаетесь на меня...

Управляющий пошел дальше. Возникшее было подозрение сняло как рукой. Он понял: Смирнова разговаривает с Федором Ивановичем Веселовым, большим любителем всяческих перерасходов.

Секретарь парткома, увидев управляющего, нисколько не удивился его появлению. Так уж повелось, что кто-нибудь из них в течение дня не раз звонил другому по телефону, а в особо важных случаях шел посоветоваться. Секретарь лишь вопросительно посмотрел на управляющего. Иван Семенович молча раскрыл папку и положил ее перед секретарем.

— Опять, значит?

— Как видишь.

— Третье?

— Нет, четвертое.

— Верно, четвертое. Обрати внимание: бумага разная, а машинка одна и та же. А какая бешеная фантазия! Ты посмотри, что он наплел про хорошую женщину. Она ведь у нас двенадцатый год работает... Как ему только не лень? За две недели четыре письма. В этом восемь страниц, и в тех почти сорок. Полное собрание сочинений.

— Трудолюбивый...

— Должно быть. Я вижу, оно у тебя уже в мусорной корзинке побывало. Зачем же снова вытащил? Там ему самое подходящее место.

* * *

Инспектор Редькин по паспорту числился Ксенофонтом Иудовичем, но среди своих немногочисленных знакомых он слыл как «Ванька-каин». Эту кличку он заслужил своей непомерной завистью. Высокий, худой, с длинным носом и восковыми оттопыренными ушами, Редькин напоминал большую хищную птицу. Он никогда не улыбался и весь исходил желчью. Завидовал всем. Завидовал каждому, кого видел в новых ботинках, или новой шляпе, или, не дай бог, в новом костюме. Когда кто-нибудь уходил в отпуск, он завидовал отпускнику. Возвратившемуся из отпуска он никак не мог простить загорелого лица, веселой улыбки. Рядом с домом, где он жил, выстроили новый, большой, благоустроенный дом. Почти две недели шумели у подъездов радостные, счастливые новоселы, снимая с грузовиков мебель. Эти две недели Редькин ходил с таким видом, как будто он только сейчас с кладбища после похорон горячо любимой супруги.

Он никогда не был доволен своей должностью. Происходило это оттого, что он считал себя пригодным для более значительных постов. Оставаясь наедине с женой, молчаливой, очень запуганной женщиной, Редькин часто осуждал действия управляющего:

— Везет ему! А все почему? Связи.

Особенно его раздражала ученая степень управляющего, которой, он это отлично знал, у него, Редькина, никогда не могло быть.

— Кандидат наук! Подумаешь, академик! Выучился на наши денежки...

Когда инспектора Смирнову утвердили старшим инспектором, Редькин воспринял это как личную обиду. В тот вечер Ксенофонт Иудович вылил супруге полную норму желчи:

— Выдвинули! А все почему? Связи. Но ничего. Я ее доконаю!

Наговорившись до хрипоты, Ксенофонт Иудович, не желая терять ни одной минуты без толку, тотчас же полетел в другой конец города, к сестре, за портативной пишущей машинкой. Несмотря на крайнюю скупость, обратно он в целях конспирации ехал на такси.

В среду, после того как Редькин отправил свое пятое анонимное послание, в обеденный перерыв к нему подошел калькулятор Бровкин и, доверительно подмигнув, вызвал в коридор:

— Ксенофонт Иудович, слышал?

— Нет, не слышал. А что?

Бровкин приподнялся на цыпочки и зашептал Редькину в самое ухо:

— Твоя Смирнова вчера такой номер отколола, кому ни скажу, все с ног валятся. У Рябинкина программа в два раза больше, чем у Короткова. Рябинкину двести тысяч накинула, а Короткову триста. А все очень просто. Коротков с пустыми руками не приезжает. Вчера беличий гарнитур приволок. Воротник, муфточка, шапочка и на подол две продольные полоски. А Иван Семенович не догадывается, как она его облапошивает. Понял?

* * *

В субботу в кабинете Ивана Семеновича, когда там сидели начальник планового отдела Боков, экономист Рыжов и калькулятор Бровкин, курьер тетя Дуся внесла и положила перед Иваном Семеновичем пакет, адрес на котором был напечатан знакомым убористым шрифтом портативной машинки. В левом верхнем углу заглавными буквами было напечатано: «Срочно». Управляющий вскрыл пакет и, прежде чем прочитать, посмотрел на подпись. На голубой бумаге отчетливо выделялись два слова: «Ваш доброжелатель».

Иван Семенович, не прочитав, бросил письмо в корзинку.

— Что это вы так неуважительно с корреспонденцией обращаетесь? — спросил Бровкин.

— Какая это корреспонденция. Анонимное...

— А там, случайно, про беличий гарнитур не упоминается?

...Через час Редькин стоял перед Иваном Семеновичем и горячо доказывал:

— Вы совершенно правы. При распределении дополнительных лимитов личным симпатиям места быть не должно.

— Значит, вы утверждаете, что Смирнова поступила неправильно?

— Утверждаю.

— Сейчас проверим.

Управляющий позвонил. В кабинет вошел бухгалтер Глебов.

— Товарищ Глебов, — сказал Иван Семенович,— посмотрите, пожалуйста, сколько дополнительного лимита выделено Короткову.

— Сто тысяч.

— А Рябинкину?

— Двести.

— Спасибо. Вы свободны. Впрочем, если хотите, можете остаться. Сейчас будет хотя и малоприятное, но все же небезинтересное зрелище. Будем разоблачать клеветника, мастера анонимных писем.

Управляющий взял голубой листок и поднес его к побледневшему носу Редькина.

— Это вы писали? «Доброжелатель»?

— Как вы смеете меня оскорблять!

Иван Семенович громыхнул на весь этаж:

— Смею! Какой вы доброжелатель! Вы злопыхатель. Вас Бровкин, как щуку на живца, словил. Это он специально для вас все выдумал. Про дополнительный лимит, про беличий гарнитур. И только вам все рассказал. Только вам одному. Больше никому. Верно, товарищ Бровкин?

— Верно. Хоть и противно было с ним беседовать, а пришлось, для пользы дела. С кем-нибудь другим я, конечно, так никогда бы не поступил. А вас, Редькин, я давно понял. Вы желчный завистник, и вы на любую сплетню, как муха на мед, налетаете. А тут я услышал, что кто-то на Юлию Петровну анонимные доносы сочиняет...

...Справку для члена коллегии защитников о своих якобы прошлых заслугах Ксенофонт Иудович писал на другой день от руки. Портативную машинку он за миновением надобности накануне отнес сестре.

РОЖДЕННОЕ ОГНЕМ

Какой бы отрасли знаний ни касался Михаил Васильевич Ломоносов, он подходил к ней широко, горячо и глубоко. Так было и с его исследованиями стекла. В знаменитой своей химической лаборатории на Васильевском острове в Петербурге он поставил с целью изучения свойств этого материала 2 184 опыта.

В стихотворном «Письме о пользе стекла» Ломоносов создает яркую картину распространенности стекла, показывает, насколько необходимо в житейском обиходе это рожденное огнем вещество. Автор как бы заглядывает в будущее стекла:

Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые стекло чтут ниже минералов
Приманчивым лучем блистающих в глаза:
Не меньше польза в нем, не меньше в нем краса.

Поэт-ученый замечает: «...на время ко стеклу весь труд свой приложу» — и семнадцать лет занимается им. Занимается не только в лаборатории, но и на любимой своей Усть-Рудицкой фабрике «делания изобретенных им разноцветных стекол, и из них бисеру, пронизок и стеклярусу и всяких других галантерейных вещей и уборов».

С этой фабрикой, заложенной в мае 1753 года, связаны многие работы и изобретения Ломоносова. В «Материалах для биографии Ломоносова» мы находим его рапорт канцелярии Академии наук. В кратком донесении Ломоносов просил предоставить ему отпуск, чтобы он мог лично выбрать место, где будут расположены строения фабрики. Такой отпуск ему предоставили, и он провел летние вакации в Усть-Рудицах. В этом же донесении содержится упоминание о том, что Ломоносову потребуется ряд инструментов, изобретенных им «для ускорения работ, а особенно станок для формовки стеклянных четырехгранных брусков к мозаике, и другие машины, которые нигде купить нельзя, за тем, что их нет, а инструментальные художники при Академии наук оные инструменты по моему указанию могут способно делать». Заказ приняли, станок и инструменты изготовили.

Созданный Ломоносовым станок предназначался для прессования расплавленного стекла. Ничего подобного не существовало тогда ни на одной стекольной фабрике мира. Можно без преувеличения сказать, что усть-рудицкое предприятие было оснащено лучше, более совершенными печами и инструментами, чем любое другое производство стекла, в том числе и в Италии, где мозаику выпускали с давних времен.

Самое интересное из работ фабрики — мозаичные картины. Среди них известный портрет Петра I, который хранится в Государственном Эрмитаже, и «Полтавская баталия» — в здании одного из управлений Академии наук СССР в Ленинграде. В 1829 году опытному мастеру итальянской мозаики Дольфини поручили восстановить кое-где поврежденную «Полтавскую баталию». Он решил, что легко подберет и изготовит стеклянную мозаику. Но задача оказалась ему не по плечу. Израсходовав много казенных денег, проведя ряд опытов, он так и не сумел создать стёкла, по цвету и качеству равные ломоносовским.

Фрагмент мозаики «Полтавская баталия».

М. В. Ломоносов был очень привязан к своей фабрике, где построил химическую лабораторию, и частенько туда наезжал. Любовь великого помора к своему детищу запечатлена в пейзаже, на фоне которого дан портрет ученого. Художник изобразил было на втором плане море с корабликами. Ломоносов отверг этот вымысел и потребовал, чтобы художник нарисовал Усть-Рудицы, с действующей печью, мельницей для шлифовки стекла, размола сырья, поленницу дров. Этот производственный пейзаж был роднее и ближе сердцу Ломоносова.

Георгий БЛОК

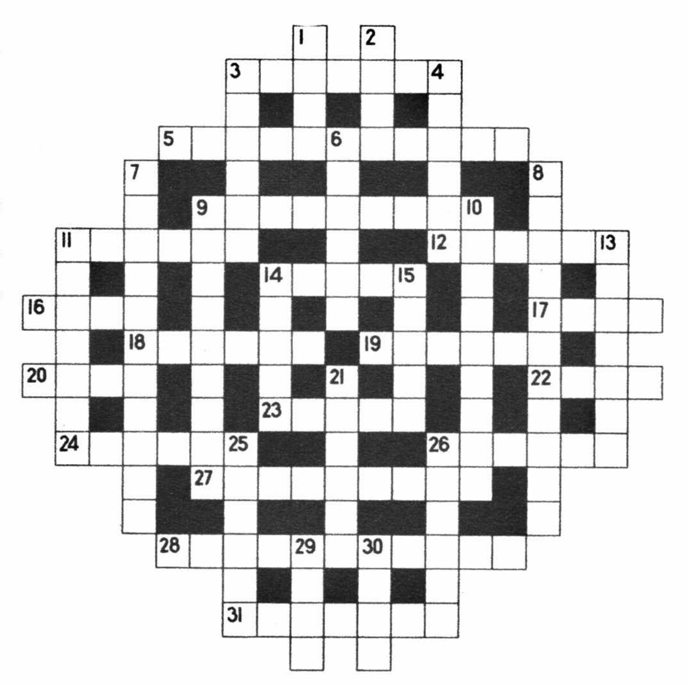
КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Тригонометрическая функция. 5. Результат восприятия. 9. Приток Дона. 11. Пролив, соединяющий Черное и Мраморное моря. 12. Русский шахматист. 14. Крупа. 16. Река в Италии. 17. Южное плодовое дерево. 18. Морское ластоногое животное. 19. Представитель народа Азии. 20. Курорт в Крыму. 22. Топливо. 23. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Полтава». 24. Жидкость, получаемая сухой перегонкой дерева. 26. Русский хирург. 27. Приспособление для усиления звука. 28. Прибор для записывания различных атмосферных явлений. 31. Залив моря Лаптевых.

По вертикали:

1. Пулеметчица в кинофильме «Чапаев». 2. Мелкий типографский шрифт. 3. Специалист, подготовляющий спортсменов. 4. Птица из отряда воробьиных. 6. Кремнеземистая горная порода. 7. Подбор предметов, товаров. 8. Теория и практика счетоводства и учета. 9. Прибор для записывания звука на кинопленке. 10. Род крокодилов. 11. Производственная группа. 13. Русский писатель. 14. Род картины. 15. Кожа из шкуры молодого теленка. 21. Летательный аппарат. 25. Планета. 26. Сукно. 29. Минеральная краска. 30. Наружная обшивка деревянных речных судов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

3. Ленинград. 6. Кронштадт. 8. Декабрист. 11. «Мирон». 14. Рисунок. 15. Захаров. 16. Музей. 17. «Аврора». 20. Прокат. 21. Форт. 22. Октябрь. 23. Дата. 27. Словарь. 28. Эрмитаж. 29. Слава. 33. Поколение. 34. Политипаж. 35. Невский. 36. Веранда.

По вертикали:

1. Нева. 2. Парк. 4. Гранит. 5. Остров. 7. Трибун. 8. Дворец. 9. Бульвар. 10. Волхов. 12. Павлов. 13. Застава. 18. Арка. 19. Клятва. 20. Порт. 21. Фальконе. 24. Авангард. 25. Броневик. 26. Пропилеи. 29. Стих. 30. Атом. 31. Росси. 32. Лиман.

ЗАДАЧА ОБ ОКРУЖНОСТИ

Окружность разделена на три части. Найдите ее длину, если сумма размеров первой дуги и последующей равна 53 метрам, второй и последующей — 65 метрам, третьей и последующей — 46 метрам.

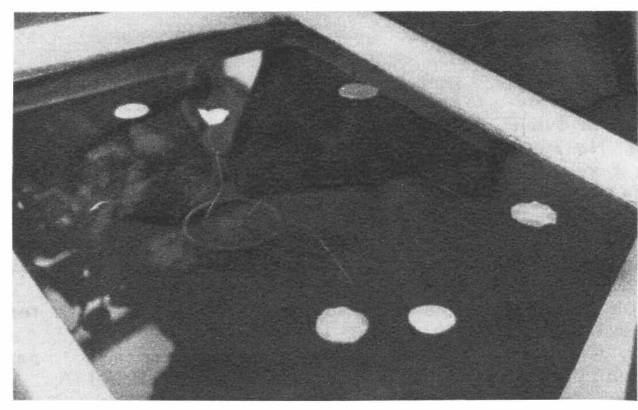
Б. ФЕДОРОВ

ИСКОПАЕМЫЙ ЛОТОС

За стеклянной кровлей оранжереи еще лежал пушистый снег. Здесь же, внутри низкого продолговатого помещения, было лето.

В горшках, ящиках и кадках привольно разрослись необычные для севера растения. Как под небом настоящих субтропиков, медленно покачивается длинноногий сахарный тростник. А в аквариуме, освещаемом дополнительно электрическими лампами, живет растение, тонкие и гибкие стебли которого всплыли на поверхность воды. В глубину аквариума погрузилось черное расщепившееся зерно с белыми усиками корешков. Невольно вспоминается обитатель наших озер — кувшинка...

И действительно, это растение принадлежит к семейству кувшинковых, к которому относится, кстати, и гордый цветок астраханских плавней — лотос. Это растение — тоже лотос, но не обыкновенный, а давно исчезнувший с лица земли.

Лотос.

Фото Л. Коровина.

Однажды, работая в одном из южных районов Маньчжурии, геологи заинтересовались выходами пород возле небольшой речки. На берегу, на толще наносов, росли старые деревья, а под ними лежал массивный слой древнего торфа. Рассматривая отпечатки листьев, стеблей, корней отмерших растений, ученые обнаружили коричневые твердые и гладкие зерна величиной с горошину. Однако эта находка не была их открытием. Еще раньше геологов о ней знали дети соседней китайской деревни, которые лакомились этими зернами.

Как показали исследования, эти удивительно хорошо сохранившиеся семена оказались плодами лотоса, росшего в Маньчжурии несколько тысяч лет назад. Но они отличались от семян всех современных видов лотоса и принадлежали к виду, который уже давно не существует в природе.

До этого наука палеоботаника знала в ископаемом состоянии лотос из Сибири и с Сахалина.

Японский ботаник Ога попробовал прорастить найденные зерна. Его попытка увенчалась успехом. Это был чрезвычайно редкий случай в науке, когда всходили семена такой давности. Обычно семена сохраняют всхожесть не более 200—250 лет, а бобовые и того меньше.

Ботаники китайской Академии наук прислали в подарок Ботаническому институту Академии наук СССР имени Комарова несколько семян ископаемого лотоса. Теперь в Ленинграде, за тысячи километров от своей родины, драгоценные семена проросли. К свету протянулись зеленые стебли древнего цветка, перешагнувшего в своей жизни через тысячелетия.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

В этом номере на вкладках: репродукции картин ФранциШека Костшевского «Каменотесы», Яна Матейко «Коперник», Юзефа Брандта «Встреча на мосту» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 02810. Подп. к печ. 26/V 1958 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 407. Заказ № 1170. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Челябинск. Улица Спартака.

Фото Я. Берлинера.

Цена 3 руб.